

серия
«Стейдж Дайв»

Саша

Кайли Скотт
vk.com/stagedive

Пролог

Два месяца назад...

Его рот продолжал двигаться, но я давным-давно перестала слушать.

Они платили мне недостаточно, чтобы терпеть подобное. Невероятно. Всего второй рабочий день, а я уже была готова выброситься из окна. Говорили, что работать в музыкальной индустрии будет весело. Заверяли, что будет очаровательно. Соврали.

— ...неужели это так сложно понять? Я выражаюсь доступным языком? Эклер — это длинный пончик, покрытый шоколадом с заварным кремом в середине. А не эта, эта... круглая фигня, которую ты мне притащила. ОПЯТЬ! — прогремел идиот, тряся щеками.

Его личный ассистент, сидящая за своим столом, сползла по стулу, просто на всякий случай, если он решит следом напасть на нее. Вполне логично. Наверное, ей тоже платили недостаточно. Только мазохист получал бы от такой работы удовольствие всего за сто баксов в час. Обычно я старалась найти временную работу, которая бы длилась пару месяцев, чтобы хватило времени заработать денег и не вляпаться в неприятности.

Обычно.

— Ты меня слушаешь?

Он становился все злее, а его кожа с искусственным загаром сменилась с оранжевого цвета на поразительный оттенок бордового. Даже если бы у него случился сердечный приступ, я не собиралась делать ему искусственное дыхание. Какая-нибудь другая смелая душа могла бы принести себя в жертву.

— Мисс... как там тебя, — сказал он. — Топай в магазин и на этот раз принеси мне то, о чем я просил!

— Моррисси. Меня зовут Лена Моррисси, — я протянула ему салфетку, стараясь с ним не соприкоснуться, потому что настоящий профессионал всегда держится на расстоянии. И еще потому, что этот парень был просто отвратителен. — И это вам.

— Это что?

— Сообщение от дежурного менеджера кондитерской с извинением за то, что у них нет длинных, вкусных эклеров фаллической формы. Очевидно, раньше, чем к концу дня, они не напекут новых, — произнесла я. — Поскольку вы не поверили мне, когда я объясняла это вчера, я подумала, что вы будете более склонны поверить в эту информацию, если она поступит от представителя высшей власти в пончиковом мире.

Бедная сбитая с толку мордашка переводила взгляд с меня на салфетку и обратно.

— Его зовут Пит. Он показался милым, вам стоит позвонить ему, если возникнет потребность в дальнейшем подтверждении. Я попросила его оставить свой номер, вы найдете его в самом низу, — я попыталась указать на упомянутые цифры, но Адриан отдернул руку и скрутил салфетку в шарик мусора. О, ну что ж, попытка не пытка.

Ну, или типа того.

В углу его кабинета послышался смех. Мне улыбался симпатичный парень с длинными белокурыми волосами. Довольный блондинчик забавлялся. Я же, с другой стороны, скорее всего, была в шаге от увольнения.

Погодите, это что Малкольм Эриксон из «Стейдж Дайв»?

Вот же блин, точно он.

Значит, трое других парней должны быть остальными членами группы. Я пыталась отвести глаза, но у них были иные соображения. Знаменитости. Ха. Ну, мне хотя бы удалось увидеть нескольких вблизи, до того как дадут пинка под зад. Кажется, они не особо отличались от нормальных человеческих существ, возможно, немного симпатичнее. Даже поставив крест на мужчинах, нельзя не заметить тот эффект, который они производили. Двое парней с темными волосами и красивыми лицами вместе копались в каких-то документах. Это Дэвид и Джимми Феррис — братья. Бен Николсон, басист и самый крупный из них, вытянув ноги и закинув руки за голову, крепко спал. Ай да молодец. Не самый худший метод пережить сборы.

Мал махнул в мою сторону пальцем.

— Лена Моррисси, да?

— Да.

— Ты мне нравишься. Ты забавная.

— Спасибо, — сухо ответила я.

— Мал, дружище, — встрял Адриан. — Дай я только избавлюсь от этой... женщины. И мы вернемся к нашим делам.

Корпоративное чудовище перевело свои маленькие глазки на меня.

— Ты уволена. Убирайся отсюда.

Вот и все. Какое облегчение.

— Не так быстро, — Мал поднялся на ноги и просто, с вроде как самодовольным видом, подошел к нам. Правду говорят о самомнении парней с V-образным торсом. — Так ты занимаешься тут всякой административной хренью?

— Занималась. Да.

Он одарил меня спокойной улыбкой.

— Ты не выглядишь особо пораженной тем, что увидела меня, Лена. Я не произвожу на тебя впечатление?

— Конечно, производите. Наверное, сейчас я просто немного занята увольнением, чтобы вдоволь оценить всю важность события, — уперев руки в бедра, я посмотрела ему в глаза. Он был симпатичным, и могу поспорить, что эта его улыбка срабатывала на многих, многих женщинах. Но не на мне. — Но уверяю вас, чуть позже я слечу с катушек.

Он прислонился к дверному косяку.

— Даешь слово?

— А то.

— Смотри, я тебе поверю.

— И я ценю это, мистер Эриксон. Я вас не подведу.

Он улыбнулся мне широкой улыбкой.

— А ты вроде как смышленная. Мне нравится.

— Спасибо.

— Да пожалуйста, — склонив голову, он постучал пальцем по губам. — У тебя кто-нибудь есть, Лена?

— И вы хотите знать это, потому что...?

— Просто любопытно. Судя по хмурому выражению лица, думаю, ответ на вопрос — нет. И позор на братьев моих меньших за то, что не заметили такую прекрасную девушку как ты.

Достаточное число этих его «братьев» далеко не упустили своей возможности. Они предпочли поиметь меня, отсюда и хмурое выражение. Но, черт, я ни за что не скажу ему об этом.

— Э, Мал? — Адриан поправил толстую золотую цепь на шее, словно это был воротник.

— Секунду, Адриан.

Мал медленно осмотрел меня с головы до ног, задержав глаза на груди. Большие буфера, маленький рост и широкие бедра достались по наследству. Моя мама была точно такой же комплекции, так что с этим я правда мало что могла поделать. Только нехватка удачи в любви являлась скорее моей эксклюзивной чертой. Мама и папа женаты уже около тридцати лет, а моя сестра вот-вот сыграет свадьбу, но не то чтобы меня на нее пригласят. Длинная история. Или короткая и паршивая, выбирайте сами.

Так или иначе мне было просто замечательно и превосходно быть птичкой в одиноком полете.

— Я в самом деле думаю, что ты можешь быть той самой, Лена, — сказал барабанщик, вырывая меня из раздумий.

Я моргнула.

— Прямо той самой?

— Верно. Только взгляни на себя, ты такая милая и привлекательная. Но что мне особенно по душе, так это твой взгляд, так и говорящий «свали на хрен», которым ты смотришь на меня сквозь свои сексапильные очки.

— Вам это нравится, да? — я улыбнулась во все зубы.

— О, да. Безумно. Но ты не для меня.

— Нет?

— Прискорбно, но нет, — он покачал головой.

— Вот невезуха.

— Да, и не говори. Ты действительно много чего упускаешь, — вздохнул он, заправляя волосы за уши. А затем посмотрел через плечо. — Господа, касательно той проблемы, о которой мы говорили ранее. Кажется, я нашел решение.

Дэвид Феррис посмотрел на Мала, на меня и обратно, нахмутив лоб.

— Ты серьезно?

— На сто десять процентов.

— Ты же слышал ее, она секретарь. — Старший брат Ферриса, Джимми, даже не оторвал взгляда от бумаг. Его голос был спокойным, глубоким и все-таки совершенно безучастным. — У нее нет соответствующей квалификации.

Мал фыркнул.

— Точно, ведь все те, кто был раньше, с теми причудливыми степенями проделали такую охрененную работу. Скольких к этому времени ты уволил и сколько сбежало? Пришел час посмотреть на проблему с новой стороны, чувак. Открыть свой разум для такого чуда, как мисс Лена Моррисси.

— О чем вы говорите? — озадаченная их разговором, спросила я.

— Ребята, ребята, — муило-Адриан, начал в панике хлопать в ладоши. — Вы же не

серьезно. Давайте остановимся и поговорим об этом.

— Адриан, дай нам минуту, — сказал Дэвид. — С ним тяжело ужиться. Думаешь, она справится?

Джимми фыркнул.

— Ага, думаю да, — выдал Мал, подпрыгивая на пятках в возбуждении. Он сжал руки в кулаки, будто собирался драться. — Покажи на что способна, Лена. Выруби меня. Давай, чемпион. Ты сможешь. Прижми меня к канатам ринга!

Что за чудик. Я шлепнула по его кулаку, тем самым убирая его от своего лица.

— Мистер Эриксон, у вас есть примерно пять секунд, чтобы объясниться, иначе я уйду.

Дэвид Феррис одарил меня маленькой улыбкой. Или, быть может, одобрил? Не знаю, да и не важно. С этим цирком давно покончено. У меня есть объяснения, с которыми смогу направиться в агентство по устройству на временную работу. Учитывая то, что стычки с придурком из начальства на работе были для меня не в первой, мои надежды на прощение были малы. Может, меня просили раз или два умерить пыл. Но серьезно, жизнь слишком коротка, чтобы позволять на себя орать. Позволять людям помыкать собой и получать, чего им вздумается. Это я усвоила на горьком опыте.

Опустив в разочаровании плечи, Мал вздохнул:

— Ладно, ладно. Не играй со мной. Тоже мне велико дело.

Они с Дэвидом обменялись взглядом. Затем Дэвид толкнул брата локтем.

— Возможно, о ней стоит задуматься.

— Она огрызнулась на Адриана и неожиданно стала той самой? — спросил Джимми. — Seriously?

— Мал прав, она другая.

Адриан издал тихий вопль отчаяния. Печально это или нет, но мое сердце пришло в восторг от услышанного. Быть может, сегодня меня не полностью списали со счетов.

— Скажи-ка мне, Лена, — сказал Мал; его лицо озарила улыбка. — Как ты относишься к Портленду?

— А там разве не постоянно идут дожди? — спросила я. Честно говоря, мысль о том, чтобы уехать настолько далеко на Тихоокеанский северо-запад не прельщала.

Мал простонал.

— Я знаю, прекрасная Лена, знаю. Поверь мне, я пытался заставить их вернуться в Лос-Анджелес, но они даже бровью не повели. В настоящее время братья Феррис будут жить в Портленде. Даже Бенни-бой там обосновался.

Бен, басист, открыл один глаз и посмотрел на нас уставшим взглядом. Потом закрыл его и продолжил спать.

— Давай, Джимбо, — сказал Мал, снова подпрыгивая на месте. — Помоги мне убедить ее в том, что Портленд не такая уж полная задница.

Наконец, не прошло и полгода, Джимми вздохнул и посмотрел на меня.

Чего Малу не получилось сделать, этому удалось с лихвой. Все замерло, кроме моего сердца, громко стучавшего в ушах. Мужчина был столь же прекрасен, как и звезды. Я могла только смотреть на него издалека, мне до него не дотянуться. Но все-таки, мгновения, подобные этому, обязаны относиться к категории важных. И как главный признак того, что это судьба, земля должна уходить из-под ног. Но вместо приглушенного света и драматичной музыки я получила раздраженный холодный взгляд голубых глаз от парня в костюме с иголки. Темные волосы упали на его лицо и воротник, обрамлявший скулы

ангела и челюсть упрямого ребенка. Каждая остальная видимая его частица полностью соответствовала взрослому мужчине. А вот то, как он стискивал свою челюсть... ну да ладно.

Может он и симпатичный, но определенно не из приятных личностей. На моем пути достаточно повстречалось неприятных мужчин. Уж поверьте мне, прежде чем считать его привлекательным.

Так что я хмуро уставилась на него в ответ.

Его взгляд стал еще свирепее.

Мой не отставал.

— А что, вы уже оба наслаждаетесь обществом друг друга! Как будто знакомы несколько лет. Мне кажется, из нее выйдет замечательный личный ассистент, — сказал Мал. — Лена, скажи ему.

— Личный ассистент-сожитель? — повторила я как попугай, совершенно потерянная.

— С каких это пор мне нужен ассистент? — Джимми осмотрел меня с головы до пят, сжав губы в явном неодобрении.

— С тех пор, как ты не можешь выдержать трезвого компаньона — ответил спокойно его брат, даже немного холодно. — Но решать тебе. Если не хочешь дать ей шанс, то звукозаписывающая компания найдет тебе другого компаньона. Кого-нибудь подходящего.

Джимми съежился и широкие плечи, обтянутые костюмом, поникли. Мне стало почти жаль его. Может парень и не располагал жизнерадостным нравом, но с его братом ничего бы не стало, окажи он немного поддержки. Кровные узы. Что тут поделать?

— Им посчастливится и в конечном итоге они смогут найти того, с кем ты сможешь ужиться, да? — спросил Дэвид. — Ты хорошо справляешься, но мы не можем позволить, чтобы ты теперь сорвался.

— Не собираюсь я срываться.

— Скоро мы отправимся в тур, и вся твоя рутина развалится к чертям. Что приведет к ситуациям, из-за которых ты с легкостью можешь вернуться к прежним привычкам. Ты слышал, что сказал последний терапевт.

— Ладно, Дэйв. Ладно. Иисусе, — несмотря на то, что говорил брат, взгляд Джимми ни разу не оторвался от меня.

Я невозмутимо смотрела в ответ. Отступить это не в моем стиле.

— Я найму ее, — сказал он.

Я засмеялась:

— Эм, мистер Феррис, я пока еще ни на что согласия не давала.

— Но есть условия, — продолжил Джимми.

Стоявший рядом со мной Мал вскинул в воздух кулак, издавая звуки бушующей толпы. Мой комментарий, видимо, остался полностью без внимания.

— Я не хочу, чтобы ты постоянно маячила перед моими глазами, — сказал Джимми, испепеляя меня взглядом.

— Давайте проясним один момент, пожалуйста. Значит, вы предлагаете мне работу своего личного ассистента-сожителя? — спросила я, просто, чтобы убедиться.

— Нет, я предлагаю тебе проработать испытательный период в качестве моего личного ассистента-сожителя. Скажем месяц... если ты столько продержишься.

Я смогу прожить с ним месяц. Наверное. Но сумма за эту работу должна быть приличной.

— Что включает в себя эта должность и сколько заплатят?

— Она включает в себя, чтобы ты не маячила перед глазами, и твой оклад будет в два раза больше того, что ты зарабатывала здесь.

— В два раза? — мои брови устремились ввысь.

— Ты не будешь никому докладывать о том, что со мной происходит, исключение возможно, только если я начну расклеиваться, — сказал он. — В таком случае тебе нужно будет обратиться к кому-нибудь из парней группы или нашему главе охраны. Уяснила?

— О каком «расклеивании» мы говорим сейчас конкретно?

— Поверь мне, если оно произойдет, ты поймешь. Еще раз, как тебя зовут?

— Лена.

— Лина?

— Нет. Лена. Л. Е. Н. А.

Адриан издал слабый булькающий звук, будто его кто-то душил. Но это было не важно. Имело значение лишь то, как разгладились морщины на лбу Джимми Ферриса. Гнев, напряжение или что там было, исчезло с его лица, и он задумчиво смотрел на меня. Он не улыбался. Даже и близко. Но всего на краткий миг я задумалась над тем, что же нужно такого сделать, чтобы заставить его улыбнуться.

Любопытство убивало.

— Ле-на, — он произнес мое имя так, словно пытался определить его размер. — Ладно. Держись к чертям подальше от моей жизни, и посмотрим, куда это приведет.

Джимми терял контроль.

Дверь в гостиничный номер содрогнулась, за ней что-то громко разбилось. Внутри номера говорили на повышенных тонах, но слов отчетливо слышно не было. Может, мне стоит просто некоторое время побыть в коридоре. Какое же это искушение. Сама виновата, нужно было смыться несколько недель назад. Дело обстояло так: несмотря на отличную зарплату, мы с этой работой не поладили. Только вот каждый раз, когда я открывала рот, чтобы сказать ему о своем уходе, слова куда-то исчезали.

Я не могла этого объяснить.

— Привет, — ко мне шла Эв в простом черном платье, нервно скручивая пальцы. Ее белокурые волосы были уложены в элегантный пучок.

— Привет.

— Там с ним разговаривает Дэвид.

— Ясно.

Наверное, мне тоже стоило надеть платье, последовать традиции. Последнее, что мне хотелось, так это публично опозорить Джимми в день, подобный этому. Только ноябрь в Северном Айдахо может быть настолько холодным, что замерзает попа. Как уроженец теплого климата могу заверить: колготки делают недостаточно толстыми, чтобы бороться с погодой такого рода.

Группа и их свита находились в Кёр-д'Ален уже больше недели и настроение Джимми было мрачным с момента нашего приезда. Даже хуже обычного. Мама Мала умерла четыре дня назад, проиграв сражение с раком. Из услышанного мне удалось узнать, что Лори была для братьев Феррис как приемная мать. Их настоящая мать, видимо, представляющая собой не более чем лишнего потребителя кислорода, бросила их в раннем возрасте. Я встречалась с Лори всего пару раз. Никто не смеет оспорить то, что она была прекрасной душой.

Послышалось больше приглушенных криков. Еще один удар.

— Пожалуй, не стоило мне идти завтракать. — Кофе, французский тост и намного больше кленового сиропа, чем требуется для одной девушки, перевернулись у меня в животе. Есть на нервной почве отстойно. — Думала, что пересекусь с ним на обратном пути из спортзала.

— Ты не можешь постоянно за ним присматривать.

— Мне платят за попытку, — пожалала я плечами. — Господи помоги мне.

— Раз на то пошло, то он нанял тебя с условием не маячить перед глазами. Точно так же, как и остальных. Немного личного пространства ему пойдет на пользу, — Эв вздрогнула, когда из комнаты смерти раздался еще один жуткий удар. — По большей части.

— Хм-м.

Джимми не увольнял всех пятерых моих предшественников, некоторых он мягко спровоцировал уволиться. Или, по крайней мере, так он это описывал. Но я не стала поправлять ее.

— Дэвид его успокоит, — произнесла Эв голосом полным уверенности.

Как мило, что она преклоняется перед героическими способностями своего мужа. Я и не вспомню последний раз, когда во мне было столько веры в своего парня. Дэвид и Эв на

пьяную голову поженились в Вегасе шесть месяцев назад. Видимо, это была та еще адская история, хотя мне и не удалось услышать ее целиком. Эв пару раз приглашала меня погулять вместе со своими друзьями, но я всегда находила отговорки. Не то чтобы я не ценила подобный жест, просто это казалось неправильно: я ведь работала с ее шурином.

Как бы то ни было, моя работа заключалась в том, чтобы следить за Джимми. Я одарила Эв извиняющейся улыбкой и вставила ключ в замок. Пришло время надеть шляпу упрямыцы, которая, по словам моего бывшего, благослови его боже, мне определенно шла.

Я медленно, спокойно открыла дверь. В четырех шагах от моего лица о стену разбился стакан, пугая меня до чертиков. Я, в свою очередь, упала на пол; сердце в груди билось как сумасшедшее.

— Лена, — проревел Джимми. — Свали отсюда нахер!

Пропади пропадом эти долбаные рок-звезды.

Серьезно.

Хорошо, что на мне все-таки брюки. Поцарапанные от ковра на полу коленки не смотрелись бы привлекательно. А еще, как только мы вернемся в Портленд, я наконец-то уволюсь или же потребую прибавку к зарплате за работу в опасных условиях. Ни за что не стану больше это терпеть.

— Бросишь еще что-нибудь, Джимми, и я засуну свой трехдюймовый каблук так глубоко в твою задницу, что для его извлечения тебе потребуется команда хирургов, — я посмотрела на него через свою темную челку. — Это понятно?

Он нахмурился.

Я усмехнулась.

И так всегда, одно и то же.

— Ты в порядке? — Дэвид Феррис пересек роскошный люкс, обходя сломанный столик и разбитую лампу. Он протянул мне руку, помогая подняться. Оба брата Феррис имели отличные внешние данные, деньги, известность и талант. Но только у одного из них были манеры. Не смотря на приличия этикета, мой взгляд остался прикованным к разъяренному мужчине на другой стороне комнаты.

— В порядке. Спасибо, — я поправила свои перекошенные очки.

— Не думаю, что он что-то принимал, — тихо сказал Дэвид. — Просто, ну знаешь, у него плохой день.

Боже, надеюсь, Джимми ничего не принимал. Ради блага нас обоих.

— Для всех нас это трудное время, Лена.

— Да. Я знаю.

Джимми расхаживал со сжатыми кулаками по ту сторону комнаты. Обычно парень вел себя как принцесса, выпендриваясь перед окружающими, что ему удавалось на ура. Со своими зачесанными назад волосами, дизайнерскими деталями образа, и выглядя как конфетка, его статус самодовольного рок-бога делал его идеальным. Я могла без проблем фантазировать и потакать своему либидо, пока он не заметит остального.

(Прискорбно, но, когда я поклялась завязать с мужчинами, мой секс-голод не исчез. Насколько легче стало бы жить, если бы так и случилось.)

Вот только сегодня Джимми казался слишком человеческим. Одет он был лишь наполовину, а его темные волосы обрамляли острые очертания лица и подходили к образу вместе с щетиной. Его обычный непробиваемый контроль пропал без вести. Его фигура и комната вводили в шок. Кажется, не осталось ни одной уцелевшей вещи. Наверное,

выглядела я как один из тех клоунов на ярмарке, участвующих в аттракционе, где нужно забросить в рот мячик, чтобы выиграть приз. Моя голова все продолжала крутиться из стороны в сторону, чтобы оценить всю картину происшедшего.

— Вот это погром, — пробормотала я.

— Хочешь, чтобы я позвал Сэма? — спросил Дэвид, имея в виду главу службы безопасности.

— Нет, я разберусь. Спасибо.

Он сощурил глаза.

— Не могу представить, чтобы он что-нибудь вытворил, но... он сильно взбешен. Ты уверена?

— Абсолютно. Встретимся внизу.

Уверенность — залог успеха. Я открыла дверь, и он вышел через нее, все время обеспокоенно глядя на меня. Моя фальшивая улыбка, видимо, не успокаивала.

— Может, я побуду неподалеку, — сказал он. — Просто на всякий случай.

— Ты нанял меня для того, чтобы я с ним разбираюсь. Не переживай. С нами все будет хорошо, — сказала я, закрывая дверь перед нахмуренными лицами Дэвида и Эв.

Джимми продолжал расхаживать, не обращая внимания на мое присутствие.

Я сделала глубокий вдох, затем еще один. Осторожно и медленно. Невозмутимо и спокойно. Всевозможные ободряющие слова прокручивались вновь и вновь в моей голове. Не обязательно вести себя безупречно, чтобы закончить работу, — достаточно хорошей мотивации. И мыслей о том, чего я желала этому мужчине, ведь его благополучие было моей работой, моим приоритетом. Ради него я буду стараться изо всех сил. Под каблуками хрустело стекло, пока я аккуратно пробиралась по комнате. Обходя опрокинутый диван и разбитую лампу. Даже нет желания прикидывать, во сколько обойдутся все эти разрушения. К этому времени, должно быть, сюда уже подоспела охрана. Остальные постояльцы, услышав погром, наверняка успели пожаловаться. Хотя, быть может, пять штук за ночь включает в себя исключительную звукоизоляцию номера.

Взгляд Джимми стал мрачнее, когда я подошла ближе. Его зрачки выглядели нормальными, не расширенными. Он плюхнулся на обеденный стул, демонстрируя раздраженность и агрессивный настрой, а также отличную координацию. Возможно, он ничего не принимал.

— Что происходит? — спросила я, останавливаясь напротив него.

Никаких признаков крови, хотя костяшки его пальцев были поцарапаны и покрыты слабыми розовыми ссадинами. Расставив ноги, он уперся локтями в колени и прикрыл голову руками.

— Уходи, Лена. Я хочу побыть один.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Он хмыкнул.

— Разве это не походит на клише — разгромить свой номер?

— От**бись.

Я вздохнула.

Ладно, значит драконить его — не самая лучшая мысль. Я надвинула очки на переносицу, предоставляя себе возможность подумать. Время, чтобы попробовать что-нибудь новое. На нем не было ни рубашки, ни обуви, только черные брюки. И как бы здорово не смотрелись его татуированная грудь и плечи, он не мог пойти в таком виде на похороны.

Особенно в такую погоду.

— Джимми, мы скоро уходим. Тебе нужно собраться. Ты же не хочешь опоздать, да? Проявив тем самым неуважение?

Ответа не последовало.

— Джимми?

— Ненавижу, когда ты используешь этот голос, — сказал он, все еще уставившись в пол.

— Какой голос?

— Такой, когда ты пытаешься говорить как мой терапевт. Но ты не доктор, так что завязывай с этим дерьмом.

Поскольку правильного ответа не нашлось, я оставила рот закрытым.

На его шее резко выделялись жилы, а испарина пота очерчивала мышцы на спине. Но несмотря на злость его поза говорила о поражении. Может он и был редким высокомерным хреном, но Джимми Феррис был сильным и гордым. За пару месяцев проработав в качестве его сиделки, я видела его в разном настроении, чаще всего в плохом. Но никогда не видела его сломленным. Это причиняло боль. И помимо нежелательной, эта боль была неожиданной.

— Мне нужно выпить, — сказал он резко.

— Нет!

— Лена... черт. Я не могу...

— Можешь.

— Просто принеси мне что-нибудь, — отрезал он.

— Я не стану этого делать, Джимми.

Он вскочил на ноги, его лицо перекошилось от ярости. Каждая моя частичка с инстинктом самосохранения кричала о том, чтобы я отступила, убежала и спряталась. Папа всегда говорил, что мое упрямство не принесет мне ничего хорошего. Джимми возвышался надо мной, даже несмотря на каблуки, к тому же его любимым новым развлечением стали бег и жим штанги, лежа на скамье. Поэтому всплеск адреналина в моей крови был вполне обоснованным, но Джимми меня не тронет.

По крайней мере, я надеялась, что не тронет.

— Одну гребаную бутылку, — прорычал он.

— Эй...

— Черт, ты не представляешь, каково это. Мне просто нужно, чтобы ты принесла мне одну бутылку. А затем я снова завяжу с выпивкой. Обещаю.

— Нет.

— Возьми телефон и закажи ее.

— Ты разбил телефон.

— Тогда тащи свою задницу вниз и принеси мне выпить.

Я покачала головой.

— Ты работаешь на меня! Я плачу тебе зарплату. Ты отчитываешься передо мной, — он ткнул в свою грудь пальцем, чтобы подчеркнуть смысл сказанного. — Помнишь?

— Да. Но выпивку я тебе не принесу. Угрожай, сколько хочешь, — мой голос дрогнул, но я не отступила. — Этого не случится. Никогда.

Он зарычал.

— Джимми, тебе нужно сейчас же успокоиться.

У него сжалась челюсть, и раздулись ноздри.

— Мне не хочется больше никого в это вмешивать. Но я задумываюсь над подобным вариантом. Поэтому, пожалуйста, успокойся.

— Б****! — он пытался контролировать себя, и эта борьба отчетливо отражалась на его лице. Он смотрел вниз на меня, уперев руки в бедра. Долгое время он ничего не говорил; единственный звуком в комнате служило его тяжелое дыхание. — Лена, пожалуйста.

— Нет. — Вот блин, это прозвучало неубедительно. Я приобняла себя за живот, призывая больше силы. — НЕТ.

— Пожалуйста, — попросил он снова, глядя на меня своими покрасневшими глазами. — Никому не нужно об этом знать. Это останется между мной и тобой. Мне нужно что-нибудь, чтобы взять себя в руки. Лори много... она для меня много значила.

— Я знаю и сочувствую твоей потере. Но выпивка не поможет, — сказала я, с трудом вспоминая все мудрые слова, которые прочла в интернете. Но из-за колотившегося сердца было невозможно ясно думать. Может я его и не боялась, но до ужаса переживала за него. Он не мог сорваться. Я ему не позволю. — Выпивка является временным решением, которое в дальнейшем все только усугубит. Тебе это известно. Ты сможешь пережить сегодняшний день. Сможешь.

— Мы собираемся похоронить ее в земле, — его голос надломился, и он упал обратно на стул. — Она кормила нас, Лена. Когда никого не было дома, она усаживала нас с Дэвидом за свой стол и кормила. Заботилась о нас как о собственных детях.

— О, Джимми...

— Я... я не смогу это сделать.

По-видимому, не могла и я. И в качестве доказательства стояла на месте, совершенно бесполезная, пока из-за него мое сердце обливало кровью. Раньше я задумывалась над тем, что же может выбить его из колеи. Конечно, задумывалась. Но и предположить не могла, что причиной тому послужит нечто подобное.

— Мне так жаль, — проговорила я, но этих слов даже отдаленно не достаточно.

По правде говоря, Джимми нуждался в терапевте, советчике или ком-то вроде того. В ком угодно, кроме меня, потому что у меня не было ни единой гребаной мысли, как с этим справиться. Парень расклеивался прямо на моих глазах, и наблюдать за тем, как он разваливается на части, было сродни пытке. Последние несколько лет я была столь осторожна, придерживаясь рамок приличия и не высывая нос из собственной скорлупы. А теперь, ни с того ни с сего, его боль причиняла столько же боли и мне, разрывая изнутри и оставляя на попечение терзаний. Комната начала расплываться перед глазами.

Что, черт возьми, я до сих пор тут делала?

Когда я устроилась на работу, мои должностные обязанности были предельно ясны. Держаться возле него и ни в коем случае, даже под угрозой смерти, увольнения или чем бы там не захотели воспользоваться против меня его адвокаты, не позволять ему выпить каплю алкоголя или принять самую малость наркотиков. Не может проскочить даже одна пилюля. Учитывая то, что он по собственной воле был чист почти полгода, это не казалось такой сложной задачей.

До этого момента.

— Я найду тебе рубашку, — сказала я, моргая как сумасшедшая, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. С квалификацией или без нее, я — все, что у него было. — Нужно помочь тебе собраться, и затем мы можем выдвигаться.

Он ничего не ответил.

— Мы пройдем через это, Джимми. Этот день пройдет, и все наладится.

Слова вышли кислыми. Я лишь надеялась, что они не показались ложью.

В ответ все еще ничего.

— Договорились?

— Зачем я сказал, что толкну речь на похоронах? Каким хером я думал? — он нахмурился. — Парни должны были знать, что из этого ничего не выйдет, что не стоит меня в это ввязывать. Я не в том состоянии для такого. Да для чего угодно. Но Дэйв весь такой «ты скажешь пару слов, я прочитаю несколько строчек и все будет зашибись». Что за бред.

— Ты сможешь.

— Не смогу, — он провел по лицу руками. — Если я не хочу облажаться на похоронах самого лучшего человека из всех, кого когда-либо знал, то мне нужно выпить. Одну бутылку, а после я снова завяжу.

— Нет, — я пригвоздила его к месту взглядом. — Они попросили тебя сказать речь, поскольку знают, что у тебя это получится лучше всех, как бы сильно им не хотелось этого признавать. Ты же лицо группы. Тебе не нужна выпивка. Блистать и быть в центре внимания — вот твоя задача. Твоя сущность.

Он долго смотрел на меня. Так долго, что становилось все сложнее и сложнее выдерживать его взгляд.

— Ты справишься, Джимми. Знаю, что справишься. Во мне нет ни капли сомнения.

Никакого ответа. Он даже не моргнул, просто продолжал смотреть на меня. Взгляд не был злым, хотя я не уверена, каким он был, если не сказать больше. Я потеряла липкие ладони о брюки.

— Ладушки, — сказала я, выискивая пути к отступлению. — Я принесу твою одежду.

Неожиданно меня обвили сильные руки, притягивая ближе. Я споткнулась, и от падения меня удержало лишь горячее лицо, уткнувшееся в мой живот. Его объятия были чрезмерно крепкими, словно он ожидал, что я буду сопротивляться, что отвергну его.

Но я просто стояла в полном ошеломлении. Все его тело тряслось, дрожь проходила сквозь меня, доходя до самых костей. Но он не издал и звука. Что-то намочило перед моей рубашки, отчего та стала прилипать к телу.

Это мог быть пот. Но плохое предчувствие подсказывало, что это не он.

— Эй...

Ни что за последние два месяца не подготовило меня к подобному. Он никогда не нуждался в моей поддержке. Если уж на то пошло, то я причиняла ему неудобства. Мы ругались. Он пытался поставить меня на место. Я выпаливала шутку. Методика наших отношений была разработана давным-давно.

Парень, прижимающийся ко мне, был незнакомцем.

Мои руки нависли над его обнаженными плечами; внутри вскипала паника. Мне определенно запрещено его касаться. Даже самую малость. В деловом контракте на сто двенадцати страницах об этом довольно четко написано. До этого момента он настаивал на избегании какого-либо контакта, но теперь его руки сжимались еще крепче, а пальцы впивались в мою рубашку. Почти уверена, что слышала, как скрипнула моя грудная клетка. Черт, а он сильный. Повезло, что я вовремя вышла из шокового состояния, иначе он мог бы зажать меня до смерти.

— Джимми, я не могу дышать, — прохрипела я.

Хватка немного ослабла, и я осталась на месте, пытаюсь отдышаться; легкие работали с

двойным усердием. Крупные руки продолжали держать меня. Видимо, никуда я не пойду.

— Может, мне стоит позвать Сэма, — сказала я в порыве здравомыслия, как только совладала с дыханием. Их глава службы безопасности скорее напоминал бандита в костюме. Но, готова поспорить, у него отличные легкие

— Нет.

Блин.

— Или Дэвида. Хочешь, чтобы твой брат вернулся?

Я почувствовала, как он повернул голову, сперва налево, затем направо. Еще одно «нет».

— Ты не можешь им рассказать.

— Не буду. Обещаю.

В ушах звенела тишина.

— Просто дай мне минуту, — сказал он.

Я стояла в его объятиях, как окаменевшая, совершенно бесполезная; от манекена было бы больше толку. Черт, нужно что-нибудь сделать. Медленно, очень медленно я опустила руки. Всепоглощающая потребность утешить его перевесила любую угрозу судебных разбирательств. Жар поцеловал мои ладони. Складывалось впечатление, будто у него лихорадка, по упругим контурам его плеч и затылку стекал пот. Мои руки плавно скользнули по его плечам, делая все возможное, чтобы успокоить.

Ощущение того, что он во мне нуждался, и нахождение с ним в такой близости приносило приятное беспокойство.

— Все хорошо.

Я запустила пальцы в его густые черные волосы. Такие мягкие. Не удивительно, что адвокаты не хотели, чтобы к нему прикасались: теперь, попробовав, кажется, я не в силах остановиться. Мне стоило постыдиться: лапать бедолагу в такой-то час. Но это он был инициатором. Он ухватился за меня в поисках утешения и, по-видимому, когда дело касалось его, этого утешения у меня было во внушительном количестве.

— Что я скажу? — спросил он, приглушенно. — Как смогу толкнуть гребаную речь?

— Скажи о том, что она для тебя значила. Они поймут.

Он фыркнул.

— Нет, серьезно. Просто говори от сердца.

Он судорожно втянул воздух, упираясь в мой живот лбом.

— Что еще хуже, она звонила.

— Она? — я бросила на его макушку пронзительный взгляд. Черт возьми, кажется, с ним все было в порядке. Он не бредил. — Кто тебе звонил?

— Мама.

— Оу. — Эта новость не из хороших. Но все-таки услышать ее куда приятнее, чем думать, будто Джимми придумал телефонный звонок от недавно умершей. — Что она хотела?

— То же, что и, б****, всегда. Деньги. — Его голос прозвучал резко и тихо. Настолько

тихо, что мне пришлось напрячь слух, чтобы расслышать его. — Предупредил ее держаться подальше.

— Она в городе?

Кивок.

— Угрожала сорвать похороны. Я сказал, что запеку ее за долбаную решетку, пусть только попробует.

Черт, не женщина, а сущий кошмар.

— Дэйви не в курсе, — сказал он. — Так и должно оставаться.

— Хорошо. — Не знаю, насколько мудрым это было, но не мне решать. — Я не скажу ему.

Я чувствовала, как под моими руками напряглись его плечи; его страдание обволакивало нас, как непроницаемый покров. Больше ничего не существовало.

— С тобой будет все хорошо, — я склонила голову и ссутулилась, закрывая его своим телом.

Сердце разрывалось от боли, о бесстрастности можно только мечтать. Желание разделить его страдания было слишком сильным. Обычно он был жутко раздражающим, таким беспечным и грубым. Хотя благодаря злости с работой было легче справляться. Когда он вел себя как засранец, я могла оставаться равнодушной, по большей части. Но эти опасные новые чувства, что переполняли меня сейчас, были нежными и глупыми, теплыми и сопливыми. Не может быть, что меня так задело его состояние.

Блин.

Что, черт возьми, со мной происходило?

Он сжал мои округлые бедра и поднял голову, чтобы посмотреть мне в лицо, показав его впервые без брони. Все его резкие черты потускнели из-за боли и, если на то пошло, от этого его красота стала очевиднее. Я облизнула свои внезапно сухие губы. Его пальцы напряглись и сильнее впились в мою блузку, а лоб нахмурился, когда он мрачно посмотрел на оставленное мокрое пятно.

— Извини за это.

— Ничего страшного.

Он отпустил меня, и мои слабые и потерянные ноги пошатнулись.

Интимность момента прошла и, подобно приливной волне, свое место заняла неловкость. Я чуть ли не ощущала, как его стены возвращаются на прежние места. Мои же были медленнее, слабее, черт бы их побрал. Кто-то подменил материал, из которых они были сделаны: титан на фольгу, оставив меня открытой и незащищенной. Это все его вина. На какой-то момент он и вправду сошел со своего сооруженного самим же пьедестала. Был со мной настоящим, показал свои страхи, и я вроде как даже пробормотала какую-то утешительную хрень. Если честно, то уже и не помню какую. Неудивительно, что он снова закрылся от меня.

К тому же, мы находились неестественно близко друг к другу. Между нами оставалось несколько дюймов. Для подтверждения сего факта Джимми одарил меня долгим смущенным взглядом, просто на случай, если я не заметила. Видимо, он жалел о случившемся. Сами посудите, он же плакал, опираясь на нанятую для оказания помощи девушку, ради всего святого!

— Я принесу твою одежду, — сказала я, хватаясь за первую пригодную мысль, что пришла в голову.

Ничего не видя, я, спотыкаясь, ринулась через комнату. Меня переполняли мысли и чувства, все казалось размытым. Мне нужно поговорить с мамой. Насколько мне известно, в нашей семье не было сердечников. Дядя Джон умер от рака. Причиной бабушкиной смерти послужило курение по пачке сигарет в день. Кажется, замечательная тетушка Валери подхватила какую-то странную грибковую инфекцию легких, но я в этом не уверена. Мама точно в курсе. Что бы там не происходило с моим сердцем — ничего хорошего из этого не выйдет. Мне всего-то двадцать пять, я слишком молода для смерти. Хотя как раз в подходящем возрасте, чтобы стать ипохондриком.

Я взяла рубашку и галстук из его гардероба в невероятно огромной главной спальне. Моя комната, находящаяся по другую сторону номера люкс, была не плоха. Но эта комната заставила постыдиться даже самого отпетого модника. Простыни, покрывала и подушки были разбросаны по гигантской кровати. Но не из-за безумных секс-марафонов, потому что, насколько мне известно, он был либо бесполом, либо воздерживался, а может и то и другое. И все же, очевидно, что спал он плохо. Могу только представить, как он крутился из стороны в сторону, как ворочалось его большое сильное тело на этой огромной, крепкой кровати. Совсем один со всеми своими плохими воспоминаниями. А я всего-то находилась в комнате неподалеку, одна, и тоже не особо хорошо спала, как и он. Иногда по ночам мой мозг просто не мог заткнуться или выключиться, и прошлая ночь была из их числа.

Я приросла к месту, загипнотизированная видом клубка из простынь и покрывал.

Опять же с моим сердцем произошло нечто странное. Нечто совершенно не от мира сего. А на то, что творилось между моими ногами, лучше было не обращать внимания. Уверена, есть пункт в контракте, запрещающий наличие какого-либо рода влажности с моей стороны, особенно если она имела отношение к единственному и неповторимому Джеймсу Дилану Феррису.

— Эй, — сказал он, возникая возле меня, чуть не напугав до смерти.

— Привет, — я колебалась с ответом, почему-то опять немного учащенно дыша. Может, стоит обследовать и легкие, просто на всякий случай. — Тебе бы сполоснуться по-быстрому. Пошли.

Он пошел за мной как послушный ребенок. Свет в белой ванной казался очень ярким после эмоционального переполоха, ослепляя меня. Так, что дальше? На тумбе были расставлены бутылки и тюбики. Тем не менее в голову не пришло ни единой подходящей идеи.

— Нам нужно поторопиться, — сказала я, в основном для себя.

Я положила его рубашку и галстук на тумбу, схватила губку и намочила ее. Если бы я не накрасилась, то плеснула бы в лицо холодной воды, позволив пробудиться от всех этих странностей. Тем временем Джимми уставился вдаль, его мысли опять блуждали где-то далеко. Я подняла мочалку, но он не среагировал. Черт с ним, у нас не было на это времени, сделаю все сама. Когда к его коже прикоснулась холодная влажная губка, у него раздулись ноздри, и он попятился.

— Стой спокойно, — сказала я и начала впервые в жизни вытирать кого-то губкой. По сути я шоркала его как безумная. И даже в своем порыве помыла его за ушами.

— Господи, — пробормотал он, выгибаясь, чтобы улизнуть от меня.

— Не дергайся.

Затем последовала его шея, после — плечи. Я опять намочила губку и торопливо провела ею по его груди. Лучше ни о чем не думать, просто видеть в нем Джимми, моего

босса. Лучше, да, но все-таки тело под ладонями было твердым как камень, нереальным, если не сказать больше, несмотря на покрытую везде мурашками кожу. Когда на кон поставлена работа, то физиологические потребности, нахлынувшие гормоны и эмоции могли отойти на задний план. Я справлюсь.

— Так. Теперь рубашка, — я взяла тонкую дорогую ткань и подержала ее, пока он просовывал руки в рукава, задев костяшки моих пальцев своей гладкой кожей, вызывая дрожь по всей руке. Я обошла его, чтобы застегнуть пуговицы. — Нам нужны запонки. И я не знаю, как завязывать галстук.

— Я завяжу.

— Ладно, — я протянула ему аккуратную полоску из черного шелка. Все хорошо, мне просто нужно подышать воздухом, чем холоднее, тем лучше.

Джимми обошел меня, направившись обратно в спальню. Он взял с комода пару серебряных запонок и застегнул их на рукавах рубашки. Вообще-то, зная его, они, скорее всего, были платиновыми. Из-под манжет рубашки и выше воротника виднелись татуировки. Ему никак не удалось бы замаскироваться от образа рок-звезды, какой он и являлся. Он даже не пытался скрыть это или хотя бы постараться вписаться, для этого он был слишком прекрасен.

— Тебе нужно что-нибудь еще? — спросила я, следуя за ним как маленький потерянный щенок. Мои ноги шли сами по себе, в то время как руки весели по бокам. Ему вовсе не к чему знать, что он заставил меня понервничать.

— Нет, не беспокойся.

На краю кровати лежали носки и туфли. Он сел и начал их одевать. Его пиджак висел на спинке стула, поверх него было сложено черное шерстяное пальто. У нас все отлично получалось, мы успевали.

— Твоя речь с тобой? — спросила я.

Он нахмурился сильнее.

— Да. Она в моем кармане.

— Отлично. Мне осталось захватить сумочку и пиджак.

Он вздернул подбородок и прошелся по мне взглядом.

— Ты хорошо выглядишь, кстати.

— Э, спасибо.

— Просто констатирую факт. Ты выглядишь хорошо.

Он отвернулся.

А я вот не пошевелилась. Сначала я обалдела от комплимента, но затем почему-то мне показалось неправильным оставлять Джимми одного. Это не давало покоя. Что, если он опять расстроится, а меня не будет рядом, чтобы успокоить его? Его трезвое состояние было слишком важным, нельзя им рисковать.

Со сжатыми в линию губами он рассматривал медленно высыхающий клочок моей блузки.

— Ты точно никому не скажешь?

— Точно. Никогда.

Он выдохнул со свистом и стал заметно спокойнее.

— Хорошо...

Я кивнула, слегка улыбнувшись.

— Слушай, Лена.

— Хм-м?

Он отвернулся.

— Здесь ничего нет: ни таблеток, ни бухла. Я не пересек черту. Если хочешь, могу сдать на тест слюну, и можешь обыскать комнату...

— Нет, мне это не нужно, — сказала я, все еще ошеломленная. — Если бы здесь что-нибудь было, то ты бы не стал требовать от меня принести тебе выпивку, и у нас был бы совершенно другой разговор. Или ты бы отправился обратно на реабилитацию, а я лишилась работы.

— Верно.

Некоторое время мы оба молчали. Я скрестила руки на груди; мое лицо неизменно выражало напряженное состояние.

— Можешь оставить меня одного, — сказал он. — Все в порядке, иди за своими вещами. Делай, что там нужно, и будем выдвигаться.

— Точно! — из меня вырвался фальшивый постыдный смешок. Черт. Я совсем забылась. — Да, ладно. Я пойду за своими вещами.

— Здорово, — он запустил руку в свои волосы точно так же, как делал это десятки раз за день с тех пор, как я начала на него работать. В этом не было ничего нового. Но в этот раз мое сердце сразу же повторило ту штуку с уханьем в груди.

Нет. НЕТ.

Это не могло быть связано с ним, я отказывалась в это верить.

— Так ты идешь? — его лицо перекопилось от раздражения и спасибо за это, Господи. Его нескрываемая враждебность принесла мне такое облегчение, что словами не передать; мы вернулись в прежнее русло.

— Да, Джимми. Я иду.

— Сейчас?

— Прямо сейчас.

Я вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

У меня не было чувств к Джимми Феррису. Что за безумная мысль. Он же бывший наркоман. И пусть я им восхищаюсь и уважаю его за то, что он взялся за свою жизнь и выиграл эту битву, мне совсем не нужно связываться с кем-то, кто едва ли полгода в завязке. К тому же, большую часть времени Джимми не ведет себя как приятный парень. Абсолютное отсутствие заинтересованности с его стороны, и соответствующие рассуждения говорили о том, что в его понятии все остальные люди, населяющие планету, не годились ему в подметки.

Но, что хуже всего, он был моим боссом.

Ничего я к нему не чувствую. Я не могла, ни за что. Да, я влюблялась в неподходящих, непостоянных мудаков и отпетых уголовников, но с этим покончено. В особенности с мудаками и непостоянными типами. Так что я не могла ничего к нему чувствовать. Я действительно выросла как личность и тому подобное. Да?

Я прислонилась к ближайшей стене.

— Твою мать.

Я глубоко вздохнула и сосредоточилась на похоронах.

Все наладится.

Ничего не наладилось.

По-видимому, мама Мала любила лилии. Моя голова кружилась от их сладкого насыщенного аромата. Для нас были оставлены места в передней части, рядом с членами семьи, в чем нам повезло, потому что в церкви людей было под завязку. До чего неловко будет сидеть рядом с Эриксонами, учитывая, что я едва их знала, но Джимми хотел, чтобы я сидела именно там. При входе стояла охрана, выпроваживая любых незваных гостей. Но, не взирая на нее и погоду снаружи, собралась группа фанов. Они звали Джимми, размахивали футболками и прочим дерьмом, прося оставить автограф, когда мы заходили внутрь. Мне хотелось наорать на них, сказать им, чтобы включили мозги. Сегодня Джимми не уделил им и минуты внимания. Не трудно предположить, что если парень вернулся в родные края, то стоит проявить больше уважения к его личной жизни, особенно в такой час. Некоторые просто не думают об этом или же им такой расклад не подходит. То, чего хотели они было куда важнее, а на остальное им было насрать.

Боже, ненавижу таких людей.

Играл орган, и собравшиеся подпевали, как могли. Дальше настанет черед говорить Джимми. Его лицо все еще выглядело бледнее обычного, и даже немного сероватым. Может он и не искал моей поддержки, но с ним определенно было не все в порядке. Я взяла его за руку и не отпускала, даже когда он отшатнулся от прикосновения. Взгляд, которым он посмотрел на наши сцепленные руки, выражал отчетливое недоумение.

— Все хорошо, — сказала я.

Он перестал вырываться и начал суесться с узлом в галстуке.

— Джимми, у тебя получится.

Орган смолк. В нашу сторону повернулся Мал и, боже, его лицо. Он выглядел опустошенным, его глаза полны потери. Энн, девушка барабанщика, стояла рядом, обвив рукой его талию. Неделю или две назад в их великой любовной интриге были небольшие помехи. Здорово, что они снова вместе, особенно сегодня.

Мал кивнул Джимми, давая ему сигнал. Может все и начиналось с того, что я держалась за него, но теперь ситуация стала с точностью наоборот. Его пальцы вцепились в мои, сдавливая чуть не до синяков, но больше он не пошевелился. Он замер.

С другой стороны к нам, хмурясь, склонился Дэвид:

— Джим?

В зале слышалось перешептывание, толпа становилась беспокойнее. Проповедник отошел в сторону от кафедры, вытянул шею и с надеждой высматривал того, кто займет его место.

Кто-нибудь должен что-то сделать.

— Пошли, — я положила руку ему на спину и толкнула. Сильно.

Он очень медленно моргнул, словно я разбудила его от глубоко сна.

— Джимми, пора идти. Твой черед, — прошептала я. — Иди.

Мучительно медленными шагами он вышел в проход между рядами. Я шла следом, от веса всех этих взглядов волосы на затылке вставали дыбом. Все равно. Мы шли бок о бок, моя рука направляла его, ни разу не отрываясь от спины. Поднялись по ступеням и прошли к

подиуму. Я порылась в кармане его пальто в поисках речи, достала ее и положила на кафедру. В толпе перешептывались по поводу нашего странного поведения. Пошли они. Главное, чтобы он пережил сегодняшний день целым и невредимым.

— Ты как, справишься? — спросила я.

Он нахмурился:

— Да.

Я отошла в сторону.

Какое-то время его взгляд блуждал по толпе, переходя к Дэвиду и Эв, Бену, чудовищно высокому басисту, и затем к Малу и Энн. После чего он повернулся ко мне; его рот был сжат в мрачную линию, но вот глаза о чем-то просили. Я легонько улыбнулась ему, осторожно подбадривая. Я ни капли не сомневалась, что он сможет это сделать. Какими бы еще качествами не обладал Джимми Феррис, помимо них он был особенным и непростым, прекрасным и чудовищным, и все это в одном лице. Он был прирожденным исполнителем.

В ответ он еле заметно опустил подбородок, и я выдохнула. Он сможет это сделать и сделает.

Но все же, клянусь, я чувствовала, как его боль продолжала давить на меня, угрожая расколоть надвое. Верх взяло некое сочувствие, начавшееся еще тогда, в номере отеля, и теперь я не могла отделить свои чувства от его. Что хуже всего — я и не хотела.

Намеренно или нет, но он впустил меня, и я не могла оставить его одного со всеми этими чувствами.

Завтра я отступлю на хорошенький шаг. Но сегодня ему нужен друг.

— Здравствуйте, — сказал он, его глубокий сильный голос держался отлично. — Меня зовут Джимми Феррис. Впервые я встретил Лори Эриксон, когда она разрешила нам репетировать в своем гараже. Тогда мне было около шестнадцати. Поначалу мистер Эриксон был не в особом восторге от того, что мы там играем, но Лори убедила его в обратном. Никто бы не стал так переживать за нас. Если начистоту, то шумели мы адски. Едва ли имея гребаное... простите, едва ли имея малейшее представление, чем занимались.

— Летом она приносила нам по огромному стакану «Кул-Эйда»¹. Люди, которые знают меня, не удивились бы, услышав, что я выливал четверть воды, заливал туда дешевой водки, уговаривая кого-нибудь из парней притащить ее из винного магазина, что находился вниз по улице, — он посмотрел на своего брата, и Дэвид натянуто улыбнулся в ответ.

— Так вот, — сказал он, откашливаясь. — Однажды она вернулась и застала меня за этим делом. Не имело значения, что я был крупнее нее. Она схватила меня за ухо, чуть не оторвав от головы. Затем вывела меня на улицу и устроила взбучку. К тому времени, как она закончила, я чувствовал себя с дюйм ростом. Будь то хорошие или плохие методы, Лори знала, как поставить тебя на место. И как только она перестала ругаться, тут же успокоилась и заговорила со мной. На самые обычные темы. Обо всем, что угодно. Но с тех самых пор, каждый раз, когда я приходил туда, у нее находилось время поговорить со мной, даже если это занимало всего две минуты. В то время наша мама уже нас бросила, так что подобное меня никогда не ждало по возвращению домой. Сейчас я клонила к тому, что я не был одним из детей Лори. Скорее всего, я не был и тем, кого она хотела видеть в компании своих детей. И все-таки, она всегда относилась ко мне, как к собственному ребенку. Всегда приглядывала

за мной и Дэйвом, следила за тем, чтобы мы были одеты и накормлены, что у нас есть все необходимое. Она заботилась о нас, когда остальным было наплевать, — его лицо исказилось от боли; он прочистил горло. — Она заботилась, когда никому больше до этого не было дела.

Во время паузы он выпрямил и сжал пальцы.

— Мне бы хотелось сказать вам, что после этого я перестал пить в гараже Лори. Так стоило бы закончить историю. Но еще, наверное, тогда какая-то часть меня пристрастилась к выпивке. У меня не было передышек и в пару дней, и позже из-за этого я натворил кучу гадостей. Мне невыносима мысль о том, что я разочаровал ее. Может, это прозвучало так, будто она привнесла недостаточно усилий, недостаточно повлияла. Но то, что она делала, было бесценным. Она была первым человеком из всех, из-за которых я захотел стать лучше. Стать хорошим человеком. Добиться большего. И в этом была ее сила. Если вы можете сделать так, чтобы такой парень, как я, захотел стать лучше, то в вас определенно есть что-то особенное.

Джимми аккуратно взял листок бумаги с речью и свернул его. Это не важно, он ему не нужен. Поэзия жила внутри него, в том, как он обнажал свое сердце перед этими людьми. Он стоял прямо, глядя на толпу. Может его правдивая история была не из приятных, но его поза излучала силу, гордость. При виде него в моей груди разливалось тепло. Чувство удовлетворенности, которое не ожидала почувствовать еще долгое время. Не то чтобы я хвалила его, знаю, но все же...

— Возможно, было странно рассказывать вам эту историю, — неторопливо и спокойно сказал он. — В ней я определенно выгляжу не с лучшей стороны. Но мне кажется, чтобы объяснить, почему Лори была так важна, стоило начать издалека. Что делало ее такой потрясающей, так это то, что... ей было не все равно. Она искренне заботилась о людях. И это столь же необычно, как и прекрасно. Именно поэтому ее будет так чертовски не хватать.

Я вытерла ладошкой слезу, прежде чем Джимми смог бы заметить, что я плакала. К несчастью, недостаточно быстро. По крайней мере, не похоже на то, что в таком состоянии пребывала одна я. Повезло, что хоть зал не затопило.

Он повернулся ко мне с лицом, лишенным эмоций.

— Пойдем.

Я шмыгнула носом.

— Угу.

Мы пошли обратно к нашим местам, на этот раз его рука лежала на моей пояснице, ведя вперед. Но не успели мы дойти до них, как на пути стал Мал. Без слов он обхватил Джимми руками. Он крепко обнял его, похлопывая по спине, как обычно это делают парни. У Джимми ушла секунда, чтобы ответить и похлопать его в ответ. Снова зазвучал орган и каждый вокруг нас встал на ноги. Голоса заполнили зал.

Я скользнула на скамью и заняла свое место. Джимми сел рядом, его нога задела мою. Я ожидала, он проворчит, чтобы я подвинулась, впрочем, места тут особо не было в связи с неожиданно образовавшейся сумочкой. Но он не стал этого делать. Если честно, то после всей драмы и эмоционального переполоха держаться ближе казалось хорошей идеей.

Для него, разумеется. Я была в порядке.

Его взгляд мельком упал на место, где мы соприкасались, и затем он отвернулся.

— Ты в норме?

— Да. А ты?

Он издал звук, который вполне подходил для знака согласия.

— Хорошо, — я положила руки на колени.

У кафедры начал говорить проповедник. Нога Джимми прижалась немного ближе. Вот только смотрел он прямо перед собой, видимо, не понимая, что творит. На его лице ничего не отражалось. Быть может, таким образом он выражал свою признательность, благодарил меня. А может у него была судорога. Не важно. Мои губы изогнулись в маленькой улыбке, и в облегчении опустились плечи.

У нас получилось. Мы прошли через это.

Черничный пирог был исчадием ада.

На то, чтобы убедиться в этом наверняка, у меня ушло два куска. Но теперь я была уверена.

Я сидела в углу гостиной в доме Эриксонов, с Эв по одну сторону, и Энн — по другую. На коленях у каждой стояло по пустой тарелке. Эти поминки совершенно отличались от остальных. Они включали еду, хорошую музыку и почти всех знакомых семейства Эриксонов. Вначале преобладала печальная атмосфера. Конечно, не без этого. Но разговоры и тихий смех медленно наполнили пространство, пока это не стало больше походить на празднование жизни Лори, чем на оплакивание ее ухода из жизни. Сейчас, пять часов спустя, толпа начала редеть. Я подавила зевок, моргая уставшими глазами. Это был тот еще денек, полный всевозможных эмоциональных взлетов и падений.

Мал опустил перед Энн на колени. Уголки его полных губ по понятной причине были опущены. Не то чтобы у меня вошло в привычку поглядывать на губы чужих парней. Но иногда такие вещи было сложно не заметить.

— Эй, — нежно сказала Энн, прижимая ладонь к его щеке. — Мне нужен кусочек счастья.

— Что я могу для тебя сделать?

— Скажи, что любишь меня, — он наклонился, и она встретила его на полпути, оставляя нежный поцелуй на его губах.

— Я люблю тебя, Мал, — сказала она.

— Нет, не любишь. Ты говоришь так, лишь чтобы поддержать разговор. Ужасно врать о таких вещах, Тыковка. Не знаю, как ты можешь спать по ночам.

— Сплю я очень хорошо, лежа рядом с тобой, — улыбнулась она и переплела свои пальцы у него на затылке. Долгое время они крепко держались друг за друга, дразнясь и воркуя.

— Где Джимми? — спросила Эв, прерывая представление.

Думаю, нам не стоило докучать влюбленной паре. Даже если они перешептывались о приятной всячине и целовались прямо на наших глазах. Они были милыми. Да, я могла признать, что иногда скучала по тому, чтобы в моей жизни был кто-то особенный. Хотя все мужчины, с которыми я встречалась, скорее приносили больше неприятностей, чем комфорта. Что, следовательно, и послужило причиной клятвы завязать с сексом и оставаться одной. Мне нужно было защититься от своего же дерьмового вкуса на мужчин, даже если из-за этого мне некого обнять.

— Лена? — засмеялась Эв. — Прием?

— Извини. Э, Джимми... он снаружи с мистером Эриксоном. Думаю, ему нужно немного времени «свободного от Лены».

— Сегодня он хорошо справился с речью.

— Да, так и есть.

— И ты хорошо справилась, помогая ему пройти через это.

— Спасибо, — я рассматривала свою пустую тарелку.

— У него было не особо много женщин, на которых он мог положиться, — сказала она,

понижив голос. — Как он сказал, их рано бросила мать. Хотя, мне кажется, что это было к лучшему. Из того малого, о чем рассказал мне Дэвид, можно судить, что она была не из самых позитивных личностей.

— У Джимми нет склонности говорить о ней. У него нет склонности говорить о чем-либо в принципе, — я снова нахмурилась, уставившись в никуда. За последние несколько часов я узнала о нем больше, чем за последние пару месяцев. Это было не просто переварить. То, каким я увидела его сегодня, меняло все на корню.

— Да уж, Джимми точно не назовешь общительным.

Я фыркнула.

— Это еще мягко сказано. Если мне удастся вытащить из него два слова насчет назначения встреч, то считай, мне полагается медаль.

— И все-таки ты продержалась дольше остальных, — слегка вздохнув, Эв положила руки на живот. Она тоже попробовала несколько разных десертов. — По-видимому, ты что-то делаешь правильно.

— Ха-х. Интересно, что? — я уставилась в потолок, погруженная в глубокие раздумья.

— Не знаю. Может, ты ему нравишься. А, может, ему одиноко и он просто наслаждается твоей компанией.

— Ну да. Мы сейчас говорим об одном и том же Джимми Феррисе? Рок-звезде?

— Стыд и позор на твою голову, Лена, — сказала она, ее улыбка изобличала сказанные слова. — К этому моменту ты должна была бы уже понять, что быть рок-звездой не всегда подразумевает под собой то, что ты думаешь.

— Возможно...

— Если он осторожничает, то неспроста.

— Он говорил с тобой об этом? — с любопытством поинтересовалась я.

Она издала смешок.

— Ха, где там. В основном я придерживаюсь вежливой дистанции, как и все остальные.

Но как знать, деликатно спроси его, может он и поговорит только с тобой.

Я поморщилась. Несмотря на сегодняшние беспрецедентные события, мысль о том, что Джимми будет регулярно разговаривать со мной, а не просто выпаливать указания, как сейчас, так и в будущем, казалась маловероятной.

— А еще с тем же успехом он может уволить меня за то, что сую нос в его дела.

— Тоже верно. Но мы всегда рискуем, когда заботимся о людях, которые нам дороги.

Что-то в том, как она это сказала, заставило меня напрячься.

— О, нет. Джимми и я состоим строго в деловых отношениях.

— Я знаю.

А что насчет ее улыбки? Я ей не доверяла.

Громко ступая по полу, к нам подошел Дэвид. В его руках извивался черно-белый щенок, при этом безумно виляя хвостом. Выражение на лице у парня было не самым счастливым.

— В мой ботинок помочилась собака.

— У-упс, — Эв криво усмехнулась ему.

— Это не смешно, — проворчал Дэвид, и это прозвучало так похоже на его брата, что на момент показалось, будто они могут быть близнецами. Что было мило.

— Хорошая работа, Киллер, — Мал забрал у Дэвида собаку. — Я горжусь тобой, сынок.

— Он не собирается менять кличку? — спросила Эв.

Энн пожалала плечами и протянула руку, чтобы погладить щенка по голове.

— Мы вроде как уже к ней привыкли.

Щенок был подарком на день рождения Энн, что было неделю назад, но, несмотря на это, Мал подобрал ему имя еще до того, как вручить. Этот Киллер шел вместе с шикарной квартирой, в которой позволено держать животных, вместе со всеми удобствами.

Чертовски уверена, что и я бы не жаловалась.

Снаружи раздался громкий визг. За ним быстро последовал еще один. Но на этот раз он все никак не прекращался. Это могло быть животное, вот только помимо визга слышались слова, содержащие яростную брань.

— Это женщина? — спросила я, съезживаясь.

— Что за черт? — Мал вскочил на ноги, протягивая Энн щенка.

Мал и Дэвид побежали к двери, Эв и я не отставали. Оказавшись снаружи, после нахождения в теплом помещении, по моему лицу резко ударил холодный воздух. Там разворачивалась самая странная и, пожалуй, самая тревожная сцена. Стоя за ветвями клена, одинокая женщина вопила на Джимми.

Что за черт, в самом-то деле.

Дэвид побежал к ним навстречу.

— Мам... Что ты здесь делаешь?

— Ах ты хрен неблагодарный, — прокричала женщина, полностью игнорируя своего младшего сына. — Думаешь, я не расскажу им обо всем?

Джимми даже не моргнул.

— Валяй. Я больше не дам тебе денег. Уже говорил тебе об этом утром. Чего ты, черт возьми, думала добьешься, заявившись сюда?

У нее были длинные черные волосы и скулы, о которые можно порезаться. Семейное сходство было очевидным, только ее кожа была более изможденной, а волосы свисали спутанными прядями по спине.

— Твои угрозы не напугают меня, — усмехнулась она.

— Мам, это похороны. Уходи отсюда, — сказал Дэвид, занимая место возле брата.

— Дэйви, ты всегда был ко мне добрее, чем он. Ты же поможешь своей бедной мамочке, так ведь? — ее голос звучал, как яд, пропитанный лживой нежностью. — Всего разок займи, малыш. Мне просто нужна небольшая помощь, чтобы встать на ноги.

Он расправил плечи.

— Из того, что я слышал, Джим занял тебе денег более чем достаточно, а ты смыла их в унитаза. Разве не так?

— Мне нужны мои лекарства.

— Твои лекарства, что за чушь собачья, — усмехнулся Джимми. — Что тебе нужно, так это унести свою задницу отсюда, пока мы не вызвали копов.

— Уходи, мам, — сказал Дэвид. — Это неправильно. Мы собрались, чтобы попрощаться с Лори. Прояви хотя бы немного уважения, а?

Позади нас на ступеньках начал собираться народ, наблюдая за ужасной сценой с широко открытыми глазами и любопытными взглядами. А стерва все продолжала подражать банши, не обращая ни на кого внимания. Как мать могла быть настолько жестокой, было выше моего понимания, но реально переживать стоило о том, как это влияло на Джимми. Боже, эти разборки были последним, с чем он должен был иметь сегодня дело.

Я бесшумно подошла к нему, чтобы быть поближе, на случай если понадобится. Когда у

меня появится возможность покончить с этим дерьмом, я ей воспользуюсь.

Их мать захихикала:

— Что же такого сделала эта осуждающая дрянь, кроме как настроила моих сыновей против меня, а?

— Ладно тебе, мам. Не принижай в этом своей заслуги, — сказал Джимми, его голос был резок. — Ты делала это на протяжении многих лет до того, как мы познакомились с Лори.

Женщина зарычала на него, приподняв уголки губ как бешеное животное. Если бы у нее начала бежать пена изо рта, то я бы не удивилась. Гремучая смесь ненависти и безумия наполнила ее глаза. Ничего удивительного, что у Джимми были свои проблемы. Не могу представить, каково это было подвергаться такому отношению с малых лет.

— Ты самый что ни на есть паразит, не более, — сказал он, насмехаясь прямо ей в лицо. — Отвратительный ничтожный кусок дерьма, с которым нам посчастливилось иметь родственные связи. А теперь убирайся отсюда к такой-то матери, пока мы не натравили на тебя копов. Говори прессе, что хочешь, потому что хрена с два я дам тебе хотя бы доллар на твои наркотики. И если ты думаешь, что есть хотя бы маленький шанс того, что я позволю проделать то же самое дерьмо с Дэйвом, то ты окончательно выжила из ума.

Ее лицо побагровело, будто у нее случился припадок.

— Убирайся отсюда.

Она скривила губы и посмеялась над ним. Грязные ногти чиркнули по его лицу, оставляя неровные царапины. Без лишних раздумий я выскочила вперед, чтобы оттолкнуть его. Но Джимми был слишком занят тем, что держал женщину за руки, пытаясь удержать ее от меня подальше. Его брат просто наблюдал с разинутым ртом. Обезумев от ярости, женщина, стиснув зубы, опять бросилась на Джимми.

С лица Джимми закапала кровь, и мои глаза застлала красная пелена. Волна злости накрыла меня, согревая, не смотря на холод.

Два брата стояли рядом друг с другом. Подумаешь. Я двинулась вперед, вклиниваясь между ними. Затем сильно пихнула стерву в грудь. По-видимому, Джимми такого не ожидал. Его хватка была недостаточно крепкой, и женщина полетела вниз на холодную, жесткую землю. Ее потертое зеленое пальто раскрылось, открывая полинявшее летнее платье. У ее покрытых грозными красными язвами ног был истощенный вид. Боже милостивый, как до сих пор эта женщина была жива?

— Я засужу тебя! — проревела она на меня. — Это нападение. Думаешь, я ни черта не шарю?

Ну, да. Много же она знала, меня не за что судить.

— Даже не пытайся, мам, — Джимми очень мягко потянул меня локоть обратно. — Это я здесь истекаю кровью. Из-за не спровоцированного нападения. А Лена просто меня защитила. Копы посмеются над тобой, попытайся ты доказать обратное.

— Посмотрим, — утонченные черты ее лица исказились от злобы. Миссис Феррис медленно поднялась на ноги, потуже запахивая свое пальто.

Никто из ее сыновей не ответил.

— Тупорылая шлюха, — выплюнула она, обращаясь ко мне, после чего, спотыкаясь, пошла по лужайке и дальше по улице. Никогда прежде я не была так рада видеть чью-то удаляющуюся спину.

— Так я точно не попаду за решетку? — спросила я чисто из любопытства. Ну ладно,

возможно, совсем немного испугавшись угроз безумной женщины.

— Конечно, не попадешь, — Джимми посмотрел на меня из-за плеча. На его щеке красовались три кровавые линии.

От одного его вида я быстро начала остывать.

— Нужно промыть твое лицо. Пошли внутрь.

— Ты знал, что она в городе? Последний раз я слышал, она была в Лос-Анджелесе, — Дэвид смотрел на удаляющуюся фигуру своей матери, ее длинные темные волосы неистово трепал ветер.

— Она проследила за мной до отеля, звонила этим утром.

Губы Дэвида сжались в линию.

— Почему ты ничего не сказал?

— Потому что было о чем переживать помимо нее, — сказал Джимми.

— Ради всего, б****, святого, мужик. Она же моя мать.

— Да, как и моя.

Лоб его брата нахмурился. Должно быть, это фишка Феррисов, они постоянно так делали во время стресса, когда были озадачены или же просто под наплывом других эмоций. А тем временем Джимми не сдвинулся ни на дюйм. Он просто стоял на месте, истекая кровью.

— Здесь холодно, — сказал Дэвид.

Джимми обернулся, чтобы последний раз посмотреть на их мать. Для всех остальных могло показаться, что у него скучающий, раздраженный взгляд. Но пальцы, разглаживающие низ пиджака, говорили о другом, по крайней мере, для меня. Это зацепило его гораздо больше, чем он хотел показать.

— Что ты хочешь сделать, отправить ее в приют? Она там не останется. Может, нам купить ей теплой одежды? Она за минуту обменяет ее на бухло и наркоту. Это все, что ее заботит и чего она хочет.

— Да, но...

— Но что? — спросил Джимми, с его лица медленно капала кровь.

— Черт, — его брат провел рукой по своим длиною по плечи волосам. Они и правда были схожи во многих вещах. — Неужели для тебя так легко просто взять и отвернуться?

— Я знаю, что здесь холодно, Дэйви. Я знаю.

— Твою мать, чувак, ты в порядке? — спросил Мал.

Джимми вздрогнул, будто снова схлопотав рану.

— Да. Мне действительно очень жаль, что она заявила сюда и за прочее...

— Парни, это не ваша вина. — У каждого должен быть такой отец, как у Мала. Его голос был непреклонен, без тени всякой ерунды. Джимми открыл рот, чтобы возразить, но мистер Эриксон поднял руку, останавливая его. — Нет, сынок. Достаточно. Почему бы нам всем не вернуться в дом, подальше от этого ветра?

Шоу закончилось, и зрители на ступеньках начали заходить внутрь. Джимми кивнул и тоже сделал, как было сказано. Я последовала за ним и Малом в ванную на нижнем этаже, каждая моя частица ныла от переизбытка адреналина. Обычно я не была кровожадной. Но я не стала бы это проверять еще раз на той женщине.

Ванная была узкой, тесной комнатой. По-видимому, родители Мала не стали наживать за счет сына. Их двухэтажный дом, построенный по старому дизайну, был окружен уже отцветшими цветниками. Но фотографии, развешенные по всему коридору,

показывали все краски, что приносила сюда весна. Моя мама обожала садоводство. Зимними неделями она постоянно суежилась, не зная, чем себя занять. Обычно она училась какому-то дорогому замысловатому ремеслу, которое бросала в тот же момент, когда оттаивала земля. Внезапная волна тоски по дому накрыла меня с головой.

Что было глупо.

Пока что я не испытывала желания возвращаться домой. А вот после фарса со свадьбой сестры, когда утихнет вся шумиха? Вполне. Тогда я смогла бы провести время с родителями, наладить связи и дела. Встретилась бы со своими старыми друзьями и поняла, что осталось для меня дома. Даю обещание.

— Мама хранила аптечку здесь, — Мал порылся в шкафчике над раковиной, доставая повидавшую годы белую коробку. — А, вот и она.

— Все не так плохо, — сказал Джимми. — Я просто смою кровь.

— Определенно нет, — сказала я.

— И рискнешь занести инфекцию в эту столь красивую мордашку? — неодобрительно бросил Мал, принимая мою сторону. — Ну, пожалуйста, принцесса. Ради меня?

Джимми слабо ему улыбнулся и взял коробку.

— И я вполне уверен, что ты предпочтешь Лену в роли медсестры. Оставлю вас детишек играть с аптечкой.

Я прижалась к стене, и Мал протиснулся мимо, направившись в коридор.

— Крикните, если что-нибудь понадобится.

На старой аптечке скрипнула крышка, когда ее открыл Джимми.

— Ага.

— Спасибо, — улыбнулась я Малу.

Он подмигнул.

— Так. Садись на край ванны, — поручила я, беря на себя роль главной.

Джимми сел, изучая темно-красные пятна на своей рубашке.

— Она испорчена.

— У тебя есть другие.

— Мне сшили ее специально на заказ в «Савиль Роу»² в Лондоне. Ты хотя бы представляешь, сколько стоят такие вещи?

Я вас умоляю. У него было денег больше, чем у Бога.

— Ты просишь одолжить тебе денег?

Он фыркнул.

— Потому что, по правде говоря, не знаю, достаточно ли сильно ты мне нравишься, чтобы занять тебе.

— Был не в курсе, что вообще тебе нравлюсь, — сказал он, проглаживая свою рубашку, будто ей это поможет. Он был прав, она заслуживала билет в одну сторону, но только в корзинку для лоскутов.

— Хм-м. Ты не так уж плох. Я встречала личностей гораздо, гораздо хуже. — И не стоит вдаваться в подробности в ближайшее десятилетие. Я закрыла рот на замок и поправила очки, занявшись копанием в аптечке. — Что же тут у нас имеется.

— Слушай, Лена, по поводу сегодняшнего...

Я ждала, когда он закончит мысль. И ждала.

— Что?

Он с мрачным видом уставился в стену, полностью избегая смотреть мне в глаза.

— Я просто... просто хотел сказать, э...

— Да-а-а?

— Ну, что, эм, ты была полезной.

— Я была полезной? — мои брови взлетели до опасных высот, точно говорю. После всего, через что мы сегодня прошли, все, что я получила, это звание «полезной»?

Он пожал плечами.

— Да, в основном.

— В основном? Я была в основном полезной? — я медленно покачала головой, сдерживаясь от недоверчивой усмешки. К счастью, мое чувство собственного достоинства от него не зависело, иначе к этому времени от него остались бы жалкие, ссохшиеся и прячущиеся в уголке остатки. Это парень был занозой в заднице. Похоже, было справедливо вернуть должок. — Кажется, это самая приятная вещь, которую мне когда-либо говорили, мистер Феррис. И она была прекрасна, как поэзия. Я больше никогда не смогу воспринимать слово «полезная» в том же свете.

Он презрительно фыркнул, бросая в меня суровый взгляд.

— Здорово. И там было «в основном полезная».

— А, да, простите, в основном полезная. Ого. Даже не знаю, как отблагодарить вас.

— Для начала сойдет меньше болтовни. Давай уже разберемся с ранами.

— Да, сэр. Сию минуту, сэр. — Я чуть было не отдала честь, но едва удержалась.

Когда поминки начали медленно сворачиваться, дальше по коридору начали разноситься разные звуки. Был слышен звон тарелок и как складывали столовые приборы. И то, как с кем-то попрощался Мал с последующим хлопком входной двери, после которого волосы встали дыбом. Наверное, меня настиг холодный ветер. И на фоне всего этого играл какой-то старый мотив из репертуара Боба Дилана.

— Не стоит благодарности, кстати, — сказала я, смягчая голос, тем самым давая ему передышку. В конце концов, денек у него выдался намного хуже моего. К тому же, ему было нелегко сказать спасибо. Не то чтобы он так и сделал. — Я рада, что помогла.

Он посмотрел на меня, в его глазах не было преград. Ну, хотя бы в этот раз они не были холодными и жестокими.

— Я тоже, — тихо ответил он.

На какой-то миг я на самом деле потерялась. Мы просто уставились друг на друга в тишине, как будто ждали чего-то или пытались что-нибудь понять. Не знаю. Это было странно.

А затем он отвернулся.

— Прием, Лена? — он указал на свою щеку. — Я все еще истекаю кровью.

— Точно, — я оторвала свежий слой марли, после чего начала бороться с крышкой дезинфицирующего средства. Дурацкие замки с блокировкой. — Посмотрим, смогу ли я залатать тебя. — Когда я украдкой посмотрела на него, то увидела, что он опять уставился в бесконечность. По-видимому, от меня отключились.

— Будет жечь, — сказала я, обильно смачивая марлю. — Кто знает, насколько грязными были у нее ногти. Поэтому нужно будет хорошенько обработать раны.

Он сморщил нос от запаха.

— Только не притворяйся, что не получишь от этого удовольствия.

— Ты задел меня. Можно подумать, я только и занимаюсь тем, что получаю удовольствие от причинения тебе умеренной боли или дискомфорта.

Я не могла убрать с лица улыбку. Хотя не особо и старалась. Словесные перепалки с Джимми были куда веселее, чем то, что я вытворяла с большинством обнаженных мужчин. Что печально.

Очень печально.

Осторожно я начала промывать его рану, вытирая кровь со щеки. Я старалась не особо раздумывать о случившемся, но мысли отказывались замедлять ход. За один день мы прикоснулись друг к другу больше, чем я могла себе представить. И судя по болезненному состоянию моего сердца, это было не к добру. Я нахмурилась, сосредотачиваясь на задаче. Это новое повышенное внимание к его персоне сводило меня с ума. Мы не связаны, не совсем. Все это из-за того, что день вышел столь переполненным эмоцией и т. п. Было столько драмы, взлетов и падений, сколько я не переживала годами, и на то, чтобы предсказать, к чему все это приведет, уйдет некоторое время. Завтра мы вернемся в Портленд, и все вернется на свои места, Джимми будет игнорировать мое существование. Так что не стоит себя накручивать.

Во всяком случае, я не могла сейчас его бросить. Это все равно, что ударить упавшего духом человека.

Он поморщился.

— Ауч.

— Не будь таким ребенком.

Если бы еще мои дурацкие руки перестали дрожать, выдавая меня. К счастью Джимми вроде бы не заметил. Чем больше я хлопотала над его лицом, тем злее становилась. Нет, ну правда, не день, а сплошное дерьмо. Мал потерял чудесную мать, в то время как Джимми и Дэвид пострадали от встречи со своей очень даже живой и долбанутой до мозга костей мамашей. Где, черт возьми, в этом была справедливость?

После нескольких использованных пакетов марлевых салфеток и моря дезинфицирующего средства мы закончили. Если стерва оставила ему шрамы, то в следующий раз я сделаю кое-что похуже, чем просто толкну ее задницу. На всякий случай я тщательно смазала кремом с антибиотиками открытые раны, пока его щека не стала выглядеть белой, как у снеговика.

— Нужно было толкнуть ее сильнее, — сказала я. — Прости, я знаю, она твоя мама, но...

— Больше не вытворяй подобное дерьмо, — сказал он. — Она неадекватна, Лена. Ты могла бы пострадать.

— Ха. Тогда тебе пришлось бы слушать мое нытье.

— Черта с два.

— Что, ради меня не сыграешь медбрата Джимми? Я сейчас расплачусь.

Я тихонько засмеялась. Если я смогу сохранить легкий и непринужденный настрой, то все будет хорошо. Или по крайней мере, сохранить его легким и непринужденным, насколько это между нами возможно. Вот только из-за ауры страдания, что витала вокруг него, было невозможно держаться на расстоянии.

— В этом нет твоей вины, — сказала я.

Он отвернулся; его руки крепко обернулись вокруг аптечки, от чего та снова закрипела.

— Закончила?

Осторожно я продолжила наносить крем. Моей главной проблемой был рот. Точнее то, что я использовала его гораздо чаще, чем следовало. Больше всего это раздражало, когда он

как одержимый начинал разбрасываться информацией, не принося никакой пользы, а только заставляя выглядеть глупой.

— Как-то я встречалась с парнем, который продал мою машину ради травки.

Джимми откинулся назад, подальше от моих пальцев.

— Дохренища травки.

— Да уж, — я уперла кулаки в бедра, удерживая жирные от крема пальцы подальше от тела. — Иногда просто необходимо обрывать все связи с некоторыми личностями, ради собственного блага.

— Думаешь, я об этом не знаю? — спросил он обманчиво спокойным голосом.

— Тогда, на улице, ты не мог задеть ее, — сказала я. — Но ей нужно было уйти. Мне показалось, что последнее, что я могу сделать — это подтолкнуть ее в правильном направлении. И я не жалею об этом.

— В следующий раз не вмешивайся.

— А будет следующий раз?

— Надеюсь, что нет.

От боли в его глазах разрывалось сердце. Боже мой, он убивал меня. Это должно прекратиться.

— Все готово, — заявила я и отвернулась, чтобы помыть в раковине руки. С прикосновениями более чем достаточно. Они подпитывали ту нелепую идею, в которой мы с Джимми были близки, как друзья или вроде того. Но мы ими не были, так что нужно выбросить это из головы. История гласила так: только глупышка могла позволить себе испытывать чувства к парням; мое же сердце до самого конца оставалось закрытым. Моя коллекция из бывших идиотов была эпичной. Когда дело доходило до смешивания пенисов и чувств, я себе не доверяла. Он просто был моим боссом — ни больше ни меньше.

Джимми стоял позади меня и потягивался.

— Паршивый выдался день.

— Ага.

— Жду не дождусь, когда он закончится, и мы сможем поехать домой.

Он посмотрел через мое плечо на свое отражение в зеркале.

— Лена, я не могу выйти в таком виде! Господи.

— В аптечке не было подходящей повязки, чтобы покрыть твою щеку. Я сделала все, что могла из того, что было под рукой.

— Я по-идиотски выгляжу.

— Нормально ты выглядишь, — произдевалась я.

Он пробормотал под нос ругательства.

— Может, успокоишься?

— Я не с тобой разговаривал, — проворчал он.

Он наклонился, и я двинулась вперед, только места больше не было. Нужно избегать любого соприкосновения с его передом и моей спиной любой ценой. Но в этой комнате было практически невозможно избежать прикосновения к своему заду. Уж поверьте мне, я пыталась. Так что я перестала протискиваться дальше, чтобы освободить ему дорогу. Вряд ли мне удастся уменьшить себя до размеров, о которых девушке можно только мечтать.

Стоя за мной он начал тыкать пальцем в свою щеку, строя странные рожицы.

— Прекрати, — сказала я. — А то у тебя снова пойдет кровь.

Ледяные голубые глаза сузились, глядя на меня в зеркале.

— Почему бы мне не пойти к мистеру Эриксону и спросить, сможет ли он одолжить тебе рубашку?

В знак согласия он кивнул подбородком. В девяти случаях из десяти Джимми предпочитал использовать этот метод вместо разговоров. Ведь это куда эффективнее, чем тратить время на настоящие слова.

— Эм, Джимми? Ты бы не мог перестать разглядывать себя в зеркале на минутку...

— Что?

— Здесь мало места. Ты бы не мог подвинуться, чтобы я вышла, пожалуйста?

Он окинул мою спину взглядом, затем изгиб моей пышной задницы, и то маленькое пространство, не больше волоска, что осталось между нами. Без комментариев он шагнул влево, чтобы я смогла пройти вправо.

— Спасибо, — сказала я.

— Спросишь, есть ли у него простая белая рубашка, ладно?

— Конечно.

— И поторопись.

Ни тебе пожалуйста. Ни спасибо. Ни хоть чего-нибудь.

Как типично.

Мистера Эриксона я обнаружила у кухонной раковины, он стоял там и смотрел в окно. Из гостиной доносилась музыка и разговоры, но он оставался вдалеке, один. Никто не мог помочь ему пройти через это. Разбить свое сердце и потерять своего партнера, свою вторую половинку, — это почти одно и то же.

А что если бы это случилось с моими мамой или папой?

Черт. В горле пересохло. Я отбросила ужасную мысль подальше. С ними было все хорошо, только на днях с ними разговаривала. Но все же это случится, они постареют. Пора покончить с моими бесцельными скитаниями. Нужно отправиться домой и повидаться с ними. Уж лучше рано, чем поздно, потому что, если что-нибудь произойдет, то я никогда себе этого не прощу.

Казалось неправильным тревожить мистера Эриксона. Так что Джимми перебьется.

Я шагнула назад, мой локоть задел стоящую на стойке миску с фруктами. Удар о стекло выдался шумным, предупреждая всех в радиусе двенадцати миль о моем присутствии. Мистер Эриксон обернулся, удивленно смотря на меня.

— Лена. Ты ведь Лена, да?

— Да, мистер Эриксон. Простите, что потревожила.

— Пожалуйста, зови меня Нейл. Джимми в порядке? — от беспокойства на его лице появились морщинки.

— В порядке, — улыбнулась я. — Но ничего страшного, если он одолжит рубашку? Его испачкалась от крови.

— Конечно. Иди за мной, — он повел меня по оббитой ковром лестнице на второй этаж, в комнату с цветочными обоями. Запах лилий задержался и здесь. На туалетном столике стояла свадебная фотография, рядом с ним — их более неформальный снимок, наверное, из 70-х годов.

— Ваша супруга отлично выглядела в белых сапогах по колено, — сказала я, немного наклоняясь вперед, чтобы лучше рассмотреть. Свою улыбку Мал, по-видимому, унаследовал от нее, вместе с озорным огоньком в глазах. «Не важно, какие деньги зарабатывались в былые времена, — говорила миссис Эриксон, — главное — брать от жизни все».

Надеюсь, у нее так и было.

— Она была отлична во всем, Лена. — Глубина грусти в голосе мистера Эриксона неподвластна измерениям. Как и любовь к его жене. — Она была самой прекрасной женщиной из всех, кого я встречал.

Слезы обжигали мои глаза.

— Какая рубашка, на твой взгляд, лучше подойдет? — он стоял напротив открытого шкафа. В половине которого до сих пор лежали вещи Лори. Аккуратные ряды юбок, брюк и блузок. Несколько платьев. Как же двигаться дальше, если половинки твоей жизни больше нет?

Я схватила первую увиденную рубашку, пытаюсь сбежать побыстрее.

— Эта подойдет. Спасибо.

— Ты уверена? — спросил он, подняв брови.

— Ага. Джимми будет в восторге. Спасибо!

Я выбежала из их спальни, прежде чем залиться слезами и смутить нас обоих. У него и без меня забот хватало. Тяжело дыша, я потопала обратно вниз по лестнице.

— Держи, — я протянула Джимми рубашку.

Он замер, склонив голову на бок.

— Ты уволена.

— Что?

— Лена, посмотри на нее.

Я так и сделала.

— Ха-х. Ну, она очень яркая и радостная. Никто не будет смотреть на твое лицо, это точно.

— Да. Именно поэтому ты уволена.

— Мне кажется, что дисгармония розовых и красных рождественских елок носит определенный подтекст. А резвящийся олень довольно крут... погоди-ка, а вот этот просто прыгает или на самом деле взобрался на спину другого?

Его разозленные пальцы начали расстегивать пуговицы на испорченной рубашке. Последние он вообще сорвал, отправляя их в вечные скитания в четырех стенах ванной комнаты.

— Ох, божечки ты мой. На спине даже есть оленья групповушка. Да на этой рубашке этого добра полным полно. Но мне кажется, что если кто и достоин носить ее, так это ты. — Мне стоило замолчать. Правда стоило. Но я просто не могла остановиться. — Сам Джимми Феррис. То есть, ничего себе. Ты же по сути законодатель стиля.

— Понятия не имею, какого хера я терплю тебя.

Я пожала плечами.

— Я тоже. Но ты платишь мне, поэтому я продолжаю слоняться рядом.

— Офигенно. Уходи.

— Как скажешь, босс.

Я замешкалась в дверном проеме, стараясь не засмеяться.

— Так ты действительно собираешься ее надеть?

Он бросил свою запачканную рубашку на пол; челюсть ходила ходуном.

— У меня разве есть выбор? Я не могу обидеть Нейла.

— Мне жаль.

— Ага. Это прозвучало куда убедительнее, если бы ты не смеялась.

Что есть, то есть. Меня распирало от смеха. Наверное, это все из-за сегодняшнего стресса. Хотя от одного выражения на лице Джимми можно было обхохотаться. И то, как он держал рубашку, словно это было собачье дерьмо, и как искривился его рот в отвращении, добавили масла в огонь.

— Я на самом деле уволена? — спросила я, вытирая слезящиеся глаза. Если так, то это решило бы кучу моих проблем. Или может только одну — связанную с ним. Если мне не придется видеться с ним каждый день, то мои несчастные новые чувства сойдут на нет и исчезнут, правильно? Правильно.

Ну, скорее всего.

— Что происходит? — Дэвид в своей крутой рокерской манере неторопливо подошел к комнате из коридора. Я немного отошла, чтобы дать ему заглянуть внутрь. — Как твое лицо и что, мать твою, на тебе?

— У Лены спроси, — процедил Джимми.

— Не могу. Твоя рубашка настолько отвратна, что она рыдает.

Я засмеялась еще сильнее. Что-то подергало меня за штанину, а затем раздался рык.

— О-у, Киллер. Что скажешь по поводу рубашки дядюшки Джимми, а? — я взяла на руки великолепного щеночка, пока он не прогрыз в брюках дырку. — Она изумительна, не так ли?

— Эй, — позади меня и Дэвида втиснулся Мал, заглядывая за наши плечи. — Это что, ванное собрание? Мне поискать Бена?

Джимми выпалил еще парочку ругательств и поспешно надел свой пиджак.

— О, так на тебе рубашка с оленьими перепихушками, — сказал Мал, почесывая Киллера по голове и, по сути, дразня его. — Классно, чувак. Я подарил ее отцу в качестве прикола несколько лет назад. Но знаешь, как по мне, это офигенно здорово, что ты так уверен в себе и своей мужественности, чтобы выйти туда в таком виде.

— Мне кажется, ему идет, — улыбнулась я. — Она отражает его душевную красоту, что удается далеко не каждой рубашке.

— Верно, верно, — на этот раз Мал улыбнулся, и эта улыбка была больше похожей на привычную. Это определенно лучшая попытка за сегодня. — Мне нужно вернуть этого паренька его маме. Его пора укладывать.

Я протянула щенка.

— Пока, Киллер.

Держа щенка на высоко поднятой руке, Мал пошел вниз по коридору.

— Ты заставил его улыбнуться, — сказал Дэвид.

Джимми перестал хмуриться и вертеть пуговицы на пиджаке.

— Хоть кому-то это принесло пользу.

— Ты был молодцом на похоронах, — Дэвид скрестил руки на груди, облокотившись о дверной косяк. — Действительно молодцом. Речь была прекрасная.

Джимми потер затылок.

— Как думаешь, мы уже можем отправиться в отель? Хочу в качалку.

Абсолютное уклонение от слов брата, что, видимо, было сделано с целью избежать смущения, словно в мире Джимми не было места для такой вещи как похвалы. Что странно для рок-звезд. Учитывая то, каким суетливым он становился при появлении брата, можно было бы подумать, что он греется в любом внимании со стороны Дэвида. Этот парень был ходячим противоречием.

Неудивительно, если бы ответ Джимми повлиял на выражение лица Дэвида. Но тот всего лишь улыбнулся.

— Конечно. Найду Эв и Бена.

— Хорошо.

Дэвид не сдвинулся.

— Слушай, по поводу недавнего с мамой. Я не хотел...

— Все нормально, — оборвал его Джимми. — Не парься.

— Просто я... я не перестал в тебя верить. Кажется жестоким не предоставить ей такого же шанса.

Джимми резко втянул воздух.

— Ты был готов бросить меня. Черт, ты угрожал это сделать, помнишь? Да все вы. Но я не об этом. Последние несколько лет я предоставлял ей столько возможностей. А все, что она делала — выжимала из меня деньги при каждой гребаной возможности. Ей не нужна помощь. Она счастлива жить в сточной канаве.

Дэвид вздрогнул.

Я уставилась в пол и стояла молча. Разрезать ножом воздух не получится: для этого, по меньшей мере, потребуется цепная пила.

Чертовски неловко.

Если бы Дэвид не стоял в проходе, то я бы быстренько удалилась, давая им личное пространство, чтобы выяснить отношения. Но я застряла, поневоле неся бремя свидетеля. Вряд ли Джимми оценит, что я столько узнала о нем за один день. Не в физическом плане, а в смысле его секретов, его прошлого. Такая информация связывает людей, и мой босс относился к тем, кто меньше всего желает чего-то подобного. Смотри на него, понимаешь, что мои попытки не заводить отношения и оставаться одной кажутся детской игрой. И напряженные отношения, которые он завязал со своим братом, с которым он тоже работает вместе, были тому главным примером.

— Да, — выдохнул Дэвид, оборачиваясь, чтобы уйти. — Наверное, ей помощь ни к чему.

Я ждала, пока мы с Джимми останемся одни, чтобы поговорить. Долгое время единственным звуком была капающая вода из крана. Пришло время нарушить молчание.

— Он прав, — сказала я. — Речь получилась идеальной.

Джимми посмотрел на меня из-под своих темных бровей. В его глазах бушевал ледяной ураган, а челюсть была стиснута.

— Ты проделал превосходную работу, — сказала я, сосредотачиваясь на позитивной части его разговора с братом. — Правда, просто фантастика. Как я и говорила.

Уголок его губ дернулся. При виде этого внутри меня что-то встрепенулось от облегчения.

— Ты поняла это еще тогда, да? — спросил он.

— Да, поняла.

Он покачал головой.

— Здорово. Разве я не сказал тебе уходить?

— Ты всегда посылаешь меня. Я была бы уже на полпути к Юкону [территория на северо-западе Канады — прим. перев.], если бы на самом деле слушалась тебя, — я как следует зевнула. Если бы не было так прикольно подкалывать его, тогда я бы с большой вероятностью перестала это делать. Причем с вероятностью, близкой к нулю.

— Ты так и не сказал, действительно я уволена или еще нет.

Он изогнул брови, ожидая ответа.

— А как ты думаешь, Лена?

— Я думаю, несмотря на все то, что срывается с твоего языка, ты продолжаешь мне платить. А деньги решают все.

Он ничего не ответил.

— А еще я думаю, что если я в самом деле уйду, то ты будешь скучать по мне, Джимми Феррис.

На мгновение запутанная, нуждающаяся частица меня жаждала, чтобы он согласился, что было полным безумием. Мне нужно вырезать эту глупую частицу и сжечь ее, убрать из своего тела. Потому что не сомневаюсь: она сделает со мной то же самое. Любое нелепое желание, возникающее после нечто похожего на нежную эмоцию со стороны Джимми, было большой ошибкой. Его нельзя рассматривать в качестве объекта привязанности, к тому же какие бы то ни было слабинки в его характере были зарыты глубоко внутри давным-давно руками той суки эпических масштабов, его матери. И помимо прочего быть одному намного лучше, думаю, мы оба знаем об этом. В связи с ситуацией, в последние дни нам просто случилось проводить время вместе. Наверное, так было лучше, чем справляться в одиночку.

— Да неужели? — он одарил меня равнодушным взглядом. — Почему бы тебе не уйти, после чего мы и узнаем?

Я улыбнулась.

— Заметано.

Два дня спустя...

— Что? — спросил Джимми, не отрывая глаз от телевизора. На экране вовсю бушевал хоккей, какая-то одна команда играла против какой-то другой. Нет, мне, правда, было побоку, кто с кем там играл.

Уже прошло два дня с момента нашего возвращения в Портленд, и мы вернулись к обычной рутине, только с одним или двумя небольшими поведенческими различиями.

— А? — спросила я, водя пальцами по экрану своей электронной книжки.

— Ты продолжаешь странно на меня смотреть.

— Нет, я не смотрю.

— Да, ещё как, — разозлился он, бросая на меня беспокойный взгляд, который я заметила краем глаза. — И делаешь это целый день.

— Ничего подобного. Ты всё выдумываешь.

Ничего он не выдумывал. С того самого дня в Кёр-д'Ален всё изменилось. Я изменилась. Я не могла смотреть на него, слушать его или находиться рядом с ним без своей соответствующей реакции, хотя искренне её не хотела. Вопреки надеждам, мои чувства не исчезали. Вместо этого, они, казалось, крепко осели, внедряясь всё глубже и глубже в моё сердце и разум. Все проблески его души и его проблемное прошлое безвозвратно изменили моё отношение к нему. То, как теперь я смотрела на него и то, как часто. Горькая правда заключалась в том, что эта ужасная идиотская влюблённость или, чем бы это ни было, скорее всего, отражалась на моем лице каждый раз, когда я к нему поворачивалась. Именно так, не иначе.

— Я не собираюсь снова срываться или типа того, Лена, — сказал он. — Успокойся.

Пауза.

— Да не-е, я знаю. Насчёт этого я не переживаю.

— Тогда перестань уже смотреть на меня, — проворчал он.

— Да не смотрю я! — возразила я, тайком бросая на него взгляд.

Он сильнее вжался в угол дивана, а его красивое лицо нахмурилось. Джинсы и чёрный пуловер без воротника «Хенли» были обычным домашним нарядом Джимми. Сильно сомневаюсь, что на модели этот наряд смотрелся бы так же хорошо. У парня был врождённое чувство стиля и классный вид. А я с волосами, в беспорядке завязанными на макушке, и с очками на кончике носа, скорее всего, выглядела как кандидат на роль кошатницы. Дайте мне выводок котят и образ готов.

Я отложила электронную книжку, бросая чтение, как гиблое дело. Когда он был в комнате, у меня, по-видимому, случался сбой концентрации из-за четырёхлетнего воздержания от сладенького. Но ещё и потому, что на самом деле на то была определённая причина.

— Ты не перезвонил своему брату.

— Хм-м.

— Он звонил два раза.

Он пожал плечами.

За окном текли крошечные ручейки из дождевой воды, а вдалеке светил уличный фонарь. Типичная погода для этого времени года. Лишь от одной мысли, каково будет оказаться на улице, меня пробирала дрожь.

— Могу принести телефон, если хочешь, — сказала я. — Я как раз собиралась пойти попить.

Он пригладил волосы ладонью.

— Почему ты тут? Обычно по вечерам ты сидишь в своей комнате.

— Мое присутствие представляет проблему?

— Я такого не говорил. Просто интересно, что изменилось?

Куча всего изменилось. Куча, ещё кое-что и немного прочего, с большей частью которого я до сих пор пыталась разобраться. Ни одного чёткого вывода пока что не наблюдалось. Я могла немного приврать, сказав, что не переживаю за него. Он вроде как был в порядке. Но это не означало, что мне нужно перестать за ним присматривать. Похороны и его огромный срыв до сих пор оставались свежими в памяти.

— Ничего не изменилось, — солгала я. — Наверное, мне просто стало скучно одной.

Я глубже завернулась в свой свободный зелёный кардиган, чувствуя неловкость. К тому же, по какой-то причине люстра ярко светила на полную мощность. Давайте не будем выяснять, почему. Но то, что я его раздражала, нельзя было отрицать, причём мне для этого было достаточно просто дышать, такой уж была вся прелесть характера Джимми. Хотя меня это никогда особо не волновало. Наверное, я становилась мягче. Может, мне не стоило спускаться. Может, просто нужно было провести промежуточную проверку его состояния и удалиться к себе в комнату.

— Ок, — сказал он.

И всё. Сколько душевных переживаний, а он даже не удосужился договорить целое слово по поводу моего присутствия. Полагаю, ему на самом деле было всё равно.

— Ты замёрзла? — спросил он.

— Что, прости?

Он откинул голову на спинку дивана и медленно обвёл меня взглядом. Его лицо никак не изменилось, но вот глаза, казалось, как-то потеплели. А может, мне просто показалось.

— Ты так закуталась, — сказал он. — Хочешь, чтобы я включил термостат?

— Нет. Спасибо.

Что мне было нужно, так это подкладка в лифчик, чтобы меньше было видно, в каком состоянии из-за него находились мои соски. Но в комнате было уютно и тепло, а диван под попой ощущался невероятно удобным. Джимми не скупился на роскошные вещи. Он не дешевил.

— Не беспокойся, — сказала я.

Кивок в ответ.

— Так, кто ведёт в счёте? — я подтянула под себя свои, затянутые в обтягивающие джинсы, ноги.

— Я не особо слежу за игрой. Можешь выбрать что-нибудь другое, если хочешь.

— Хорошо.

Я потянулась за пультом.

Он издал лёгкий смешок. Это был крайне необычный, но, безусловно, восхитительный звук, который пробежался по моей коже и вызвал странные, но, в тоже время, приятные ощущения. Если он когда-нибудь рассмеётся в голос, то я пропаду.

— Нет, Лена, ни за что. Только я пользуюсь пультом. Я буду переключать каналы, а ты скажешь, если что-нибудь заметишь.

— Пультom пользуешься только ты?

— Ага.

— Самодур, помешанный на контроле.

— Это современный домашний кинотеатр, Лена. Его мне доставили из Германии, по спецзаказу, — он взмахнул броским чёрным пультом, будто тот был скипетром. Прямо король Джимми. Размечтался. — Поэтому я не доверю его тебе ни в коем случае.

— Что? — у меня аж рот открылся. — Что значит, не доверишь?

— Вспомни кофеварку.

Он взял подушку и подложил её под свою дурацкую голову, переключая на первый канал. Шла кулинарная передача.

— Клацай дальше.

Мне нравилась еда. Просто я не испытывала особого желания входить в число тех, кто её готовит. Дома готовкой всегда занималась мама, что меня вполне устраивало.

— Я едва притронулась к кофеварке. Виной всему какие-то странные механические неисправности со стороны Вселенной.

— Да пофигу.

Дальше шел какой-то фильм 80-х годов. О времени можно было судить по укладкам волос, таким высоким и блёклым. Какие чудеса кератинового лечения могло бы сотворить с теми несчастными женщинами. А эти огромные плечи у одежды... Ну и гадость.

— Переключи, пожалуйста, — сказала я. Здесь показывали старую серию «Дневников вампира».

— Ох, Иэн, милашка. Но я уже видела эту серию, так что клацай дальше.

— Слава яйцам.

Джимми нажал на кнопку, и по телевизору начали показывать документалку о природе. Или, по крайней мере, я надеялась, что это была документалка, потому что на экране блестящий чёрный жеребец взобрался на слегка испуганную кобылу.

— Эй, смотри, прямо как на той рубашке, что ты взял у мистера Эриксона! — я с радостью и немного злым умыслом хлопнула в ладоши. — Лошадки резвятся, какая прелесть!

— Ты от этого балдеешь, да? — спросил он лукаво.

После очередного нажатия на кнопку экран заполнился несчётными милями голых и упругих тел. Кроме парня, засунувшего голову между титок одной из девушек. Её малышки оставались устрашающе неподвластными законам гравитации. И, в отличие от моих, они не были ни на каплю заострёнными.

— Как мило, — вздохнула я. — Ничто не выразит настоящую любовь так, как двойное проникновение.

Джимми подавил смешок и переключил канал: по гоночному треку с рёвом гнали машины.

— Почему у стольких мужчин чувство юмора сводится только к шуточкам на тему зловония, прыщавого лица и пошлятины? — задумалась я вслух.

— Не находишь это очаровательным? — спросил он, выгнув бровь.

— Странно с моей стороны, знаю, — я схватила подушку и прижала к груди. — Как-то был у меня парень, который подумал, что будет весело... а знаешь, вообще-то нет. Не хочу

рассказывать эту историю. Никогда.

— Продолжай.

— Нет. Я гораздо счастливее, притворяясь, будто его и не существовало. Давай оставим мои постыдные предпочтения кавалеров в прошлом.

— Это едва ли честно, — сказал он. — Тебе много чего известно о моей жизни.

Не успела я сформулировать ответ, как «Формула — 1» сменилась на «Аббатство Даунтон», и я завопила в восторге:

— Не переключай. Стоп!

Джимми поморщился, потирая ухо.

— Ради всего святого, используй внутренний голос.

— Это отличный сериал.

Влюбленная парочка из сериала, одетая в обычном великолепном английском стиле дворян, вела разговор. Обалденно.

— И, мне кажется, он особенно уместен в нашей ситуации.

— Да? — сделав губки бантиком, он уставился на экран. Похоже, его не впечатлило великолепие сериала. Плебей.

— Он о жизни во всех её проявлениях на рубеже веков в Англии.

— Ага. Это как бы можно понять по замку и по тому, во что они одеты.

— Разве их наряды не прекрасны? — я счастливо обняла свою подушку. Я бы всю жизнь проходила и умерла в джинсах, но о платьях было приятно помечтать.

— Дело в том, что в сериале рассказывается о богатых лордах и леди, у которых есть всё, и об их слугах, в карманах которых нет ни гроша. Слугам приходится вращаться вокруг лордов и леди, в течение всего дня выполняя их прихоти, не получая за это даже благодарности. Да ещё к ним относятся, как к гражданам второго сорта, и они полностью отданы в распоряжение своих господ. Ну не варварство ли это?

Ответом на мои пронизанные иронией комментарии послужил стон. Хотя, по правде говоря, в стон он мог вложить много эмоций, изменяя его тональность и характер. Издавая его, Джимми говорил предложение, а иногда и несколько. Он превращался из пещерного человека в эдакое произведение искусства.

— А это леди Мэри, — я указала на экран. — Она говорит кучу ужасных вещей, которые не имеет в виду, и всегда скрывает свое «я» за этим злым грубым образом. Тогда как внутри у неё чуткое, нежное сердце и совесть, как у всех. Это описание никого не напоминает?

— Ты много болтаешь, — он зевнул. — Так мы смотрим его или как?

— Ты будешь смотреть его со мной?

— Неплохо, когда могут составить компанию.

Он не отводил глаз от экрана. Кажется, в его голосе я услышала намёк на уныние. Возможно, Эв была права, и он чувствовал себя одиноким. Раньше в течение дня к нам частенько приходили ребята. Но сейчас Мал вместе со своей семьёй проводил время в Айдахо, и группа ушла в отпуск. Джимми был более неугомнен, чем обычно, не зная, чем себя занять. Но даже ночами в большом доме обычно было тихо.

— Да, верно, — сказала я.

Мы некоторое время сидели в тишине, глядя на экран. Ну, не считая тех мгновений, когда я время от времени поглядывала на него. К моменту моего отъезда из Портленда я стану экспертом в области скрытых отношений.

Он закинул руки за голову, его лицо было расслаблено, а глаза открыты. Весьма

любопытно то, что его, видимо, зацепила драма в сериале. Что ещё раз доказывает, что не стоит судить о книге по обложке. Было приятно сидеть в его компании, вместо того, чтобы тусоваться самой в комнате. Мне стоит почаще так делать. Ради его блага, разумеется.

— Уверен, что не хочешь позвонить Дэвиду? — спросила я.

Уголок его рта опустился вниз.

— Могу запросто вернуть на игру, если пожелаешь.

— Меня это не касается, ты прав. Давай просто насладимся в тишине сериалом. Что скажешь?

— Давай, — сказал он низким голосом.

Четыре дня спустя...

— Лена, ты не видела мою старую футболку с «Лэд Зеппелин»?

— Нет.

— Уверена?

Его брови сошлись в одну угрюмую капризную линию. Царапины на его лице быстро заживали, спасибо, Господи. Хотя желание придушить его мать от этого не уменьшалось.

— Нет, я её не видела.

— Нигде не могу её найти...

— Во дела, да? — я засунула руки в карманы своих чёрных джинсов. — Джимми, у тебя одежды больше, чем у Шер, Бритни и Элвиса вместе взятых. И кое-что из этого просто обязано теряться.

— Точно её не видела?

— Ради всего святого, Джимми, за кого ты меня принимаешь? Неужели ты думаешь, я украла её, чтобы спать в ней ночами или ещё для чего? — горько рассмеялась я. Чертовски уверена, что правда заслуживала хорошей насмешки. В своей подлости я опустилась слишком низко.

У меня даже мысли не было красть эту дурацкую вещь, но несколько дней назад футболка попала в корзину для стирки вместе с моим бельём. Она оказалась сверху в стопке вещей, к которой я приложила руку, выйдя из душа, и готовясь идти спать. Не подумав, я надела её, и она оказалась такой мягкой, а сквозь аромат стирального порошка просачивался его запах. С тех пор каждой ночью, когда дело близилось ко сну, я обнаруживала, что надеваю её. У моего стыда не было границ. И да, я всё ещё не перестала этого делать.

Он нахмурился.

— Нет.

— Что у меня есть коварный секрет, связанный с желанием быть к тебе ближе, результатом которого стала кража твоей футболки, словно я какая-то жуткая извращенка?

— Конечно, я ни хрена так не думал, — ответил он капризно, потянувшись вверх, чтобы ухватиться за верхнюю часть дверного проёма. Все его выпуклые мышцы, скрытые под белой футболкой, вырисовывались самым приятным образом. Я изо всех сил старалась не захлебнуться слюной. Биение сердца отдавалось где-то в районе промежности. И кто был в этом виноват? Уж не я. Может, если я перепихнусь, то это пройдёт, и всё вернётся в норму. Такой вариант казался безопаснее, нежели тереться о какого-нибудь парня и в порыве

страсти снова начать встречаться. Но эта новая ситуация изменила всё.

— Тогда, конечно же, нет! Это было бы безумием.

И разве это не было правдой чистой воды? Без-з-зумием. Закройте меня и выбросите ключ, потому что мне ли не знать об этом лучше всех.

— Просто не могу понять, где, чёрт возьми, она может быть.

У ангелочков не получилось бы так мило улыбнуться. Хотя они могли бы попытаться, но ничего бы у этих маленьких крылатых сквернословащих лжецов не вышло.

— Джимми, я не знаю, где она. Но чуть позже я поищу её, ладно?

— Ага, — ответил он и затем, будто с запоздалой мыслью, добавил, — и перестань на меня так странно смотреть.

— Да не смотрю я!

Шесть дней спустя...

— Нет, хватит тебе, — завопил он. — Я видел его. Опять тот взгляд.

— Что?

— Ты посмотрела на меня.

Его острый палец угрожающе завис у моего носа.

Я по нему ударила.

— Мне что, нельзя на тебя смотреть? Серьёзно? Это что-то из серии тех странных указаний от знаменитостей, о которых ты слышал? Никому не разрешено разговаривать с тобой или смотреть на тебя, и с этого момента везде, куда бы ты не пошёл, должны стоять чашки с шоколадным пудингом?

Он сощурил глаза.

Глубоко внутри меня я должна была ощущать немного вины. Но дело касалось выживания, и у меня не оставалось выбора.

— Я ничего не принимаю и не собираюсь снова слетать с катушек, — пробормотал он.

— Я знаю об этом.

— Знаешь?

— Да.

— Тогда дело не во мне, а в тебе.

В голове завопили сирены и сигналы тревоги.

— О чём ты вообще говоришь?

— Отрицай, сколько хочешь, но я прав. С тобой что-то происходит, — сказал он низким голосом. — Не знаю, что за долбанная хрень. И знать не желаю. Я просто хочу, чтобы это прекратилось. Это ясно?

— Джимми, серьёзно, ничего не происходит.

Я подняла волосы и связала их в конский хвостик, занимая свои руки, лишь бы они меньше тряслись, доказывая мою вину, сволочи.

— И ты ещё не связался с Дэвидом? Он снова звонил. Мне уже надоело выгораживать тебя.

— Я был занят, — он повернулся ко мне спиной, уставившись в окно. — И я плачу тебе за то, чтобы ты меня выгораживала.

— Я подумываю над тем, чтобы начать просить о сверхурочных за враньё. Кто-то же должен платить за то, что я мараю свою душу ложью.

Ответа не последовало. Казалось, его широкие плечи согнулись под каким-то грузом, а спина ссутулилась. Плохой знак. В таком его состоянии я не могла шутками поднять ему настроение.

— Знаешь, в последнее время ты был очень напряжён, — сказала я. — Почему бы мне не забронировать для тебя массаж? Разве не здорово? И уже после него мы сможем расслабиться и посмотреть телевизор.

Он посмотрел на меня из-за плеча, на его челюсти подёргивалась мышца.

— Конечно, звучит здорово. А я пойду на пробежку.

— Там дождь идёт.

— Не растаю.

Без дальнейших церемоний он ушёл, исчезнув в коридоре. Конечно, он был прав: со мной что-то происходило. Но то, что происходило между ним и его братом, беспокоило меня куда больше.

Семь дней спустя...

— Ты опять это делаешь! — Джимми замер посреди отжимания, по его прекрасному лицу стекал пот. — Я не выдумываю. Ты, мать твою, опять это делаешь.

— Хм-м? — спокойно ответила я, сидя за кухонной стойкой. Из чёрно-белого итальянского мрамора, потому что для Джимми подходило только лучшее. Его дом был до неприличия дорогим и роскошным. Снаружи он представлял собой серые стены в три этажа, а декор внутри был выполнен в чёрно-белых тонах. В принципе, дом выглядел так, будто сделав полдела, постмодернист бросил его, а декоратор решил не заморачиваться и побыстрее закончить работу. Можно подумать, капелька цвета кому-то повредит. Я подумывала о покупке аксессуаров противно ярких радужных цветов: подушек и парочке ваз, чтобы затем разбросать их по дому в знак протеста, просто, чтобы увидеть его реакцию.

— Ты постоянно странно на меня смотришь.

— Нет, я сортирую твою почту. А это совершенно другое дело, — я отвела взгляд от его горячего (во всех смыслах этого слова) тела и вернулась к ноутбуку. — Ой, посмотри. Девчушка в нижнем белье прислала тебе ещё одну фотку. На этот раз лифчик ярко-розовый с открытыми чашечками и косточками. Думаю, к коже косточки приятно прикасаются. Она даже прикрепила видео, в котором качает грудью. Какая заботливая.

— Удали его.

— Но что, если она говорит что-то важное?

— Это совершенно незнакомая мне девушка, которая шлёт свои фотографии почти в обнажённом виде, где она танцует и наклоняется у мебели.

Я хмыкнула.

— Да, в наши дни есть такое устройство, как стиральная машинка. Вроде как очень сексуальная вещица для домашней эротики. Я думаю, это мощное феминистическое заявление. Эта девчонка глубоко мыслит.

— Ну да, — он продолжил отжиматься. — Она не скажет мне ничего из того, что я хочу

услышать.

Снаружи небо осветила вспышка молнии, отчего я подпрыгнула. Дальше последовал раскат грома.

— Как близко, — я наблюдала за тем, как он продолжает отжиматься, не обращая внимания на погодные заскоки. — Некоторые твои фанаты сумасшедшие. К счастью, остальные — само очарование.

Ворчание в ответ.

Проблема в отжимании заключалась в том, что оно в большой степени напоминало акт занятия сексом. (В лежащем положении. Хе-х). Весь этот пот, напряжение мышц, поднимание и опускание спины и бёдер. Как отвратительно. Отжимание следует запретить. А ещё, мне, правда, нужно с кем-то перепихнуться или хотя бы найти кого-нибудь, способного удерживать мои руки при себе. Может, я достигла пределов физической развращённости и изголодалась по прикосновениям. Боже, надеюсь, так и есть. То, как он держал меня на похоронах, пробудило определённые желания, которые я, к сожалению, не могла сама удовлетворить. И то, что мы тусовались вместе, делу не помогало. У нас вошло в привычку каждую ночь проводить в обществе друг друга, споря, кому выбирать что смотреть.

Это было мило. Слишком мило.

Прошлой ночью, когда я вошла в гостиную, он действительно почти улыбнулся и перебрался в свой уголок дивана. Словно ждал меня или вроде того, предвкушая моё появление. Наверное, я не так всё поняла. Я неловко улыбнулась, присела и просмотрела четверть футбольного матча, прежде чем собралась с мыслями — настолько я была удивлена. Даже если я и ошибалась, это был как раз подходящий момент, чтобы нарушить запрет на мужчин, секс и романы. Или, хотя бы, на его часть — с мужчинами и сексом. Я не могла перестать таскаться за Джимми, слово влюблённый подросток. Проблема в том, что время, проведенное с ним, оказывало успокаивающее действие. Утоляло потребность в общении или тоску по друзьям, которых я оставила позади, когда несколько лет назад решила отправиться в большой плохой мир. Когда всё пошло коту под хвост.

Если бы он не был так хорош. Я скрестила ноги и сжала бёдра. На его футболке выступали пятна пота, а прилипшая ткань очерчивала каждую мышцу вдоль и поперёк. Блин, а их у него было много, взять хотя бы руки...

— Лена!

— Что?

— Прекрати.

Я закрыла рот.

— Ты всё время смотришь на меня, и от этого у меня мурашки по коже. Я больше так не могу.

О боже, он прав.

Я не могла совладать с собой, то и дело смотрела на него. А когда не могла смотреть, то думала о нём. В основном о том, что не хочу ничего к нему чувствовать, но это всё равно происходит. Я влюблялась в него. Вообще-то, если быть предельно честной, то это случилось ещё в Кёр-д'Алене. Мое дурацкое сердце пропустило удар, словно подтверждая признание. Все глупые чувства, что я к нему испытывала, с каждым днём становились сильнее, выталкивая последние остатки здравого смысла.

Так не должно продолжаться.

Я не могу снова наступать на те же грабли.

— Я должна уйти, — пробормотала я. Бросить его — всё равно, что выковырять свое сердце пластиковой ложечкой, но что я могла поделать?

Он замер.

— Что?

— Я хотела сказать... что устала и что усердно работаю. Думаешь, легко возиться с твоей почтой?

— Никто не просил тебя возиться с письмами от моих фанов. Ты сама взялась за это дело.

— Ну, я же не могу просто целый день ходить за тобой, ничего не делая. Мне нужна умственная стимуляция.

Раздражённо простонав, Джимми, как гимнаст, вскочил на ноги. Ну и выпендрёжник. Я готова поспорить, в постели он был офигенный. Хотя нет, скорее он относился к категории самовлюблённых любовников, слишком увлечённых своим отражением в зеркальном потолке, чтобы заметить, что творится перед их носом. Поэтому урагану между моих ног следовало угомониться.

Между его бровей появились маленькие морщинки.

— Объясни-ка мне, как просмотр фотографий с танцующими в нижнем белье девицами оказывает тебе умственное стимулирование. Мне нужно это услышать.

— Они не все такие. Некоторые довольны милы, и просто хотят от тебя фотку с автографом или ответа из разряда «спасибо, что написали мне, рад, что понравился альбом». А ты их игнорируешь. Это грубо.

— С ними могут разобраться менеджеры. И если ты устала, то пойдёшь вздремни, и исчезни с глаз моих, вместе со своими странностями.

Он посмотрел на меня так, будто меня оставили не по ту сторону стен в психлечебнице. Что вполне справедливо, правда.

— Ладно, — я ударила по клавиатуре, закрывая ноутбук. — Так и сделаю.

— Господи, ну у тебя в последнее время и настроение. Похуже моего.

Я издала смешок.

— Джимми, неужели ты только что на самом деле пошутил про себя?

Уголок его рта немного приподнялся. Боже милостивый, это что, был намёк на ямочки? Мой пульс взлетел, как фейерверк на Четвёртое Июля. Я охренеть как обожаю ямочки. Их так и хочется лизнуть, настолько они божественны.

— Лена, — прорычал он.

Я тут же стала влажной.

— Извини. Я просто... а это что ещё такое?

Я замерла и принялась. В комнате витал странный дымный запах, исходящий от мускусного пота Джимми, вперемешку с остатками его одеколona. Я уже подумала, что у меня разыгралось воображение, но нет. Сердце ушло в пятки. Судя по происходящей картине, ничего хорошего в этом не было.

— Ты о чём? — спросил он.

— Запах сигарет, — стоя на месте, я принялась к воздуху у стола. — Он исходит от тебя.

Он присел на корточки.

— Не понимаю, о чём ты.

— Ещё он исходит от твоей куртки.

Его взгляд метнулся к упомянутой вещице, оставленной на спинке кухонного стула. Это была серая демисезонная куртка, без особых причуд, но, готова поспорить, стоила она очень дорого. Идеально подходящая для того, чтобы спрятаться снаружи и покурить. Он облизнул губы, внезапно посмотрев с опаской.

— Лена...

— Ты опять начал курить, да?

— Твоего разрешения мне не требуется. Я могу делать всё, что захочу.

— Тогда почему ты это от меня скрывал?

Он вскочил на ноги, отряхнув руки.

— Потому что это тебя не касается.

— Плохая попытка, дружок. Попробуй ещё раз. Ты и твоё здоровье как раз меня касаются.

Он потянулся за курткой. К его прискорбию, я была отлично осведомлена о развернувшейся игре. Я схватила куртку, прижала её к груди и одной рукой нырнула в карман. Вполне вероятно, это происходило уже длительное время. Но всё-таки, мне стоило быть бдительнее, заметив, когда это началось.

— Дай сюда, — сказал он, дёргая за болтающийся рукав.

Вытянутую из бокового кармана золотистую пачку сигарет я прижала к груди, подальше от него.

— Хватит, Джимми. Ты столько усилий приложил, чтобы выздороветь, и сейчас ты не можешь взять и сорваться.

— Что дальше, будешь дрючить меня за то, что я пью кофе? — выхватив куртку из моих рук, Джимми отбросил её в сторону. Его влажные волосы упали на лицо, а глаза сверкали яростью. — Это просто обычные грёбаные сигареты. Со всем остальным я завязал. Давай их сюда, Лена.

— Ты же знаешь, что не должен курить. Поэтому у тебя такой виноватый вид.

— Неправда, — сказал он кратко с чертовски виноватой мордашкой. — Я взрослый мужик и повторяю: тебя это не касается.

— Я ведь переживаю за тебя.

Я быстро отступила назад, создавая дистанцию между собой и разъярённой рок—звездой. Хороший большой кухонный стол на восемь персон служил подходящей баррикадой. Хотя в идеале электрический забор подошел бы лучше, судя по выражению его лица. Электрошокер для скота тоже бы не помешал.

— Ты не просто так решил сдать, а по причине, — сказала я. — По какой?

— Верни их.

Он требовательно вытянул руку, сжав рот в ничего не выражающую линию.

— Несколько месяцев назад ты принял решение завязать с сигаретами, верно? Тогда почему ты снова начал курить, Джимми? Скажи мне.

Он не стал отвечать. Вместе этого он двинулся влево. Естественно, я двинулась вправо, сохраняя между нами ту же дистанцию на длину стола. Безопасность — прежде всего.

— Лена, — сказал он низким голосом. — У меня нет особого желания идти за другой пачкой сигарет в такую непогоду, поэтому ты отдашь их мне. И затем перестанешь совать свой милый маленький носик туда, куда тебя не просят.

— Нет.

— Это приказ, Лена.

Неужели он всерьёз до сих пор считает, что на меня действуют приказы? Судя по фирменной стиснутой челюсти, ответ — да. Как безумно мечтательно с его стороны.

— А давай пойдём на компромисс, — сказала я, выдвигая стул из-за стола. — Мне кажется, нам стоит присесть и обсудить это, как взрослым людям. Рассмотреть все «за» и «против», и убедиться, что ты принимаешь обдуманное решение.

Его огромное тело было противоестественно спокойно, а сильные пальцы впились в спинку стоящего перед ним стула.

— Конечно. Мы можем так сделать.

— Спасибо. Это всё, что я прошу.

Он медленно сел на стул. Затем склонил голову, ожидая, что я поступлю также. На его коже выделялись вены и жилы. Ага, как будто он не был готов к прыжку. Наверное, считал меня идиоткой. Моё дыхание участилось, под рубашкой часто поднималась и опускалась грудь. Несколько секунд его взгляд был прикован к ней. Его лицо залилось краской. Титьки действительно здорово отвлекали.

Может, у меня и не выйдет отговорить его от курения на длительное время. Но я была чертовски уверена, что сегодня не дам ему закурить, и потом должным образом поговорю с ним по этому поводу. К несчастью, он сидел между мной и мусорным баком, который быстро бы решил проблему уничтожения сигарет. Мне нужно было что-нибудь придумать.

— Хорошо. Я действительно рада, что мы можем поступить разумно, — я сделала вид, что начинаю опускать попу на стул. — Спасибо, что согласился поговорить со мной об этом, Джимми.

В его великолепной улыбке обнажились блестящие острые зубы.

— Конечно, Лена. Для тебя всё, что угодно.

— Это так мило, — улыбнулась я.

И затем я сорвалась с места.

Выделился адреналин, и мои ноги изо всех сил понесли меня вперёд. Я добежала до ванной комнаты, находившейся дальше по коридору. Идеально. К счастью, она была не так далеко, но, несмотря на то, что я стартовала первой, он быстро догонял меня. Что и следовало ожидать, ведь ему нравилось бегать, а я предпочитала поедать пироги.

По дому эхом разнёсся звонок во входную дверь. Из-за колотившегося сердца и тяжёлых шагов Джимми, раздающихся позади меня, я не сразу его услышала. Я ухватилась за край двери в ванную, мои носки скользили по мраморному полу. Уже так близко. Вокруг талии обернулась рука Джимми, утянувшая меня назад. Но из-за его босых ног и моих, одетых в носки, мы оба скользили по полу. Хотя скорость мы набрали довольно большую. Я полетела вперед, ноги оторвались от холодной твёрдой поверхности. Если бы Джимми не держал меня, то я бы поцеловалась с полом в коридоре. Поэтому я немного ударилась коленями, а весь удар пришелся на него. Его ладонь сильно шмякнулась о мраморный пол, тем самым предотвратив наше падение, и удерживая моё лицо всего в нескольких дюймах от травмы. Я разжала руку, и выпавшая пачка сигарет скользнула по полу.

Раздался ещё один звонок.

Моя причёска растрепалась, и теперь волосы в полнейшем беспорядке падали на лицо. Я увидела, что пачка лежит в нескольких ярдах от входной двери, и потянулась вперед, пытаюсь ухватить её.

Джимми покончил с этим, просто навалившись на меня своим чудовищным весом, прижав мой живот к полу. Благодаря своим мышцам, он весил примерно столько же,

сколько небольшой слонёнок.

Как выяснилось позже, в сплюсненном состоянии я выдавила что-то ужасно похожее на «уф-ах».

Джимми злобно засмеялся.

— Слезь с меня, — закричала я, извиваясь под ним.

— А ты собираешься сдаваться?

Его дыхание согревало моё ухо, а его тело прижималось к моей спине. При других обстоятельствах это бы чертовски возбуждало. Моя попа случайно потёрлась о его пах, и ёшкин кот. Меня бросило в жар.

Чёрт. Значит, всё-таки это возбуждало.

— Никогда!

— Тебе меня не победить, — влажные пальцы обернулись вокруг моего запястья, не позволяя дотянуться до сокровища. Я чувствовала, как его член, прижавшийся к моей заднице, твердеет.

Чёрт возьми, теперь уже и он этим наслаждался. Наверное, с его стороны это была всего лишь физиологическая реакция.

— Ты ведёшь себя нелепо.

— Ой, а ты нет? — пропыхтела я. Мои соски выдавливали дыры в мраморном полу.

— Лена...

Кто-то постучал в дверь. Ха, точно, у нас же посетитель, ждущий снаружи в ливень. В то время как мы в псевдосексуальной манере занимаемся спаррингом по всему первому этажу. Замечательно.

Звякнул ключ, открылся замок, и затем, вместе с порывом резкого холодного влажного воздуха, зашёл Дэвид Феррис. Влажный пожелтевший листок с дерева шлёпнулся мне на лицо. Не успела я среагировать, как Джимми осторожно убрал его. Ветер затих, как только Дэвид закрыл за собой дверь. Он, нахмурившись, смотрел вниз на нас.

— Народ, — сказал он, его глаза светились от смеха, — вы тут спаррингом надумали заняться или как?

— Почему бы и нет? — я похлопала своими маленькими пальцами по полу, подперев голову рукой. — На улице слишком мокро, чтобы Джимми мог отправиться на пробежку, так что... да. Пришлось импровизировать.

Дэвид прикусил щёку и выдал широченную улыбку.

— Понятно. Здорово.

Всё ещё прижимаясь к моей спине, Джимми простонал:

— Она взбесилась из-за кое-чего. Длинная история.

— Я делала свою работу и заботилась о твоём благополучии, — сказала я. — Может, ты уже слезешь с меня?

И тогда Дэвид заметил возле ног пачку сигарет. Вот дерьмо. Даже не сосчитать, сколько морщин возникло на его лбу. Носком ботинка он пнул её в нашу сторону. С молниеносной скоростью их схватил Джимми. Чтоб его.

— Опять начал курить, Джим? — голос брата выражал крайнее недовольство и разочарование. Спиной я почувствовала, как напряглась каждая клеточка Джимми.

— Они мои, — сказала я.

— Нет, не твои.

С меня исчезла гигантская туша босса. Не успела я начать подниматься, как меня

подхватили под мышки. Меня поставили на ноги, словно я весила меньше одуванчика.

Джимми прочистил горло.

— Ещё одна вещь, которая тебя во мне не устраивает, да, Дэйв?

— Не в этом дело, — сказал его брат с мрачным лицом. — Я всю неделю пытался до тебя дозвониться.

— А, да. Извини, был занят.

— Ну да.

Братья просто уставились друг на друга. Эта встреча проходила плохо, к слову сказать, совсем. Если Джимми ещё сильнее сожмёт губы вместе, то они перестанут существовать. Женщины всего мира будут оплакивать их пропажу. Или, по крайней мере, я.

На боль и сожаление в глазах Дэвида было ужасно смотреть. Конечно, он простит Джимми. Он же часть семьи. Стоит заметить, что я не была особым примером для подражания в делах, касающихся прощения родных. Но эти двое были другими, они любили друг друга.

— Здорово, что ты к нам заскочил, — сказала я. — Как Эв?

— Хорошо, спасибо, — кивнул Дэвид.

— Мы тут как раз кое с чем разбираемся, Дэйв.

Сжав чуть ли не до треска пачку сигарет, Джимми проделал свою обычную фишку с избеганием взгляда. Он смотрел на пол, будто тот съел последнюю конфетку из пачки «РисесПисес» [ароматизированные конфеты на основе арахисового масла, выпускаемые компанией Hershey для североамериканского рынка — прим. перев.]. Не то чтобы он ел шоколад, но вы поняли, о чём я.

— Я позже свяжусь с тобой, — небрежно бросил он, даже не взглянув на Дэвида.

Я упала духом.

— Джимми...

— Позже, ладно, Дэйв? — его голос пронёсся эхом по комнате. Последовавшая за этим тишина была ужасна.

— Перестань, — сказала я тихо, подойдя к нему ближе. — Вам нужно поговорить.

— Всё в порядке, Лена, — Дэвид почесал голову, бросая на меня немного смущённый взгляд. С его пальто капала вода, образуя у ног лужи. — Мы поговорим, когда он будет готов.

Стиснув челюсти, Джимми уставился на меня, ничего не произнося.

Больше ничего не добавив, Дэвид развернулся, открыл дверь и направился обратно в ливень. Джимми закрыл дверь. Послышался скрип пластика, когда он смял пачку сигарет, превратив её в самый обычный помятый мусор.

— Иди за ним. Сейчас же! — я подбежала к шкафу в коридоре, открыла дверцу и схватила первую куртку, которую нашла.

Он бросил смятый комок из картона и табака на столик. Сигаретам определённо пришел конец.

— Угомонись, Лена.

— Нет. У тебя только один брат, и он довольно-таки приятный парень, — выпалила я в спешке. — Да, он накосячил, сказав те слова и встав на сторону вашей матери в Айдахо, и я знаю, что тебя это задело. Но, Джимми, он тоже знает об этом и сожалеет о содеянном. Это съедает его изнутри, по глазам видно.

— Мы не будем это обсуждать.

— У меня есть сестра, и мы ненавидим друг друга до мозга костей. Из-за этого наша

семья раскололась надвое. Поверь мне, ты не захочешь, чтобы ваша ситуация приняла такие обороты, — я взяла его за руку. — Джимми?

Он вырвался.

— Мы можем это не обсуждать?

— Каждый может наломать дров. Тебе ли не знать об этом. Но это твой брат, и он любит тебя. Дай ему возможность извиниться.

— Что, теперь ты на его стороне, да? — он посмотрел на меня. — Дэйви всегда был хорошим мальчиком с ранимым сердцем. Девчонки его обожают. Только знай, Лена, он занят. Он не даст тебе то, что ты хочешь.

— О, я тебя умоляю, — я с силой пихнула ему куртку в грудь, заставив отшатнуться и сделать шаг назад. Я была так зла, что могла его ударить. — Ты это серьёзно? Мне не интересен твой брат. И я на твоей стороне. Всегда.

Он не выглядел убеждённым в этом.

— Я беспокоюсь только о тебе и о том, каким взвинченным ты был в последнюю неделю, переживая из-за этого и скучая по брату. Дэвид был неправ, и он знает это. Правда.

Он смотрел на меня некоторое время.

— Джимми, пожалуйста.

Он отвернулся, его кадык ходил ходуном. После чего он с рыком повернул ручку двери и устремился прямо под проливной дождь. Холодный ветер отбросил в стороны мои волосы и ударил в лицо. Я закуталась в оставленную им куртку, прячась за приоткрытой дверью. Джимми побежал через лужайку к чёрному внедорожнику, припаркованному у обочины. Дверь машины открылась, и оттуда вышел Дэвид. Поначалу они стояли на приличном расстоянии друг от друга, Дэвид скрестил руки на груди, а Джимми упёрся руками в свои бёдра. Затем Дэвид протянул руку и похлопал брата по плечу, тормоша, словно о чём-то умоляя. После этого Джимми, кажется, расслабился, и расстояние между ними уменьшилось. Вскоре они, склонив головы, повели какой-то разговор, не обращая внимания на ливень. Хорошо. Это очень хорошо. Кажется, Дэвид кивнул. Было трудновато что-то увидеть.

Парочка листьев золотого и коричневого цвета пролетела мимо меня в дом.

Джимми развернулся, и Дэвид схватил его за руку, коротко обнимая его и хлопая по спине.

Да. Спасибо тебе, младенец Иисус.

Наконец Джимми, промокший до нитки, побежал назад к дому.

— Осторожнее, не поскользнься на мокрых ногах, — я протянула ему куртку, но он покачал головой и снял футболку. С его волос по лицу и шее стекала вода. — Я принесу полотенце.

— Не парься. Я охренеть как замёрз.

Он пошёл в ванную и залез прямоком в душ, включив горячую воду.

— Теперь между вами порядок? — спросила я.

— Да.

Он снял мокрые штаны, продемонстрировав чёрные облегающие боксеры с внушительной выпуклостью спереди. Ёшкин кот, эти его бёдра, его аппетитная грудь, весь он. Что за внезапные сексуальные фантазии заполнили мои мысли? Я вообще удивлена, что до сих пор в состоянии их себе позволить. Мое тело впало в ступор, и пульс зачастил. Я могла согреть его. Бесспорно, мое лицо и другие соответствующие части тела пылали. Боже

милостивый, готова поспорить, на вкус его кожа была божественна.

Джимми выгнул бровь.

— Лена?

Я моргнула.

— Хочешь, чтобы я опять сказал, что ты была права?

— Конечно?

— Считай, что сказал, — положив руки на бёдра, Джимми стоял и смотрел на меня.

Выражение его глаз я не могла расшифровать. Но он приоткрыл рот, и, казалось, вот-вот соберётся спросить меня о чём-то. Но затем он передумал.

— Ладно, что ты тут забыла? Выйди, если только не собираешься предложить потереть мне спинку.

Мои глаза широко распахнулись, как никогда прежде.

— Что? Ты серьёзно?

Он нежно взялся за моё плечо и вывел меня из ванной.

— Уйди, Лена.

— Я просто пыталась с тобой поговорить.

То, что я пыталась сделать, далеко не было связано с «поговорить». Но теперь нам срочно нужно было обсудить вопрос о необходимости потереть ему спинку, и о том, что я, как сотрудник месяца, могла бы ему с этим помочь.

— Поговоришь со мной позже.

— Но...

Но он захлопнул передо мной дверь.

Как мило.

Придурок.

Разочарование — огромное гадкое чудовище, и оно осело прямо у меня в сердце. Я обняла себя руками, защищаясь от озноба. Кажется, стоя у входной двери, я немного намочла от тумана и просачивающихся капель дождя. Хотя, по большей части, это было из-за того, что меня вышвырнули с небес, как из ванной на первом этаже. И это благодарность? Я показала двери средний палец.

— Ты молодец, — прокричал он с той стороны двери.

Я опустила руку.

— Спасибо.

— Между мной и Дэйвом снова всё в порядке.

— Здорово, — крикнула я в ответ.

— Да, как ты и говорила.

Я улыбнулась.

— Я рада. Ты перестанешь курить?

Послышалась приглушенная ругань.

— Да, хорошо. И хватит маячить у двери, пока я моюсь. Меня от этого бросает в дрожь.

Я закатила глаза. Я же не могла ничего рассмотреть через замочную скважину.

Давайте сделаем вид, что я и не пыталась.

2:30 утра было паскудным временем. Оно значилось где-то в выпавшем в осадок

неизвестном временном потоке. Когда слишком поздно пытаться хорошо выспаться, и слишком рано, чтобы начинать день.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Он остался таким же скучным и тёмным, как и два часа назад. Стакан с водой на прикроватной тумбочке был пуст. Что вполне логично, ведь сейчас мой мочевого пузыря требовал облегчения. Каждая моя клеточка испытывала дискомфорт и неудобство. Готова поспорить, за этот матрас Джимми отвалил кучу денег. На таких постелях, скорее всего, спят члены королевской семьи. И всё-таки, от этого мне легче не становилось.

Простонав, я отбросила одеяла в сторону и потащила свою жалкую задницу в ванную. Сделала своё дело и вымыла руки. Раз уж я встала и была раздражена, то с такими же успехами я могла отправиться на поиски шоколада.

Не спрашивайте, в чём логика. Для моего разума, лишённого сна, это было разумным решением, а всё остальное — не важно.

Я поплелась вниз по лестнице. Из гостиной виднелся мерцающий свет, напротив, на стене, играли тени. Я несколько часов назад оставила Джимми смотреть документалку о Филе Спекторе³. Может, мистер Спектор и был музыкальным гением, но его взвинченный характер моим вкусам не импонировал, уж больно мрачновато. Поэтому я пожелала рок-звезде спокойной ночи и свалила.

В беззвучном режиме на широком экране по золотистым просторам саванны рыча, шатались тигры. Джимми уснул, лёжа на диване. В состоянии покоя суровые черты его прекрасного лица были так же напряжены, как и обычно. Но всё же, пока он не злился и не огрызался, они выглядели как-то мягче. Его веки были опущены, предоставляя взору длинные чёрные ресницы, а губы — немного приоткрыты. Они казались такими мягкими. Чувство, образовавшееся где-то глубоко в животе, пронеслось по всему телу и отозвалось покалыванием в ногах. И всё из-за него. Это чувство было жарким и холодным, бесконечным и невозможным в одно и то же время. Физическим ощущением, но помимо этого чем-то гораздо, гораздо большим. Мне хотелось узнать его, узнать о нём абсолютно всё. И хотелось, чтобы он узнал меня. Хотелось стать реальной частью его жизни, не только в роли работника. Стать человеком, которого он посвятит даже в свои самые тёмные мысли, человеком, которому он доверится.

Безумие.

Вы когда-нибудь замечали, насколько иначе воспринимается мир в предрассветные утренние часы, когда слишком долго не спал? Немного сюрреалистично, но все же яснее, тише, да так, что можно услышать нащёптывание истины о том, с чем не получается определиться при свете дня. Мои чувства к Джимми не угасали. Я была такой дурочкой, думая, что они исчезнут, живя с ним в этом доме и дыша с ним одним и тем же воздухом. В ближайшее время они не исчезнут.

И если так, то придётся исчезнуть мне.

Я не вынесу, если мне ещё раз разобьют сердце. Особенно в случае, когда это не за горами, как с Джимми Феррисом. Я нужна ему в качестве помощника и друга. А не в качестве плящейся на него мелкой дурочки. Чахнувшей от любви к нему. У него таких и так в избытке.

Я глубоко вздохнула, отпуская свои чувства. Если бы от мысли бросить его не возникало такое ощущение, будто меня медленно режут без ножа. Чрезмерно драматично, но так и есть. Это всё равно, что снимать старый пластырь с раны. Уж лучше почувствовать мелкую

боль сейчас, чем разбить своё сердце и пустить жизнь под откос.

Но всё же, следующие несколько недель будут тяжёлыми.

А после всего, как только меня заменят, может быть, я сяду где-нибудь на скамейке и пожалею себя. Немного погуляю под дождём, после — под солнцем, закажу напитки с пенкой, с маленькими зонтиками и кусочками фруктов. Я смогу дождаться, когда пройдёт свадьба сестры, а затем тайком вернуться домой, пока у неё медовый месяц. Да, у меня был план.

Джимми лежал, скрестив лодыжки и прижав руки к груди. Бедняжка. Наверное, он замёрз. А это плохо, особенно после того, как он промок под ливнем. Я взяла пару одеял из шкафа, одним накрыла ноги, а вторым — туловище. Мягкая шерстяная ткань укутала его с ног до головы.

— Так лучше, — прошептала я.

— Да, — прошептал он в ответ, приоткрыв один глаз, чтобы посмотреть на меня. — Симпотная пижама.

— Довожу до твоего сведения, что плюшевые мишки на пижаме — это последний писк моды, — я устало села на диван. — Что ты тут делаешь?

— Задремал. Ты разбудила меня, когда спускалась по лестнице, — он медленно сел, потирая голову. Чёрные волосы торчали во все стороны. Свет от телевизора бросал тени на его лицо. — Который час?

— Полтретьего.

— А ты чего здесь?

Я пожалала плечами.

— Не могла уснуть. Иногда просто не получается выключить дурацкие мысли.

Он кивнул и зевнул.

— Уверен, что у нас получится найти что-нибудь получше документалки о природе.

— Ты не обязан сидеть со мной. Уже поздно. Или рано, — подкорректировала я. — Иди спать, со мной всё будет хорошо.

Он взял запасное одеяло и положил на мои колени.

— Если я проснулся, то не смогу запросто уснуть.

— Извини, что разбудила. Подашь мне пульт?

Он мрачно усмехнулся.

— Лена, Лена. Как не стыдно. Я полусонный, а не сумасшедший.

— Ох уж эти мальчишки со своими игрушками.

Я завернулась в одеяло, устраиваясь поудобнее.

Он улыбнулся мне краешком губ с едва заметным очертанием ямочки. На самом деле, за этой улыбкой скрывалась нотка злорадства. Но он делал успехи, поэтому сойдёт и так. Его улыбка станет одним из моих самых больших сожалений в жизни. Явлением, которое мне так и не доведётся увидеть. Спорим, она была летальной во всех смыслах слова.

Мы немного поболтали. Было приятно просто наслаждаться общением.

Последнее, что помню, это как я развалилась на своей половине большого дивана, начав смотреть какой-то классный старый чёрно-белый фильм о гангстерах 40-х годов. На следующее утро я проснулась в своей кровати, тщательно укутанная одеялами. Настолько тщательно, что с трудом вытасила руки. Видимо, Джимми принёс меня наверх и уложил в постель. Когда я попыталась поблагодарить его, он просто проигнорировал меня и сменил тему разговора.

Всё, как всегда.

Три недели спустя...

— Лена!

Я, вздрогнув, дёрнула головой, одновременно дёрнулась рука с чашкой кофе. Мои пальцы ошпарила горячая жидкость.

— Чёрт.

Джимми проорал с лестницы:

— Ты где?

— В кухне.

Я схватила кухонное полотенце и вытерла обожжённую кожу.

— Какого хрена? — зарычал он, войдя в кухню. Он был весь мокрый от пота.

Я вздохнула так, как только может вздохнуть человек, много повидавший на своём веку, и вытерла пятна кофе на зелёном свитере от «Хенли».

— Что какого хрена, Джимми?

После вопроса послышалась ещё одни тяжёлые шаги. В поле зрения появился Бен, бас-гитарист. Представьте себе сексуального дровосека с музыкальным талантом, и вы получите его безошибочный образ. Поскольку они только что вернулись с пробежки, он, как и Джимми, тоже был покрыт потом.

— Привет, Бен.

Я помахала рукой, и здоровяк поприветствовал меня привычным кивком. Но погодите-ка, на его губах, что, расползалась ухмылка? Он прислонился к стене и скрестил руки, устраиваясь, по-видимому, для чего-то поудобней.

Что бы тут не происходило, мне это было не по душе.

Джимми бросил на кухонную стойку передо мной свой телефон.

— Какого хрена какой-то... — он поднял телефон, бегло бросив взгляд на экран, — Том Муркомб с нетерпением ждёт нашей встречи насчёт вакансии нового ассистента?

У меня ёкнуло сердце.

— А. Это.

— Да. Это.

— Я ждала подходящего момента, чтобы сказать тебе.

Сведя брови к переносице, Джимми опёрся руками о стойку.

— Как насчёт сейчас?

— Что ж, я решила уволиться с твоей чудесной работы, — сказала я чётким любезным дружелюбным тоном, высоко подняв голову. Точно так же, как тренировалась снова и снова в душе, в кровати, сидя на унитазе. Почти везде и где угодно, когда подворачивалась возможность. Хватит оправданий. — Не то чтобы я не ценила проведенное вместе время, просто, кажется, я готова двигаться дальше, покорять новые высоты. А Тома я предложила в качестве кандидата на моё место. У него есть образование в сфере консультирования, но...

— Ты увольняешься?

Никогда прежде мне не было так трудно посмотреть ему в глаза.

— Да, Джимми. Я увольняюсь. Пора.

— Ты спланировала это всё за моей спиной.

Это был не вопрос, а заявление, и довольно сердитое. От его обычного холодного взгляда теперь можно было превратиться в ледышку. Повезло, что я не застыла на месте.

А вместо этого я кивнула, по коже забегали мурашки.

— Когда?

— Когда я это спланировала или когда собираюсь уйти?

Он дёрнул подбородком. Я восприняла это как «Да» на оба вопроса.

— В последние несколько недель и через пару недель, — сказала я. — Я думала потратить несколько дней, чтобы помочь Тому войти в курс дела и убедиться, что всё в порядке, прежде чем уйти. Конечно, есть и другие кандидаты, тебе выбирать, кого нанимать, а кого нет.

— Как великодушно с твоей стороны.

— Но тебе придётся найти мне замену.

— Когда ты собиралась сказать мне, Лена?

— Скоро.

Он выгнул бровь.

— На этих выходных..., наверное, я дала бы об этом знать. Ну, точно до того, как в понедельник на собеседование пришёл бы Том. Тебе, скорее всего, понадобилось бы время, чтобы подготовиться, так что... — я улыбнулась ему самой очаровательной улыбкой. Несмотря ни на что, не ударю в грязь лицом. — Не позднее утра понедельника.

Лицо Джимми побагровело.

Я прочистила горло.

— Стоит посмотреть на прежний опыт Тома, который, в отличие от меня, работал в подходящей сфере...

— Нет.

Я моргнула.

— Что?

— Нет. Ты не уходишь.

— Э, да. Ухожу.

Он качнул головой один раз, но довольно свирепо, я бы даже сказала, грубо. Вообще-то я была удивлена, что после такого он себе ничего не травмировал. Я предполагала, что он не поддержит моё решение, но не ожидала такого упрямства.

— Джимми, я секретарь. А не консультант по зависимостям. На самом деле мне не стоило вообще соглашаться на работу. У меня нет квалификации, да и справляюсь я не особо хорошо.

— А мне кажется, это должен решать я. Чёрт, Лена. Это просто нелепо. Что ты хочешь мне этим сказать?

Я пожала плечами, удивившись его словам.

— Наверное, прощай. И, если не возражаешь, письмо с рекомендациями было бы кстати.

Некоторое время он молчал, просто запрокинув голову и уставившись в потолок. Мышцы на его шее напряглись, а под кожей резко выделялись вены.

— На самом деле, в чём проблема? Ты хочешь прибавку?

— Нет. Откровенно говоря, ты платишь мне гораздо больше, чем следовало бы. Не то чтобы я хотела понижения зарплаты.

— Тогда что?

Он впился в меня взглядом, его глаза были светлее, чем у брата. Их цвет был похож на безоблачное небо, идеально голубое. Они были прекрасными, но на редкость спокойными. И помоги мне Боже, не придавать этому большого внимания, и тем более не начать писать поэмы.

— Почему ты непременно хочешь, чтобы я осталась? — я вскинула руки. — Чаще всего ты едва выносишь меня. На прошлой неделе ты совсем перестал со мной разговаривать и только ворчал на меня целых три дня. И внезапно ты не можешь вынести наше расставание? Да ладно тебе.

Бен хихикнул.

— А она права.

— До скорого, Бен, — сказал Джимми, не отрывая от меня взгляда.

— Лады. Веселитесь, ребятки, — здоровяк неторопливо пошёл на выход, не особо парясь, чтобы скрыть свою улыбку.

— Просто я... на прошлой неделе я был немного не в настроении.

Он скрестил руки на груди и, торопясь, добавил:

— Но с тобой это никак не связано.

— Нет, конечно, не связано. Но мне приходится жить с тобой. Поэтому, когда у тебя меняется настроение, это влияет и на меня.

Он стал ещё сердитее.

— Не то чтобы дело было в нас, — я покачала головой. — То есть, нет никаких «нас». Не знаю, почему я вообще использовала это слово. Это решение касается только меня. Для меня настал час двигаться дальше.

Джимми сжал челюсть.

— Мне не нравятся перемены.

— Тогда сделаем так, чтобы замена прошла гладко.

— Я привык, что ты рядом. Мы поладили. Так какого лешего я должен проходить через всю эту хрень с обустройством кого-то нового, только потому, что тебе взбрело что-то в голову, причём, скорее всего, абсолютно неважное?

Я открыла рот, но ничего не сказала. Теперь я точно впала в ступор. Из головы просто вылетели все ответные реплики и круглые комментарии. Хотя, нашла, чему удивляться. Это же Джимми во всей своей красе, грубый, как зараза, и без капли тактичности. Я хотя бы могла сделать вид, что умею ладить с людьми, в большинстве случаев.

— Ну? — рявкнул он. Пока я медлила с ответом, он стянул с себя красный свитер, чтобы вытереть им лицо.

— Мои причины, между прочим, личные, важны. Может, не для тебя, но они важны для меня.

Он посмотрел в сторону. Он действительно выглядел огорчённым с этими своими поджатыми губами. Интересно, его вообще кто-нибудь когда-нибудь обижал? Глядя на эту мордашку, ответ — нет, не думаю.

— Я приняла решение.

— Я буду платить тебе на двадцать процентов больше.

— Ты вообще слушаешь меня? Дело не в деньгах.

— Ради всего, б****, святого. На пятьдесят.

Я задрала кверху нос.

— Джимми...

Он взмахнул рукой.

— Достаточно. Я удваиваю ставку. Ты прекращаешь пороть чушь, и мы больше не возвращаемся к этому разговору, понятно? А теперь мне нужно кое-чем заняться.

— Прекрати! — крикнула я. — Я ухожу.

Он, не моргая, уставился на меня. Казалось, враждебность исходит даже из его пор.

— Почему? — спросил он сквозь стиснутые зубы. — Ты хотя бы должна сказать мне причину, Лена.

Снаружи начался дождь, огромные серые тучи наконец-то обрушили на землю потоки воды. А Джимми до сих пор ждал. Я закрыла глаза, чтобы не видеть его. О боже, я не могла ему этого сказать. Просто не могла. Всё шло не так, как я распланировала.

— Знаю, мы не лучшие друзья, но я думал, мы неплохо ладим, — сказал он.

— Так и есть, в основном.

— Тогда почему?

— Я не подхожу для этой работы.

— Посмотри на меня.

Я открыла один глаз. Вообще-то, он выглядел вполне спокойным. Его большие руки были скрещены, мокрая футболка прилипла к потной груди, но что до всего остального, он не выглядел слишком злым. Поэтому я открыла и второй глаз. Смело с моей стороны, знаю.

— В отличие от других надзирателей, ты не полностью выводишь меня из себя, — сказал он.

— Знаю. Я, в основном, полезная, — засмеялась я. Не сказать, что это было очень уж смешно. — Б-р-р! Почему ты так настаиваешь на своём?

— Потому что звукозаписывающей компании с Адрианом необходим посторонний человек, который следил бы за происходящим. Я с этим согласен, это не совсем плохая идея, — сказал он. — Мне не нужны твои консультации или, чтобы ты копалась в моих мозгах, выдвигая версии о всякой интересующей тебя психологической хрени. Всё, что мне нужно, — чтобы ты просто была рядом. Неужели это так сложно?

— Не сложно. Но это не объясняет, почему ты так одержим мыслью о том, чтобы этим человеком была я.

— Да просто ты лучшая из худших, ясно? Есть варианты и похуже. Я не собираюсь рисковать. Ты должна остаться.

Я сморщила от недовольства нос.

— Погоди-ка, весь сыр-бор случайно не из-за того, что случилось перед похоронами? — спросил он чуть погодя.

Мой рот открылся, но мне нечего было сказать. Он не имел в виду тот момент, когда вцепился меня, но из-за чувства вины и своей совести, я могла думать только об этом.

— Значит, поэтому.

Он наморщил лоб, запустил руку в волосы и потянул за них.

— Всё дело в... на то были смягчающие обстоятельства. Я не причинил бы тебе вреда, Лена. Никогда.

— Я знаю.

— Правда? Я понимаю, что напугал тебя, — сказал он. — Знаю, что разгромил номер, но я бы никогда...

— Дело не в этом.

— Тогда в чём проблема?

Я отвернулась, пытаюсь уцепиться за правдоподобную ложь или оправдание. Должно же быть хоть что-то, ведь вариант, чтобы он считал, будто я боюсь его в физическом плане, не подходил. У него и так забот по горло.

— В этом и есть проблема.

Он застонал, потирая лицо руками.

— Б****.

— Нет. Правда, дело не в этом. Я прекрасно понимаю, что в тот день у тебя было паршивое настроение.

— Тогда в чём? Чего ты хочешь, извинений?

Его глаза наполнились раздражением.

— Твою ж мать. Мне жаль, ладно?

У меня отвисла челюсть.

— Ого. Да ты невероятно хорош по части извинений, не так ли?

На стойке завибрировал его телефон. Мы его проигнорировали.

— Джимми, совет на будущее: когда ты перед кем-то извиняешься, нужно, чтобы это чувствовалось в твоих словах. Быть может, стоит обойтись без насмешек и ругани, как думаешь?

Он переступил с ноги на ногу, став очень похожим на школьника, получающего нагоняй.

— Понял. Извини... и всё такое.

— Так-то лучше.

— Значит, на этом всё? Мы разобрались? — спросил он, уже двинувшись к двери.

— Я могу передать Тому, что в понедельник тебе будет удобно с ним встретиться?

— Лена! Чёрт, — он издал звук, выражающий чистейшее раздражение. — Почему?

Слова встали поперёк горла. Учитывая все обстоятельства, уж лучше я задохнусь, чем позволю им сорваться с языка. Напряжение огромных и ужасающих масштабов скрутило меня изнутри. Если бы я только могла раствориться в воздухе.

— ПОЧЕМУ? — выкрикнул этот осёл, крик прогремел по всей комнате.

— Потому что у меня есть к тебе чувства, ясно?! И не ори на меня.

Тишина.

Абсолютная, без единого звука, тишина.

Возле его носа появились маленькие морщинки.

— Что ты сказала?

— Ты меня слышал.

— У тебя есть ко мне чувства?

Эти слова он сказал так, словно они были ему противны и унижали нас обоих. Мне никогда не оправиться.

— Да.

— Ты меня, блин, разыгрываешь.

— Нет, — ответила я, выставив душу нараспашку. Хотя, чего уж там, не то что нараспашку, а скорее, на растерзание. Я стояла, полностью обнажив свои чувства, выложив всё, как есть. Довольно гадкое ощущение, по правде говоря. Но оно и не обязано было мне нравиться. — Ну?

Он просто уставился на меня.

— Скажи что-нибудь!

Этот ублюдок расхохотался.

Приятный громкий смех наполнил комнату, окружая меня, отдаваясь эхом в голове. Я никуда не могла от него деться. У кухонной стены в стойку было воткнуто много острых сияющих ножей в ряд. Не составило бы особого труда просто швырнуть в него одним из ножей и посмотреть, куда попаду. Может, он и не представляет для меня опасности в физическом плане, но с высокой вероятностью может случиться так, что это ему придётся опасаться меня. Я представила, как его побитая тушка истекает кровью на полу. Это воображаемое зрелище удержало меня от нанесения увечий в реальности, несмотря на мои сжатые кулаки.

— Теперь ты понимаешь, откуда это разумное нежелание говорить тебе, — сказала я, в основном для себя. За своим безумным хохотом он совсем не мог меня услышать. Он стоял, согнувшись и вытирая слезы на глазах. Со всей пылкостью я молила о том, чтобы его шибануло молнией, но ничего не происходило. Джимми просто продолжал смеяться.

— И отчетливее всего сейчас я чувствую к тебе ненависть, — сказала я. — Если вдруг тебе интересно.

Спустя некоторое время (примерно через столетие) его смех стал тише и затем, наконец, стих. Этот бой дался ему нелегко. Он посмотрел на меня, на пол, в окно. Его лицо было напряжено. Всё, что мне оставалось, это ждать.

И периодически язвить.

— Вот и прекрасно, — сказала я. — Рада, что тебе удалось это переварить.

— Извини.

Он потер рот рукой. Она совсем не закрывала его улыбку.

— Боже, до меня только дошло, что все те разы, когда ты на меня так забавно смотрела, у тебя, оказывается, было какое-то расстройство, связанное с недостатком внимания, или тебе нужен был перепихон, или типа того. А я и не догадывался...

— Замечательно, — я хлопнула в ладоши и нацепила на лицо улыбку. — Итак, вернёмся к нашему разговору. Очевидно, что это непрофессионально и переходит границы. Поэтому я ухожу.

— Нет, не уходишь. Не глупи, Лена.

— Как тебе там живется, Джимми, в мире, полном отрицания? Ты счастлив? Наверное, и погода в это время года тоже ничего? — я уставилась на него. — Видишь ли, в прошлом мне разбивала сердце целая свора разнообразных придурков, и я поклялась, что больше этого не произойдёт. Так что я не собираюсь страдать от своей неразделённой любви. Просто, как по мне, это не самое лучшее времяпровождение, уж извиняй.

Может быть, моя улыбка и была немного робкой, но его — сияла. С помощью такой улыбки можно сдвинуть горы. И разбить сердце. Я чувствовала, как моё постепенно останавливается в груди. Отказ больно ранил, хотя не то чтобы я хотела, чтобы он бросился ко мне с распостёртыми объятиями. Я не меньше него удивилась бы моим неуместным чувствам. Но ему обязательно было впасть в истерику из-за этого?

Представьте себе, каково это — влюбиться в кого-то, к кому не испытываешь особого восторга большей частью треклятого времени. Кто совершает такую глупость?

Конечно, я. Это и так понятно.

— Давай расскажу, как всё будет, — сказал он уверенным и даже немного скучающим тоном. — Ты покончишь с этой дурацкой влюблённостью, и я сделаю нам обоим огромное

одолжение, забыв о том, что всё это вообще происходило, идёт?

— Какой же ты идиот.

Боже, он точно идиот. Самый настоящий. Я посмотрела на него взглядом, который, надеялась, красноречиво передаст эту мысль.

— Тебе не приходило в голову, что если бы я могла просто с ней покончить, то уже давно бы это сделала? Думаешь, мне хочется что-то к тебе чувствовать?

— Дело не во мне, Лена. А в моей известности. Стоит тебе это понять, как ты перешагнёшь эти чувства и двинешься дальше.

— В том-то и загвоздка. Дело в тебе. И поэтому я не могу двинуться дальше, — сказала я, указывая в сторону своей груди, которая, по чистой случайности, вздымалась из-за моего взвинченного состояния.

Взгляд Джимми опустился в указанную ложбинку, прежде чем вернуться к моему лицу. От злости он сжал губы, словно я специально вынудила его оценить мою грудь. Ага, если бы.

— Так вышло, что мне нравилась эта работа, — сказала я. — За неё хорошо платили даже до того, как ты начал ещё больше разбрасываться деньгами ради меня. Я привыкла жить в твоём особняке, не оплачивая жильё, да и, в основном, работа была лёгкой. С этим было всё отлично. Но дело в том, что иногда, когда ты не вёл себя, как придурок, меня настолько переполняли чувства к тебе, что становилось больно. Мне нравилось, когда ты, считая, что никто не смотрит, проявлял свое истинное «я».

— Лена...

— На самом деле, это проявлялось в мелочах. Например, в том, как ты делал вид, будто забыл, чья очередь выбирать канал, поэтому я выбирала чаще, чем ты. Или как ты иногда сидел со мной, когда я не могла уснуть.

Он закинул руки за голову.

— Боже, Лена. Перестань. Что за бред. Это ничего не значит.

— Ошибаешься. Всё это кое-что, да значит. Я знаю, ты не любишь похвал, но ты далеко не так ужасен, как хочешь казаться.

— Да, точняк. На самом деле я — не так понятая лапочка. Чёрт.

— Я не говорю, что ты идеален. Нам обоим известно, что тебе до этого далеко, но и мне тоже. Я всего лишь хочу сказать... — я подыскивала слова и с разочарованием поняла, что ничего подходящего на ум не приходит. Дьявол, ну и разговор. — Б-р-р!

Вот опять.

— Ну, так что? Ты боишься, что твои... — он показал кавычки, — ...чувства ко мне помешают выполнять твои обязанности?

— А что, если по какой-то причине ты снова сорвёшься, и я не смогу проявить непробиваемость и отказать тебе, потому что мне будет слишком жалко тебя? Что, если я тебе уступлю? Риск слишком велик.

— Такого не будет.

Он прошёл мимо меня и стойки, взял из шкафа стакан, и налил в него воду. Не отрываясь, он выпил полный стакан, его кадык заслужил сверхурочные. Воздух наполнился запахом его вспотевшей кожи. Если бы мне не нужно было говорить, то я бы задержала дыхание. Мне незачем было вдыхать его возбуждающий аромат, и без этого всё запутано.

— Может и будет, — сказала я. — Ты несерьёзно к этому относишься. А ещё тебе нужно в душ.

— Об этом я и толкую.

— О чём?

— О том, что тебе не следует принимать поспешных решений, пока не разберёшься, чего ты хочешь. За последние пять минут ты успела признаться, что влюблена в меня, затем сказала, что ненавидишь. Проинформировала о том, что я идиот. А теперь твердишь, что я воняю.

— Конечно, ты воняешь. С тебя же пот течёт.

Не сводя с меня насмешливого взгляда, он прислонился к стойке.

— Ага, и если бы тебя переполняли те самые предполагаемые чувства ко мне, то ты была бы совсем не против этого. Ты бы всё равно хотела бы всего меня. На самом деле, большинство женщин хотели бы меня от этого ещё сильнее.

При попытке понять, что же в себя включает понятие «всего меня», и что может за этим последовать, у меня снесло крышу. Нет, нет, нет, плохие, ужасные, не из той оперы мыслишки.

— Да ты что?

— Да. Женщины, которым я нравлюсь, не против моего пота. Как думаешь, что появляется через несколько часов, проведенных в постели? Пот, вот что. И все те женщины, в отличие от тебя, не вставляют саркастические комментарии. И определённо, б****, не оскорбляют меня каждые две минуты.

Он медленно обвёл меня глазами. Я не оценила это по достоинству.

— Знаешь, я ведь думал, что все те странные взгляды были связаны с тем, что случилось в Айдахо. Вроде как был уверен, что ты больше специализируешься по кискам. Считал этот факт весьма прискорбным, если честно. А тут ты выдаёшь такое.

На какой срок меня посадят, если я его придушу? Очень интересный вопрос.

— погоди. Ты что, и вправду считаешь, что если женщина не целует твою задницу, то она лесби?

Он пожал плечами.

— И ещё удивляешься, почему я тебя оскорбляю.

— Делать то, что от тебя требуется, Лена, это вовсе не проблема. У тебя не возникнет трудностей с тем, чтобы отказать мне.

Не обращая внимания на мой скептицизм, он разминал свою шею, бросив на меня ещё один скучающий взгляд.

— В чём бы ни было дело, разберись с этим. Я понимаю, ты смущена, но ты просто обязана с этим покончить. Ладно?

Я не дала никаких обещаний. Но опять же, в тот момент я не могла многого сказать. Очень сильно сомневаюсь, что, открой я рот, у меня получилось бы произнести хоть одно предложение.

— Ладно. На этом всё, — сказал Джимми, уходя из комнаты, словно его совершенно ничего не волновало, и ему на всё это было глубоко наплевать.

Незадолго до полуночи в дверь моей спальни постучали.

После нашего разговора мы практически вернулись к нормальной рутине. Утром и после обеда Джимми, как обычно, тренировался с одним из парней. Поскольку куратор трезвости из меня так себе, да и ходить тенью за Джимми в конечном итоге мне поднадоело, я взяла на себя роль его ассистента. Я проверила его электронную почту, периодически зачитывая вслух то, что Джимми нужно было знать. Я переписывалась в течение дня с Эв, женой и ассистентом Дэвида, которая бедная несчастная оказалась в офисе Адриана, менеджера группы, и с пиарщиком группы. Не так-то легко проходят трудовые будни рок-звёзд. Помимо этого, поскольку на днях я контактировала со строителями и представителями технических служб, обустривающими часть подвала в современную студию, и их работа близилась к завершению, парни решили начать репетировать и проводить сборы по написанию песен здесь, а не у Дэвида. Потребовалась ещё одна комната.

В общем, нам всем было чем заняться в течение дня.

Мы с Джимми весь день находились в одном доме и довольно часто в одной комнате, но без необходимости не разговаривали. Молчание не причиняло неудобств, скорее было приятным, я давным-давно к нему привыкла. Как правило, спустя некоторое время Джимми включал музыку. Сегодня в стерео играли «The Dead Weather» [переводится как «Ужасная погода», американская группа, играющая в стиле альт-рока, гаражного рока, блюз-рока и инди-рока — прим. перев.], что было под стать погоде, которая становилась всё хуже. А что до остального, то мы пребывали в своих собственных безмятежных мирах. Конечно, за день не обошлось без парочки любопытных косых взглядов, но я решительно их проигнорировала.

Джимми снова постучал в мою дверь. А затем, не дождавшись разрешения, вошёл в комнату.

— Я тут подумал...

— Я не разрешала тебе войти.

Я посмотрела на него поверх очков, лежа на середине кровати, подмяв под себя никак не менее трех подушек. Комфорт — прежде всего.

— Это мой дом. Прикольная пижама. На этот раз утки, да? Круто.

Он с улыбкой посмотрел на мой фланелевый наряд, потому что, естественно, Его Величество выглядел превосходно. Его дизайнерские джинсы и чёрная футболка с длинными рукавами сидели на нём идеально. Как всегда, независимо ни от чего, в любое время суток. После пробежки его мокрые от пота волосы были в жутком беспорядке. Но даже и теперь он уложил их в стиле а-ля модель нижнего белья, хотя в остальном не пытался соответствовать этому образу.

— Ты просто завидуешь моему обалденному чувству стиля.

Я прижала к груди электронную книжку, пытаюсь спрятать свои обрадовавшиеся соски.

— Готова поспорить, что ты спишь в «Армани», да? Или, может, в «Прадо»?

Он усмехнулся.

— Чего тебе, Джимми?

— Ни разу здесь не был.

— Ты был здесь в ту ночь, когда принёс меня в кровать, после того, как я вырубилась на

диване, — напомнила я ему.

— Было около четырёх утра. Не особо присматривался.

Он медленно прошёлся по комнате, бросая взгляды на мои вещи. Можно сказать, у меня проблема с опрятностью, когда дело доходит до моего личного пространства. На стуле валялась одежда, под ним — обувь. В ванной серую мраморную столешницу украшали косметика, приборы для укладки волос и средства женской гигиены. После переезда сюда я быстро приспособилась, решив приобрести больше личных вещей. В последние пару лет я тратилась по минимуму. Из-за частой смены места жительства мне это было удобно. Ведь избыток вещей, в конечном счёте, причинял бы проблемы с их упаковкой при переездах.

Джимми нахмурился.

— Ты не пускаешь сюда уборщиков?

— Конечно, пускаю.

— Они приходят два раза в неделю, Лена. Как, чёрт возьми, тебе удаётся так быстро устроить бардак?

— Это дар. Я же не разбрасываю свои вещи по всему дому. Это моё личное пространство и, следовательно, тебя оно не касается. Ты пришёл сюда с какой-то целью?

Он повернулся ко мне, положив руки на бёдра.

— Да, после нашего сегодняшнего разговора мне захотелось узнать твою точку зрения.

— Значит, ты признаёшь, что одним приказом остаться меня здесь не удержать?

— Возможно.

Джимми подошёл к моему столу и начал небрежно рыться в лежащем на нём хламе. Там была выложена половина содержимого моей сумочки вместе с парочкой журналов. Вот же блин, один из них был раскрыт. Чёрт. Унижений сегодня мне хватит, по меньшей мере, лет на десять. Боже, прошу тебя, сделай так, чтобы он не посмотрел на статью.

— Пожалуйста, Джимми, не трогай мои вещи.

— А это что? — он поднял раскрытый журнал. Конечно, как же иначе. Затем он начал читать вслух.

— Как избавиться от влюблённости в парня. Интересно.

— Ну, ты же не думаешь, что я подожду хвост и сбегу, не обдумав возможные варианты, ведь так?

Он приподнял одно плечо.

— Вроде того.

— Вот и славно. До чего же радуется твоя вера в меня. Так о чём ты там подумал?

— О твоих чувствах, — невозмутимо бросил он, оторвавшись от журнала.

Я вздохнула.

— Джимми, я потрясена. В этот раз тебе почти удалось сказать это нормальным тоном.

— Я немного потренировался внизу.

Он присел на край моей кровати, широко расставив ноги, устраиваясь, как у себя дома. Что, полагаю, в немалой степени так и было.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Так что там насчёт моих чувств?

— Знаешь, а статья не так плоха. Некоторые из советов довольно хороши.

Он продолжил читать.

— Стоит предположить, что ты сам пострадал от неразделённой любви?

Он фыркнул.

— Нет, конечно. Я всегда получаю то, что хочу.

— Ещё бы.

Я опустила голову, про себя поворчав от души. Позор на мою голову за то, что могла подумать как-то иначе. Несомненно, после себя он оставил тропу из разбитых сердец шириной в океан.

— Что не всегда было хорошо.

С его лица исчезла надменность. Джимми нахмурился и стиснул челюсть, уставившись в пустоту, явно что-то вспоминая. Интересно, что? Когда он понял, что я наблюдаю за ним, то сглотнул и встряхнул журнал.

— Нам стоит использовать это руководство.

— Что? Что сделать?

— Шаг первый. Тебе следует начать выбираться из дома и встречаться с другими парнями, — он поморщился. — В плане кого подцепить ты не особо хороша, но не переживай, с этим я тебе помогу. Шаг второй. Попытайся сосредоточиться на его недостатках.

— Хочешь, чтобы я следовала списку, дабы избавиться от моей влюблённости?

— Да, и хватит мешать. Это важно. Второй шаг. Сосредоточиться на моих недостатках, — он с любопытством посмотрел на меня. — Кажется, с этим у тебя проблем не будет. Шаг третий. Перестань жалеть себя, чувствовать себя несчастной или злиться.

Я поправила очки.

— Понятно.

— Да. Честное слово, Лена, это действительно отпугивает. Кто же захочет иметь дело с такой хренью?

— Ла-а-адно.

— Шаг четвёртый. Всё, что здесь перечисляется, было указано в первом шаге, только заново. Погуляй с друзьями. Попробуй что-нибудь новое. Займись своей фигурой. Побалуй себя. Веселись. Наслаждайся жизнью. Отправься в путешествие. Накрась ногти. Делай, что тебе, б****, вздумается. Бла-бла-бла. Ты поняла, о чём я.

— М-м, — кивнула я.

— Это, в принципе, и всё.

— И я должна это выполнить?

Он долго смотрел на меня.

— Ты сказала, что тебе не особо хочется уходить, и тебе нравится эта работа. Так докажи это.

Мой смех на самую малость не дотягивал до маниакального. Было принято решение. И, причём, не из лёгких. Идти на попятную сейчас не казалось разумным.

— Да ладно тебе, Джимми. Это дурацкая статья. Скорее всего, она была написана от скуки каким-нибудь стажёром во время обеденного перерыва. В ней нет ничего научного. Она не поможет ничего исправить.

— Тогда почему журнал был открыт на этой странице?

Хороший вопрос. Пряди его тёмных волос, закрывая лоб, упали ему на глаза. Неосознанно он отбросил их назад. У меня так и чесались руки помочь ему убрать волосы и ещё разглядить морщинку между его бровей. Особенно сейчас, когда он выглядел разгорячённым во всех смыслах этого слова.

И он серьёзно думал, что мудрые советы из статьи смогут меня вылечить.

— Как знать, Лена. Это может сработать.

Он бросил журнал мне на колени, пригвоздив к месту взглядом.

— И мне кажется, как моя должница, ты просто обязана это попробовать.

Я вздёрнула подбородок.

— Прямо-таки обязана?

— Я дал тебе шанс. Предоставил эту работу и сделал всё возможное, чтобы ты могла приспособиться. Несправедливо, если ты просто уйдёшь, не проработав даже двух месяцев и не приложив сейчас должных усилий. За тобой должок.

— Ты нанял меня с мыслью, что мною будет проще манипулировать, чем настоящим консультантом. И ещё потому, что Мал и Дэвид тебя уболтали. Давай не будем забывать о твоих истинных намерениях.

Его широкое плечо снова приподнялось и опустилось.

— А это важно? Я нанял тебя. Ты сказала, что работа тебе нравится. Меньшее, что с тебя причитается, это хотя бы попытаться сохранить её.

— Я подумаю над этим.

— Подумай.

На его губах просияла еле заметная улыбка.

— Мне хорошо знакомо, что такое зависимость и желание обладать чем-то, что принесёт вред, Лена. Так или иначе, именно тебе решать, брать верх и сражаться или же нет.

Такой он, Джимми Феррис — плюющий на законы, опасный, сдержанный. Что ещё забавнее, я хорошо его понимала. Всё в нём цепляло меня, независимо от того, как сильно я пыталась этому сопротивляться, чёрт возьми.

Он направился к двери и, медленно закрывая её, бросил:

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Звук, похожий на выстрел из дробовика, прервал мой сон. Я подскочила на кровати, моргая в потёмках. Что это за чертовщина такая? В мою сторону двигалась размытая тень.

— Какого...

— Подъём, — распорядился Джимми. — Мы собираемся на пробежку.

— Ты, блин, что, из ума выжил?

— Проснись и пой. Да начнётся первый день твоей интенсивной программы по нейтрализации чувств к моей персоне.

Он распахнул шторы, позволив слабому солнечному свету просочиться в комнату.

— У тебя же есть кроссовки, да?

Я пошарила рукой по прикроватной тумбочке в поисках очков и надела их. Всё продолжало казаться расплывчатым.

— Боже, Джимми. Ведь только-только рассвело.

В меня полетели кроссы «Найк». Всё, что мне удалось, это от них уклониться.

— Эй!

— Давай. Поднимайся.

За кроссовками в меня полетела пара старых серых треников, приземлившись на краю кровати. Его Превосходительство уже был одет в свои чёрные одеяния для пробежек. Он был

готов, и ему не терпелось отправиться на улицу.

— У тебя есть спортивный топик? Думаю, девушке с твоими параметрами он бы не помешал.

— Ну-ка вон из моего шкафа.

Я отбросила одеяло и подошла к нему.

— Не смей рыться в моём нижнем белье, ты, придурок!

Он не слушал меня и продолжал рыться.

— Исходя из моего профессионального опыта, меня здесь уже ничем не удивить. Давай. Одевайся же.

— Дай повторю вопрос. Ты спятил?

— Сказал ведь, что не собираюсь менять сожителя. Поэтому я помогаю тебе помочь себе. Мы будем выполнять то небольшое руководство, чтобы ты избавилась от этих своих глупых чувств. Если кто-то и сможет убить твоё влечение ко мне, то это — я.

— Ты знаешь, куда можешь засунуть это руководство. И, если тебе потребуется моя помощь, то дай мне только взять резиновую перчатку со смазкой, и я помогу тебе.

Вздыхнув, Джимми выпрямился. Он вытянул руку вверх и начал медленно разжимать пальцы. Высоко-высоко над моей головой висели мои симпатичные шёлковые чёрные трусики.

— Скажи, что отправишься со мной на пробежку, и я верну их.

— Как же мне сейчас хочется заехать тебе по яйцам и покончить с этим. Посуди сам, чему быть, того не миновать, да?

Он не пошевелился, чтобы прикрыться, не показал слабины. Вместо этого уголок его рта изогнулся, и на щеке появилась ямочка. У меня сердце рухнуло в груди. Я была права. У него точно есть, как минимум, одна ямочка. Он покачал трусиками в воздухе. Учитывая мой невысокий рост и то, что у Джимми этого роста было в избытке, я ни за что не смогла бы до них дотянуться.

— Ты, правда, думаешь, что я начну подпрыгивать, как идиотка? — сухо спросила я.

— Меня бы это позабавило.

— Не заставляй меня прибывать тебя в столь ранний час, Джимми. Это неинтеллигентно.

Полуулыбка исчезла, и он уронил трусики в мою протянутую руку.

— Спасибо.

— Ты подумала насчёт руководства?

Положив руки на бёдра, он смерил меня взглядом.

Подумала, причём долго и старательно. И хотя вариант с тем, чтобы уйти подальше от Джимми был логичным, в то же время он причинял мне боль. Постоянно проявлялось чувство вины. А вдруг он и тот человек, который придёт мне на смену, не поладят, ведь мы с Джимми частенько не ладили. Но при этом нам удавалось держать его на плаву, и он находился в трезвом и работоспособном состоянии. Так что, если оценивать самый главный результат, наше кривобокое партнёрство было успешным.

— Чего ты хочешь, Лена?

Он потёр висок.

— Я знаю, в прошлом ты общалась с некоторыми придурками, но сейчас это не та ситуация. Я не собираюсь причинять тебе вред. Всё, что я хочу, — это чтобы ты выполняла свою работу.

— Знаю.

— Блин, — простонал он. — А если я скажу: «Пожалуйста!», это поможет?

— Не уверена, — честно ответила я. — Может быть. Ты хотя бы знаешь, как сказать это слово, не придавая ему чрезмерного сарказма или иронии?

Он откинул голову назад, словно взывая к небесам в беззвучной мольбе.

— Пожалуйста.

— Пожалуйста, что?

— Пойдём со мной на пробежку. Пройди руководство. Останови эту хрень. Лена, пожалуйста?

Вроде бы, он говорил искренне. И он был прав. Я не на все сто процентов хотела уехать. К тому же важно поощрять хорошее поведение.

— Хорошо, Джимми. Давай попробуем.

— Боже милостивый, я тебя ненавижу, — пыхла я, таща свою жалкую задницу за сволочью, которой адресовалось это высказывание.

— Видишь? Уже работает, — Джимми даже ещё не вспотел. Эта атлетически сложенная задница могла без труда ходить на длительные прогулки. — Плюс, будешь здоровее. Все в выигрыше.

— Я и так здорова. Я ем фрукты.

— В пирогах не считается.

Если бы я только могла стрелять лазерами из глаз. Чёрт подери эти отсталые технологии.

— Я не говорю, что с тобой что-то не так, — сказал он, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня. Не переставая при этом бежать, долбаный выпендренник. Вот бы он шлёпнулся на задницу, я бы с радостью на это посмотрела. Его взгляд прошёлся по мне, задерживаясь слишком долго на моих бёдрах. Но не так, чтобы это показалось подозрительным. — Ничего не имею против широких бёдер.

Ругательства я прошептала, поскольку мне не хватило воздуха, чтобы произнести их громко вслух.

— Будем каждый день ходить на пробежку, медленно увеличивая расстояние, и ты сможешь есть больше пирогов. Как тебе такое?

Эти слова прозвучали так снисходительно, будто их произнёс кретин, осуждающий меня. Я в ответ показала Джимми неприличный жест.

— Лена, посмотри на меня.

Я остановилась, посмотрела. А ещё согнулась и втянула воздух, потому что для современной женщины очень важно уметь делать несколько вещей одновременно.

— Ты симпатичная девушка, и у тебя классные формы, — сказал он, до сих пор бегая на месте. — Но дополнительная зарядка твоему здоровью и внешнему виду не повредит. Повысь свои энергетические запасы или что-то типа того.

Джимми назвал меня симпатичной?

Разумеется, он мог это сказать по доброте душевной. В любом случае это было не особо важно. Поэтому бабочкам в моём животе стоило утомиться и перестать порхать, как сумасшедшим. Хотя я до сих пор не отошла от его насмешек насчёт пирогов. Сотрудники

местного ресторана забивали холодильник всякими салатами, бифштексами, пастой и да, иногда, пирогами. Можно подумать, что я заставляла их делать это под дулом пистолета или вроде того. Что я ела, его не касалось, и его мнение не должно было для меня что-то значить.

Не должно было, но всё-таки значило.

— Я не обязана соответствовать твоим идеалам прекрасного, — сказала я, как только восстановила дыхание.

Он смотрел на окружавшие нас высотные дома, опавшие листья и голые деревья, но затем резко перевёл глаза на меня.

— Конечно, не должна, я и не говорил такого.

— Не все мы были рождены с идеальной внешностью, как у тебя, Джимми.

— Ты разозлилась? — он подошёл ближе. — Лена, у меня куча недостатков. Мы были тесно связаны с тобой пару месяцев, так что, тебе ли не знать об этом. Но неприязнь к твоему внешнему виду не относится к моим недостаткам. Если хочешь попилить меня, выбери другую тему, потому что насчёт моего мнения о твоей внешности ты глубоко ошибаешься.

Некоторое время мы оба молчали. Мы смотрели друг на друга, выдыхая пар в холодный утренний воздух.

— Меня, как бы, может слегка заносить на эту тему, Джимми, — спустя какое-то время признала я.

— Я, как бы, заметил.

Он убрал волосы с лица.

— Да и я, наверное, выразился не совсем правильно. Добавь к списку моих недостатков проблему с самовыражением.

— Особенно по части социально принятых устоев.

Джимми одарил меня ехидной улыбкой.

— Тебе не всё равно, что подумают остальные?

— Иногда. В какой-то степени.

Он фыркнул.

— Ты не можешь повлиять на мнение окружающих, Лена. Если им хочется думать худшее, то они так и думают. Я не трачу энергию на то, чтобы сделать всех счастливыми. Мне хватает заботы о том, чтобы самому не расклеиться.

В его словах был здравый смысл, хотя, может быть, они были и не совсем правильно сформулированы.

— Люди будут осуждать в любом случае, — сказал Джимми. — Каждый охренеть как обожает свою точку зрения и с радостью швырнёт её тебе в лицо, хочешь ты этого или нет. Поэтому достаточно быть довольным самим собой.

— Да. Но тебе не всё равно, что думают твои парни из группы, — сказала я.

— Конечно.

Он снова побежал. На этот раз медленнее. Спасибо тебе, Господи, обитающий на небесах.

С огромной неохотой я поплелась за ним. Мои бедные ножки горели огнём. Не сомневаюсь, они дико ненавидели меня, и я их за это совсем не винила.

— И Эв с Энн. Их мнение тоже тебя волнует.

Он заворчал.

— И мистера Эриксона.

Как ни прискорбно, но даже на минимальной скорости я прилагала все усилия, чтобы не отставать от него.

— Хотя иногда ты рубишь с плеча, не заморачиваясь тем, чтобы сначала подумать. Но разве не все так делают?

— Давай перейдём к другому недостатку, — сказал Джимми.

— Не вопрос.

Я порылась в своих затуманенных мозгах в поиске средства нападения.

— Что насчёт...

— Я эгоистичен.

— Ага. Что есть, то есть. Ты довольно высокомерный и самовлюблённый.

Мимо пробежала девушка, с головы до пят одетая в обтягивающую форму из спандекса. Она одарила Джимми широченной улыбкой, так и говорящей «возьми меня прямо на месте». Он кивнул ей, а затем снова сосредоточился на дороге.

— Ты такой не без причин, соглашусь. Но ты ни с кем не встречаешься, — сказала я, остановившись. К счастью, он тоже остановился. Бегать и говорить одновременно явно не для меня. Та же история с бегом и дыханием. — Так почему? Ты столь тщательно следишь за собой. Качаешься. Покупаешь классные шмотки. И эй, могу тебя поздравить, это работает. Но ты никуда не ходишь, кроме деловых встреч. Или же куда-нибудь с парнями. Можно сказать, ты отшельник.

— В этом монологе прозвучал вопрос?

— Почему?

— Почему я слежу за собой, или почему я отшельник?

— Давай начнём с первого, — сказала я.

Джимми пожал плечами.

— Я тщеславен. Что скажешь на это?

Ха-х.

— Значит, ты полностью собой доволен?

— С моей-то внешностью? Естественно.

Он выгнул бровь.

— Моя внешность — это единственная вещь, которая всегда играет мне на руку, всегда привлекает внимание. Если на обложке журнала поместить моё фото с надутыми губами, то это увеличит продажу дисков. Факт. Я не поэт, как Дэвид, и не одарённый музыкант. Пою я, конечно, неплохо. Но мой козырь — это моё лицо. С его помощью я делаю мой вклад в наш бизнес. И, как известно, в этом бизнесе используют любое преимущество, какое только есть.

С хмурым видом я уставилась на него, потрясённая услышанным.

— Ты действительно в это веришь.

Он нахмурился в ответ.

— Джимми, ты — это не только симпатичная мордашка. У тебя прекрасный голос.

Уж я-то знала. Его голос часто звучал по ночам в наушниках моего айпода, пока я не засыпала.

— Боже, сколькими «Грэмми» тебя наградили?

— Всё дело в популярности, ни больше ни меньше, — он облизнул губы. — А ты?

— Что я?

— Ты довольна своей внешностью?

Впервые я решила воспользоваться собственным советом и подумать, прежде чем отвечать.

— По-видимому, нет, если вспомнить наш недавний разговор. Но я стараюсь изменить своё мнение. Что не всегда просто, когда перед глазами в газетах и журналах постоянно маячат представления о красоте, бла-бла-бла. Мне никогда не стать шестифутовой красоткой с ногами от ушей, и, как ты сказал, я обожаю пироги. И я не собираюсь прекращать есть их в ближайшие пятьдесят лет лишь для того, чтобы ушки на бёдрах стали меньше. Без маленьких радостей в жизни никак.

— Да, это точно, — тень улыбки коснулась его губ. — Ну, а мой мудрый план по жизни состоит в том, чтобы не вернуться к вредным привычкам. Секс, наркотики, алкоголь — всё это пагубно для меня. Только изменив свою жизнь, оградив её от разрушения, понимаешь, что может стать спусковым крючком.

— После реабилитации у тебя не было секса?

— Нет.

— Серьёзно?

— Да.

Мои глаза чуть не вылезли из орбит.

— О!

Ого, довольно экстремальное поведение, но, видимо, так нужно. В этом он был убеждён. По правде говоря, его открытость и честность ошеломили меня. И, полагаю, он был серьёзно настроен по поводу моей программы нейтрализации.

— Ты пил или употреблял наркотики, когда оставался один?

Джимми вздрогнул.

— Да, было дело. Именно поэтому рядом со мной должна быть ты или кто-нибудь из парней. Просто на всякий случай.

— Это не всегда возможно. Но ты продолжаешь сопротивляться порывам, — заметила я. — Как по мне, чтобы изменить свою жизнь, как это сделал ты, требуется немалая отвага и настойчивость.

Он нахмурился.

— Не оправдывай меня, Лена. Я не хороший парень. Я трахнул девушку моего брата. Ты знала об этом?

Я покачала головой.

— Да, я разбил его сердце. Я так сильно завидовал ему, что едва ли мог дышать. Я лгал. Я предавал. Я крал. Я уничтожил всё, что было мне дорого, и ранил всех, кто был рядом. Я постоянно отключался, у меня два раза был передоз, я чуть не умер. Как, думаешь, это сказилось на них... на парнях? То, как они навещали меня в клинике, видя, в каком я состоянии?

Джимми смотрел куда угодно, но не на меня.

Между нами подул холодный ветер.

— Вот она, правда. Вот такой я. Не оправдывай меня. Я всё тот же угрюмый эгоистичный у***к, каким и был раньше. Неважно, трезвый или нет.

Он часто дышал, хотя мы стояли на месте.

— Правда в том, что тебе никогда не узнать всех прелестей жизни, пока ты будешь у меня на побегушках. Тебе лучше держаться от меня подальше. И, хотя я прекрасно знаю об этом, мне всё равно наплевать. Вот, Лена, какой я на самом деле.

Я не нашла, что ему ответить.

Джимми развернулся и направился домой.

На праздничный ужин мы собрались всей группой накануне Дня Благодарения. Я долго объяснялась с мамой, почему не смогу приехать домой. К счастью, она поняла.

Ужин проходил в новом кондоминиуме Мала и Энн. Он был расположен как раз напротив старого кондо Дэвида и Эв. Старого, потому что они прожили в нём около полугода или типа того. Обе квартиры были великолепны, с кучей всего блестящего, дорогого и нового. Словами просто не рассказать. С балконов открывался вид на Перл Дистрикт. Очень красивый.

Почётное место на камине занимала фотография Лори, мамы Мала. Когда мы только пришли, Джимми ненадолго возле неё задержался. Спустя некоторое время к нему подошёл брат, и они начали тихо разговаривать. Не думаю, что в ближайшее время боль от её утраты сойдёт на нет.

По всей видимости, Бен никому не рассказал о том, что я заявляла о своём уходе. Я была чрезвычайно благодарна ему за это.

Джимми едва обмолвился со мной парой слов после нашего вчерашнего разговора. Но, к несчастью, этим утром на рассвете он снова затарабанил в мою дверь и швырнул в меня моими же кроссовками. Я, как жалкое создание, плелась за ним, не переставая обливаться потом. Тяжело судить о том, сколько мы с ним пробежали. Для меня всё смешалось в бесконечную агонию после нескольких первых ярдов. Позднее днём меня пришёл побаловать массажист-косметолог, выполнив тем самым ещё один пункт из списка. Должна признать, эти три часа блаженства, оплаченные Джимми, стоили моих мучений во время пробежки. Хотя не всех. Но большей их части. Этот его жест был вроде молчаливого извинения или, быть может, ободрения с его стороны. А, может быть, очередной приманкой для того, чтобы убедить меня остаться с ним.

Сейчас Джимми сидел за столом напротив меня. Идеально уложенные волосы обрамляли его лицо. Он развалился на стуле с таким изысканным видом, словно был царём всея земли. Несмотря на мои попытки внушить себе, что он не мой тип, его привлекательность нельзя было отрицать. Он всегда оставался внешне таким элегантным, таким идеальным, что можно было не заметить хаос и боль, находящиеся внутри него. Но его слова снова и снова звучали в моей голове. Боже, он плюнул в душу своему родному брату. Не удивительно, что их отношения порой были напряжёнными.

Все присутствующие за столом продолжали общаться. Но меня интересовал не столько разговор, сколько Джимми. Он был двойственным воплощением всего хорошего и плохого, прекрасного и отвратительного.

Он снял свой чёрный шерстяной пиджак и повесил его на спинку стула, закатав рукава своей рубашки с непонятным узором. Моя одежда выглядела куда проще и состояла из ботильонов, обтягивающих джинсов и вязаной туники. В плане того, что можно надеть на себя в спешке, он меня уделал. Слегка придвинувшись к столу, Джимми положил на него свой локоть. Я обратила внимание на то, какие у него крупные запястья. Раньше я этого не замечала. Я подумала, что, наверное, у него сильные руки. Хотя, когда недавно мы с ним сцепились из-за пачки сигарет, он был нежным. Нежным настолько, насколько это возможно, когда двое барахтаются на полу. Мою голову заполнили воспоминания о том,

как он прижимал меня своим телом к полу. Спасибо тебе, младенец Иисус, что с сигаретами покончено. Джимми дал мне слово и держал свое обещание. На его правой руке был узор татуировок, состоящий из сплетения звезды, сердца, пламени и каких-то слов. Мне захотелось рассмотреть их поближе, очень тщательно. Я сделала глоток воды, моё внезапно пересохшее горло потребовало увлажнения. Две верхние пуговицы на его рубашке не были застёгнуты, и в расстёгнутом вороте виднелось несколько тёмных волосинок. Неплохо.

А ещё на этом придурке были сапоги с довольно толстой подошвой. Я поняла это, когда один из них опустился на мою нежную, ничего не подозревающую ногу.

Я вскрикнула.

— Лена, к тебе обращается Энн, — сказал он.

Вот дерьмо. Я опять на него пялилась. Сам виноват. Сядь Джимми рядом со мной, а не напротив, такой возможности у меня бы не было. Я попыталась ударить его в ответ, но не достигла цели. Нога не коснулась ничего, кроме воздуха. К чёрту его! И его длинные ноги.

— Джимми, ты что, только что её пнул? — спросила Эв, поджав губы.

— Нет, — соврал он.

Эв с любопытством вопросительно посмотрела на меня, будто я должна была открыть ей правду.

— С его стороны было бы мелочно и по-мальчишески глупо так поступить. Но нет, он этого не делал. Я просто слишком резко выпрямилась, — сказала я. — Наверное, я несколько перевозбудилась.

— У неё бывает такое периодически, — подтвердил Джимми. — Нашу Лену легко возбудить.

Я продемонстрировала ему свою лучшую из натянутых улыбок.

Мама Энн, наша гостья, сидевшая в конце стола, сильно нахмурилась. Хорошего впечатления от вечера как не бывало. И это при всём том, что мы старательно пытались вести себя нормально, не сходя с ума. Не говоря уже о таких мелочах, как обойтись без ругани. Точнее, пытались все мы, за исключением Киллера, безумного щеночка Мала и Энн, которого давно уже сослали в его клетку, обеспечив тем самым тишину. Бен также был в немилости за то, что раздражил Киллера. Но, в отличие от щенка, ему, однако, пришлось остаться за столом. Собаке стоило подать жалобу на предвзятое отношение к себе, потому что по всем параметрам это было до жути несправедливо.

Джимми громко прочистил горло, чтобы привлечь внимание всех сидящих за столом.

— Не уверен, что говорил вам об этом. Лена подумывает об увольнении.

Бум! Я попала в засаду.

«Что?», «Почему?», «Как?» и другие звуки, выражающие удивление и недоумение, заполнили комнату. Их было гораздо больше, чем я ожидала. С противоположной стороны стола мне ухмыльнулся Джимми, затем последовал его взгляд, говорящий: «А чего ты, мать твою, ожидала!». В ответ я стрельнула в него глазами, говоря: «Придурок, это было необязательно, и так подло с твоей стороны!». По ходу, мы и вовсе могли общаться без слов, взглядами.

Зашибись.

— Не-е-ет, — протянул сидевший во главе стола Мал. — Да ладно тебе, Лена. С чего тебе уходить? Ты единственная, кто без вопросов влился в нашу компанию, и кто не ноет из-за того, что живет с Джимом. Даже не представляешь, насколько особенной это делает тебя.

Меня окружало море грустных лиц. Ну, кроме мамы Энн, которая просто играла со

своей едой. Даже сестра Энн, Лиззи, выглядела подавленной от услышанной новости, а мы-то и виделись всего сколько, дважды? Такой уровень привязанности удивил и одновременно растрогал меня.

Как только меня накрыло волной одиночества, глаза сразу наполнились слезами. Я даже не догадывалась, что была одинока, но забота этих людей обо мне застала меня врасплох. Они действительно хотели, чтобы я была членом их компании.

— Что ты, б****, натворил? — рыкнул Дэвид на своего брата.

С лица Джимми исчезла ухмылка.

— Ничего, — сказала я, моя защитная реакция тут же встала на помощь Джимми. — Джимми ничего не сделал. Я просто подумала, что, возможно, пришло время двигаться дальше. Я ещё не решила.

Дальше между братьями началась напряжённая игра в гляделки. По всей видимости, победил Джимми, потому что первым, нахмутив брови, отвёл взгляд Дэвид. Эмоциональные брови у Феррисов — это, видимо, семейное.

— А чем ты занимаешься, Лена? — спросила мама Энн. Её звали Джен, у неё были рыжевато-русые волосы, и на вид ей было около пятидесяти.

— Она мой трезвый сожитель и ассистент, — мгновенно, без колебаний ответил Джимми. — Она не даёт мне начать пить. И принимать наркотики.

Народ замолчал, глядя по сторонам. Рот у Джен раскрылся, как у золотой рыбки, если не сказать больше. Исходя из того, что я знала от Энн о её матери, Джен была последним человеком, который мог бы осуждать других. За последние двадцать лет она не особо заслуживала звания «Родитель года».

Обычно, собираясь большой компанией, мы не обсуждали проблемы Джимми, и, если уж на то пошло, вообще не затрагивали эту тему. Мир был в курсе всех грязных подробностей его истории, так что говорить об этом не было ни малейшей нужды. Когда он отправился на реабилитацию, новости о произошедшем с ним крахе были повсюду. Но, видимо, Джен почему-то их пропустила.

Тишина затягивалась. Она была неправильной. И эта тишина терзала моё сердце. Сидящий напротив меня Джимми, напрягшись, начал уходить в себя. Холодные, как арктический лёд, его глаза уставились в никуда. Допустим, людей могла смущать его история, но скажите, кто не без греха. Да, он опустился ниже, чем другие, но ведь выправился. Сила характера проявляется по-разному. Я всегда считала, что тема о его бывших пагубных привычках не поднималась из-за соблюдения личного пространства.

Почему, чёрт побери, никто ничего не говорил? Например, я.

— Мне нравилось работать у Джимми, — я подняла свою салфетку и положила её на стол. — И до сих пор нравится. Проблема во мне, не в нём.

Глаза Джимми немного потеплели, а застывшее лицо вернулось к жизни.

— А в чём конкретно проблема? — спросил Дэвид.

— Это личное. Я бы предпочла это не обсуждать.

— Делать ей нечего, вот в чём проблема, — высказался Джимми, отодвигаясь от стола, чтобы дать себе больше пространства. — Ей нужна небольшая встряска. Находиться со мной двадцать четыре часа в сутки не так уж сладко, как кажется на первый взгляд.

Дэвид улыбнулся уголком рта.

— Ей стало скучно? — Энн, которая сидела через три места от моего стула, пристально смотрела на меня. — Скуку мы можем исправить.

И насчёт всего этого у меня было плохое предчувствие.

— Ребята, это моё личное решение, а не групповой проект. Спасибо за заботу, но...

— Нет, Тыковка, — Мал посмотрел на меня поверх бокала красного вина, который он держал. — Сдаётся мне, ей не столько скучно, сколько нужен дружок. Особенный дружок, если понимаешь, о чём я.

— Уверена, что для вас, парней, это решение всех проблем, — рассмеялась Эв.

— Эй! Но-но. Все нуждаются в ком-то особенном для перепиха и обнимашек. В этом нет ничего постыдного, — ответил Мал, не обратив внимания на прозвучавший резкий вздох Джен, поражённой его словами. Что интересно, Энн при этом явно не выглядела обеспокоенной. — И Лене нужен кто-то, но не Джимми, по очевидным причинам.

В конце стола Дэвид сел на своё место.

— Почему не Джим?

— Потому что она у меня работает? — встрял мой босс, дёргая воротник рубашки. Кажется, самому быть темой для разговора ему нравилось намного меньше, чем отдать меня на съедение волкам. Вот не повезло, бедняжка.

— Дэйви, ну, в самом деле, — Мал продолжал разговор, не отвечая Джимми, словно тот ничего не говорил. — Включи мозги и подумай. Все, с кем он когда-нибудь переспал, заканчивали тем, что начинали ненавидеть его.

— Неправда, — сказал Джимми.

— Нет? Назови хотя бы одну женщину, с которой у тебя был секс, и которая всё ещё с тобой разговаривает.

Время шло, но Джимми не спешил отвечать. И никто не приходил к нему на помощь.

— Видишь, о чём я. Тебя не заботят последствия. И вот результат! — Мал повернулся к Дэвиду. — У него даже не хватает вежливости сделать вид, будто он заинтересован в последующих встречах. Он не берёт ни номера телефона, ни чего-то другого. Это попросту грубо.

— Это просто ужасно, — сказала я, безумно довольная собой. Только благодаря божьей помощи в этот раз мне удалось избежать встречи с сапогом Джимми. Он промахнулся, попав по ножке моего стула. А я лишь одним взглядом насмеялась над ним.

— И ты! — Мал ткнул пальцем в мою сторону. — Ты всегда дрючишь его. Просто не можешь удержаться. Сейчас у вас двоих мелкие перепалки, что мило, забавно, и все мы можем смеяться над этим за вашими спинами. Но, Дэйви, блин. Только представь, что будет, если они действительно начнут спать вместе. Да мы бы каждые праздники только и выслушивали, как они цапаются и ругаются за столом, устраивая сцены. Так не пойдёт.

У меня отвисла челюсть.

— Что бы ни случилось, вы оба не смейте трахаться. Я хочу, чтобы вы дали слово, — Мал ещё раз потыкал пальцем, теперь уже покачивая им. — Если вы это сделаете, то жизнь для всех нас станет невыносимой.

Мама Энн вскочила и выбежала из-за стола.

— Я вообще когда-нибудь говорил, что мы с Леной будем вместе? — Джимми с длинным стоном посмотрел вверх в поисках помощи. — Кто-нибудь заткните его. Пристрелите его. Или сделайте что-нибудь, что угодно.

Бен почесал голову.

— Лена и Джим много ругаются.

Дэвид и Эв находились просто в лёгком недоумении.

— Постойте-ка, так мне стоит уйти или остаться? — спросила я. — Никак не пойму.

— О, ты просто не можешь уйти, — продолжил Мал. — Кто-нибудь знает, когда у Джимми в последнее время был друг, кроме нас, которого он не использовал бы в своих целях или для своего удовлетворения, хм-м?

Спустя какое-то время Дэвид отрицательно покачал головой.

— Честно, не могу припомнить.

— Может, в школе? — вставил Бен. — Он дружил с тем парнем, который был нашим роуди (прим. перев. — администратор группы) в выпускном классе.

— Боже, вы правы! — воскликнула Эв. Её глаза светились от какого-то воодушевления. — Лена — его единственный друг. Мы не можем дать ей просто уйти.

— Она не единственный мой друг, — щёки Джимми залились краской.

— Помолчи, Джимми, — приказал Мал. — Взрослые разговаривают.

— Но я и не уверен, что свести их вместе будет хорошей идеей, — сказал Бен.

— А может вам с Малом не стоит совать нос в чужие отношения? — Дэвид закинул руку на плечо Эв.

— Какие пары не ругаются? — спросила Энн.

— Но она же провоцирует его, Тыковка, — заметил Мал. — Я сам видел. Ей кажется забавным тормозить его. Что же она за человек такой? — его глаза блестели от любопытства.

Я выпрямилась.

— Ладно. Я думаю, что этот разговор пора заканчивать.

— А знаешь, во втором классе была одна девчонка, которая постоянно со мной препиралась. Но каждый раз, когда мы играли в догонялки на поцелуи, она сломя голову мчалась за мной, — Мал повернулся к Энн. — Не переживай, Тыковка. Я был быстрым. Ей так и не удалось меня поймать.

— Какое облегчение, — улыбнулась Энн.

— Тогда я немного побаивался девчонок, думая, что могу подхватить какую-то заразу. Но Лена с Джимми напоминают мне ту девочку. Я рассказывал тебе о том, что Дэйви как-то застал их катающимися по полу?

— Это было только профессиональное вмешательство, — уточнила я.

— Джим, чисто из любопытства, как много вмешательств со стороны Лены доходило до физического контакта? Замечал ли ты, что она частенько находит поводы, чтобы, так сказать, применить силу?

— Ничего подобного, — вспыхнула я, повысив голос.

— Только поглядите, как она взбесилась, когда я попытался узнать об этом побольше, — сказал Мал. — Поэтому ты и думаешь об увольнении, так? Может, из-за того, что боишься сильно к нему привязаться?

— Мал, хватит, — вмешалась Энн. — Оставь девушку в покое.

Внутри меня закипал гнев, обжигая своими горячими волнами. Моё терпение подошло к концу. Я вскочила на ноги, оттолкнув назад свой стул.

— Ты вообще не имеешь понятия, о чём говоришь.

— Ради всего, мать твою, святого, — Джимми встал и потянулся через стол, чтобы схватить моё запястье. — Лена, успокойся.

— Но...

— Успокойся, — повторил Джимми. — Он дурачится.

Я фыркнула.

— Ага, — ответил Мал. — Угомони свою подружку, Джимми.

— Мал, — Джимми посмотрел на хозяина квартиры взглядом, наполненным огромным недовольством. Он успокаивающе поглаживал моё запястье своим большим пальцем туда-сюда. Сомневаюсь, что он вообще понимал, что сейчас делает и как это выглядит. — Я серьезно. Это же День Благодарения, хватит этой хрени, — он повернулся ко мне. — Хорошо?

Всё желание ругаться испарилось. Как это ни странно, но я была совсем немного раздражена, поскольку его утешение уже сработало.

— Да.

Мал больше ничего не сказал. Но он смотрел на руку Джимми на моём запястье с самодовольной улыбкой. Чёрт, барабанщик нас разыгрывал.

К сожалению, его внимание заставило Джимми посмотреть вниз, на наши руки. Хмурый и недоумённый вид Джимми, когда до него дошло, что он всё ещё гладит моё запястье, был для меня поистине впечатляющим зрелищем. Как будто его пальцы были чужими и принадлежали кому-то другому, не ему. Я вырвала руку, перейдя от болтовни к делу, и села на своё место.

Сколько в этой комнате было всего интересного. А парень напротив меня и выражение его лица, каким бы прекрасным оно не было, меня совершенно не волновали. К примеру, Энн потирала виски. Если бы мой парень был таким же сумасшедшим, как Мал, то я бы тоже, скорее всего, так делала. Тем временем Лиззи копалась в своём телефоне, пока Джен садилась обратно за стол. Эв, Дэвид и Бен до сих пор обсуждали вероятность того, что мы с Джимми станем парой. Чудесно, этот ужин официально отправился ко всем чертям. И никакие тыквенные пироги не могли это исправить. А всему виной Джимми, решивший поднять эту тему в самом, чтоб его, начале ужина.

— Так. Ну-ка, все заткнулись, — Джимми стукнул кулаком по столу, прерывая разговоры, заставив зазвенеть на столе посуду. — Лена не увольняется, мы не трахаемся и не делаем ничего в таком духе, так что все вы просто... от***итесь.

Некоторое время все молчали.

Мал с невозмутимым лицом откинулся на спинку стула.

— Так из-за чего тогда был весь этот сыр-бор, чувак?

— Господи, — Джимми потёр ладонями лицо. — Слушайте, Лена подумывает об уходе. Но у меня есть идея, как заставить её остаться. Вообще-то, пригодилась бы ваша помощь, народ. Если бы только за весь вечер, хотя бы одну грёбаную минуту, нам удавалось вести себя адекватно.

Я была так напугана, что могла задохнуться от страха.

— Джимми.

— Ей действительно нужно почаще выбираться из дома. Встречаться с людьми. Общаться, — сказал он. — Поэтому... Бенни, ты же сводишь Лену на свидание, да?

— Что? — мой мозг отключился.

— Замечательная идея, — завопила Эв, в то время как Дэвид кивнул в знак согласия.

Бен одарил меня широкой любезной улыбкой.

— Конечно, Джим. С удовольствием.

— Хорошо, — сказал Джимми, твёрдо игнорируя мои попытки привлечь его внимание. — Но не завтра, на завтрашний вечер есть планы. Послезавтра.

— Не вопрос, — ответил Бен.

— Круто. Куда вы пойдёте?

— Эй! — я пощёлкала пальцами перед лицом Джимми. Вышло грубовато, но зато эффективно, он взглянул на меня. — Прекрати. Я не хочу, чтобы ты сводил меня с кем-то.

— Да мне в радость, не парься.

Он снова повернулся к Бену.

— Джимми, — зарычала я, предостерегая его.

Окружающие старательно переводили глаза с меня на него и обратно, увлечённые происходящим. Сколько всего произошло в столь хороший праздник Дня Благодарения, а теперь всё быстро превращалось в войну.

— Так мы делаем это или нет, Лена? Ты сказала, что попытаешься. Теперь что, идёшь на попятную?

Ох уж это чувство вины. Какой он всё же манипулирующий кусок дерьма.

— Ты меня смущаешь, — тихо сказала я.

Он наклонился ко мне и понизил голос.

— Нет, посмотри внимательнее. Эти люди вокруг — твои друзья. Никто не осудит и не подумает о тебе плохо.

— А я вот осуждаю её, — донеслись слова Мала. — Ай, Тыковка, не бей меня. Я просто говорю правду. Она не должна бросать нас... мы же лучшие.

— Лена, — сказал Бен, его тёмные глаза излучали тепло. — Всё в порядке, правда. Я с удовольствием схожу на свидание с тобой. Что скажешь?

Джимми терпеливо смотрел на меня. Как и все остальные. Кажется, здесь не было скрытого умысла. Он просто хотел, чтобы поступили согласно его желанию. Мне пришлось согласиться с его планом из четырёх шагов, это так. Но, если мне не изменяет память, участие в вечерних развлечениях ни разу не упоминалось. Мне придётся пойти на свидание, хотя Бен Николсон был для этого далеко не самым плохим вариантом. Он привлекателен, мог поддержать разговор, богат как королева Англии. И относился к типу парней «упакуйте и заверните», к тому же он сам хотел пойти со мной на свидание.

Что всегда приветствовалось.

В худшем случае это окажется просто приятный вечер в компании друга. А в лучшем — мои чувства чудесным образом отстанут от Джимми и перейдут на кого-то, кто (какой ужас) на самом деле их захочет. Беспроигрышная ситуация.

— Возможно, я готова к новым отношениям, — сказала я, развернув плечи и выставив грудь. Незачем долго колебаться. Кто не рискует, тот не пьёт шампанское и всё такое. — Но я и сама могу сейчас об этом позаботиться, — я развернулась к бас-гитаристу. — Бен, как ты смотришь на то, чтобы поужинать со мной?

— С радостью, — сказал он с улыбкой.

— Здорово. Тогда, ладно.

Это оказалось совсем не сложно.

— Вот и славно, — продолжил Джимми с менее надменным видом. Он смял свою салфетку и бросил на стол. — Бен, куда ты её поведёшь?

Приоткрыв рот, бас-гитарист начал над этим раздумывать.

— Э-э, как насчёт спорт-бара? «Аллэна»?

— Ей не нравится спорт, и не скупись. Это же Лена, ты должен отвести её в хорошее место. Спокойное, но хорошее. Главное, создать правильную атмосферу.

Святые угодники. Я тихо сползла со стула.

— Спасибо тебе, Джимми, за беспокойство. Но мы с Беном можем обсудить это позже. Наедине.

— Всё нормально. Что бы другое придумать... — Бен почесал свою короткую бороду. — А японский ресторан, куда мы иногда ходим?

— Нет, — сказал Джимми. — Не совсем то.

— Ну, тогда что ты можешь предложить? — спросил Бен, в его глазах искрились смешинки.

— А давай я забронирую вам столик в одном из ресторанов в центре города?

— Идёт, — ответил Бен. — Спасибо, Джим. Лена, с нетерпением жду нашей встречи и субботу. Я заеду за тобой в восемь.

— Договорились.

От улыбки моё лицо онемело, я его почти не чувствовала.

С похожим выражением лица, мне натянуто улыбнулась Лиззи. Это чувство мне знакомо. Индейка и клюквенный соус, словно свинец, осели в моём животе.

— Ты тоже с нетерпением ждёшь этого. Да, Лена?

Кажется, улыбка Джимми немного дрогнула. Хотя, это могла быть всего лишь игра моего воображения.

Моя же улыбка оставалась странной, словно её приклеили к лицу.

— Да. Конечно.

— Лови.

На мои колени упала десертная ложка.

— Может, уже перестанешь бросать в меня вещи? И так паршиво из-за, что так начинается каждое моё утро.

День Благодарения проходил тихо, в доме были только мы. Утром я позвонила маме и папе и долго с ними разговаривала. Затем мы с Джимми отправились на встречу анонимных алкоголиков. Точнее, отправился Джимми. Я же сидела снаружи в коридоре, потягивая кофе из чашечки. Вышел он в спокойном состоянии и нормальном настроении, что всегда было хорошим знаком.

— Ты жуткая соня. Мне приходится как-то тебя тормозить, — ответил Джимми. — Кстати, сегодня ты чуть лучше справилась с пробежкой.

— Спасибо, — проворчала я, слегка успокоившись. Похвалу от него не часто можно было услышать. Хотя совсем недавно он назвал меня симпатичной. Так что, может быть, подобные речи я буду слышать чаще.

— Ага, у тебя всего два раза сбилось дыхание. Прогресс на лицо.

А, может быть, и нет.

— Здорово. Спасибо за похвалу.

— Подвинься, из-за тебя прогибается диван.

Джимми сел со мной рядом, потеснив меня. В руках у него было ведёрко мороженого и ещё одна ложка.

— Что ты делаешь?

— Расценивай это как терапию, направленную на выработку рефлекса отвращения. Вот, держи.

Он передал мне лакомство. Французское мороженое со вкусом ванили, перемешанное с шоколадной стружкой. О да, чёрт возьми! У меня потекли слюнки.

— Вкуснятина. Если ты продолжишь скармливать мне мороженое, то в ближайшее время я вряд ли начну испытывать к тебе отвращение.

Он включил телевизор. На экране пролетели птицы над водой, и появились живописные кадры длинной извилистой реки на фоне заката. Знакомо, и в то же время неожиданно.

— Мы смотрим «Дневник памяти»? — промямлила я ртом, набитым мороженым со вкусом небесного блаженства. — Серьезно?

— Разговор о моих недостатках прошёл не очень хорошо. Я подумал, что нужно попробовать ещё раз.

Он откинулся на спинку дивана.

— В статье говорилось, что тебе следует больше времени проводить с подружками, смотреть сопливые фильмы и есть мороженое, перемывать мне косточки и делать прочую ерунду. Но я знаю свои недостатки круче, чем кто-либо. Так что, вот мы и здесь.

Он замолчал.

— Или ты хочешь, чтобы я позвал к тебе девчонок?

— Нет, не нужно.

Я проглотила ещё немного небесного лакомства из молока и шоколадной крошки. На самом деле, мы уже давно зависали вместе с ним по вечерам перед телевизором. Это было удобно. К тому же, могло показаться немного лицемерным или жалким с моей стороны внезапно принять предложение Эв о ночёвке, после того, как Джимми всем разболтал, что мне в жизни чего-то не хватает.

— Ты говорил, что ты ни на чём не играешь, но, кажется, я недавно слышала гитару.

— Я говорил, что играю не так хорошо, как остальные. А не то, что я не играю вовсе.

— Ты пишешь песни? — спросила я.

— Для группы? Нет. Все тексты пишет Дэйви.

— А для себя?

— Да, Лена.

Он прерывисто рассмеялся. Он взял ложку, зачерпнул мороженое и воткнул обратно.

— Я пишу для себя песни о том, насколько я горяч. Вот такой я самовлюбленный.

Я наклонила голову набок, внимательно разглядывая его. Ни за что бы в это не поверила.

— Тебя задела мои слова.

Он усмехнулся.

— Мне как-то побоку.

Некоторое время он молча смотрел телевизор, а я смотрела на него. Джимми мог расстроиться, может быть. Просто я не думала, что он так отреагирует на моё выказывание в свой адрес. Чтобы уложить в голове то, что его действительно интересует моё мнение, потребовалось некоторое время. Умом я понимала, что эмоций у него больше, чем у кирпича, но видеть их проявление было совсем другое дело. До похорон Лори этого попросту не происходило. Джимми был как Супермен: от него пули отскакивали, не то что эмоции. У эмоций не было ни малейшего шанса. Но в последнее время...

Мне стоило вести себя осторожнее. Он не такой сильный, как кажется.

— Прости меня, — сказала я.

Он странно посмотрел на меня.

— За что?

— За то, что назвала тебя самовлюбленным.

— Повторю: мне насрать, — отчеканил он. — Я же прямо сказал, что я тщеславен, не так ли?

Точно, нет у него никаких глубоких чувств. Мой косяк. Он был настолько холодным и сдержанным, что у меня аж зубы закричали. Хотя, если подумать, то это было вполне логично. Отчасти из-за его матери, и отчасти из-за того, что с четырнадцати или пятнадцати лет он скрывал, что употреблял алкоголь и наркотики. Такое поведение могло послужить причиной появления характера затворника. Для того, чтобы это понять, мне не нужно было пользоваться Гуглом.

— Я тут посмотрел значение слова «самовлюблённый», — сказал он, чуть ли не читая мои мысли. — Не думаю, что мне грозит зависание перед зеркалом целыми днями напролёт. Как по мне, случайно заглянув в него без особой надобности, ничего, кроме своих недостатков, ты там не увидишь. И, может, то, что я слегка тщеславен, не такой уж большой недостаток.

— Лично я вижу не только недостатки.

— Но ты от этого не становишься счастливее. Не вижу в этом никакого смысла.

Я нахмурилась.

Мы продолжили смотреть фильм. Больше не было сказано ни слова.

Я отдала ему ведёрко с мороженым, прежде чем успела полностью слопать всё его треклятое содержимое.

— А знаешь, я не уверена, что ты-таки самовлюблённый. Кажется, я сильно заблуждалась на твой счёт.

Джимми вопросительно посмотрел на меня.

— Я думала над твоими словами о том, что внешность для тебя как инструмент. И да, я решила, что твой внешний вид всего лишь та часть твоей жизни, которую ты привык контролировать лучше всего.

Он только покачал головой.

— Лена, хватит популярной психологии, ладно? Это для твоего же блага.

Возможно, здесь он был прав. Психология никогда не была моей сильной стороной.

— Хорошо, тогда давай сменим тему. Расскажи мне о своих песнях.

— Я не говорил, что написал хотя бы одну.

— Но ты и не говорил, что не писал их вовсе.

— Я просто вокалист, Лена. И всё.

— Ты играешь на гитаре. Я недавно слышала тебя внизу.

— Боже, ну ты и раздражаешь.

Он воткнул ложку в мороженое и зачерпнул ещё немного шоколадной вкуснятины.

— Я учился играть, довольна? Не более того. Не хочу об этом говорить.

— Дэвид в курсе?

— Нет.

Его глаза вспыхнули.

— И не смей ничего ему говорить.

— Даю слово.

Моё поспешное согласие, казалось, его успокоило. С тяжёлым вздохом он откинулся на спинку дивана. Мышцы его челюстей неоднократно напрягались, будто он скрипел зубами.

— Мы должны были перебивать мне косточки или вроде того.

Я застонала.

— А мы никак не можем просто отдохнуть? Постоянные утренние пробежки и эта программа по нейтрализации чувств так утомляют меня. О тебе вовсе не так интересно говорить, как ты думаешь.

Он улыбнулся мне своей не-совсем-улыбкой.

— Я не возражаю.

Я забрала у него мороженое. Оно было слишком вкусным. Подайте на меня в суд.

— Нам действительно нужно это смотреть?

Джимми наморщил нос с выражением явного пренебрежения. До чего же мило это у него выглядело.

— Это была твоя замечательная идея, — улыбнулась я в ответ. — Какие ещё фильмы у тебя есть?

— «Титаник», «Тельма и Луиза» и «Мой парень — псих».

— Интересная коллекция. Давай «Тельма и Луиза», мне кажется, он тебе больше понравится. Там счастливый конец, поднимающий настроение.

— Считаю, готово.

Он повозился с пультом и с огромного экрана зазвучал сексуальный голос Брэда Питта. Какой замечательный фильм. Но Брэд Питт действительно был превосходным экземпляром мужественности.

— О, Повелитель Пульта, не мог бы ты перемотать на начало? Потому как это уже середина фильма. Пожалуйста.

Он так и сделал.

— С блондинами всегда веселей, это все знают, — высказалась я. — Ты никогда не думал осветлить волосы?

Джимми бросил на меня раздражённый взгляд.

— А, может, мне стоит стать блондой, — вслух подумала я.

— Нет, не стоит, — резко бросил он с выражением беспокойства на лице. — То есть, ты и так прекрасна. Я несколько дней твердил тебе об этом.

Он забрал к себе ведёрко, и воткнул в мороженое ложку.

— А ты не слушала.

Ха-х.

— Наверно, я думала, что ты просто показывал своё доброе отношение ко мне.

С моей ложки на джинсы капнуло растаявшее мороженое. Я собрала его пальцем и слизнула. Вот именно из-за этого у меня не могло быть хороших вещей.

Я подняла глаза и обнаружила, что Джимми уставился на мой рот. Его губы были слегка приоткрыты, а взгляд затуманен. Я замерла.

Не может быть.

Он не мог думать обо мне в таком ключе. Невозможно. Но вот же доказательство перед моими глазами, говорящее мне об обратном. В моём животе скрутился и затянулся узел, а по венам в миг разлился трепетный жар. Вот так просто, он взял и нажал на выключатель, мгновенно заведя меня. Не думаю, что он отдавал себе отчёт в том, что творит.

— Джимми?

Он перевёл взгляд с губ на глаза и нахмурился.

— Я не добрый. И я не бросаю пустых слов на ветер. Хватит напрашиваться на

комплименты, если не хочешь в них верить. Это трата моего времени.

Довольно любопытный и быстрый ответ, даже для него.

— Спасибо, — ответила я. — Очень мило с твоей стороны... и странно.

Он смотрел фильм, ничего не говоря мне в ответ.

— Знаешь, если всё закончится тем, что я всё же уволюсь, — сказала я, — то мы всё равно сможем проводить время вместе. Я никуда от тебя не исчезну.

Он бросил свою ложку на кофейный столик, она упала с громким звоном.

— Джимми?

Мои слова подразумевали утешение. Очевидно, он воспринял их совершенно иначе.

— Возвращаясь к твоим словам. Я был на обложках, наверное, сотен журналов. Не знаю точно, скольких, не считал. Был награждён стопкой платиновых дисков и нажил состояние в размере около шестидесяти двух миллионов, — сказал он ровным и недружелюбным тоном. — Напортачил с продвижением некоторых музыкальных продуктов и с частью турне из-за наркотиков, иначе было бы больше. Этот дом — мой, и у меня есть ещё один в ЛА. Там я храню свою коллекцию машин. К тому же, у меня есть несколько подлинников картин, которые мне нравятся.

— Впечатляет. А у меня около четырёх кусков на депозите в банке. Часы всего лишь копия, и стоят они всего ничего.

Я потянула за рукав свитера, чтобы прикрыть им несчастное испачканное место.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь?

— Затем, что после моего последнего передоза Дэвид дал ясно понять: либо я лечусь от своей зависимости, либо со мной всё кончено. Мне больше не будет места ни в группе, ни в его жизни. И что с него достаточно. С них всех достаточно.

Он закинул руки на спинку дивана, поглаживая пальцами кожаную обивку. Со стороны это выглядело как расслабленная поза, но в реальности всё было совсем не так.

Я догадалась об этом из сказанного в Кер-д'Алене, но всё-таки, было тяжело принять услышанное. Эти парни были для него целым миром, они были для него всем. Даже не представляю, как он себя чувствовал. Вне зависимости от того, как сильно он накосячил. Хотя и не отрицаю, что дров он наломал немало. Но факты оставались фактами. Его мать ранила и бросила его, отец подвёл его, а брат и лучшие друзья угрожали вышвырнуть из группы. Теперь ещё и я со своими разговорами об увольнении. Какими бы ни были наши отношения, но в последние несколько месяцев я была большей частью его жизни, которая, скорее всего, ему нравилась, но по-своему.

Моё желание уйти должно было вызвать соответствующую реакцию у него.

— Поэтому я вылезился, — сказал он. — Оборвал связи со всеми в ЛА, с любым, кто когда-то имел ко мне какое-либо отношение. Переехал сюда и начал всё заново. Мой брат и группа сильно меня поддерживали. И я понимаю, почему они были готовы отвернуться от меня. Правда, понимаю. Не скажу, что тогда, да и сейчас, я на это не обижался. Но я сам подтолкнул их к этому.

— Джимми...

— Просто выслушай.

Он не сводил своих холодных жёстких глаз с моего лица.

— Если ты уйдёшь, то я не развалюсь на части. Я начну привыкать к новой жизни. Знай об этом. Сейчас я не пытаюсь тебя шантажировать. Просто хочу кое-что прояснить. Прошлым вечером парни были правы насчёт того, что, помимо них, ты мой единственный

друг. Пусть нам не часто удаётся ладить, но, всё-таки, я считаю тебя другом.

Он оторвал руки от спинки дивана, сцепил пальцы на затылке, а потом резко провёл ладонями вниз по тёмным прядям волос.

— Ты друг, за общение с которым мне, так уж получилось, приходится платить. Это охрененно ненормально и жалко, но факт остаётся фактом.

— Я всё ещё смогу быть твоим другом. Я бы хотела им остаться.

Джимми ещё раз провёл по волосам.

— Это будет не то же самое.

Я отрыла рот, но не знала, что сказать. Он был прав, это будет не то же самое. Я больше не буду каждый день видеть его и разговаривать с ним. Не буду проводить почти каждый вечер в его компании. Эта часть моей жизни, время, проведённое с ним, превратятся в воспоминания. Не выразить словами, как сильно грустно мне было от этого. Я еле сдерживалась. Ещё чуть-чуть, и я бы взорвалась, разукрасив его аккуратную минималистскую гостиную цветами сплошного комка из эмоций и чувств, именуемого Леной.

Блин, как бы он тогда взбесился.

Мой дурацкий язык довольно долго оставался неподвижным.

— Даже не знаю, что тебе ответить.

— А я интересовался твоим мнением? — отрезал он. — Нет.

— Эй, — зарычала я предостерегающе. — Следи за своим языком.

Он отвернулся, его желваки ходили ходуном.

На экране что-то происходило, но это было не важно.

— Лена, это всё я говорю к тому, что список важен. И он не сработает, если ты не поверишь в его эффективность. Поэтому не говори, что мы сможем остаться друзьями после твоего ухода, ладно? Просто... следуй ему.

Я глубоко вздохнула, глядя на его разъярённое лицо. Как только дело доходило до эмоций и сердца, сразу всё становилось ужасно сложным и запутанным. Не уверена, что помню, когда именно это случилось впервые. Наверное, ещё в подростковые годы, когда парни стали интересоваться мной больше, чем пони и блёсточки.

Иногда чертовски сожалею о том, что такое вообще произошло.

— Ладно, я буду следовать ему, — сказала я единственный ответ, который могла сказать.

— Вот и отлично.

Он откинулся назад, скрестил руки на груди, по всей видимости, удовлетворённый моим ответом.

Но уже тогда я знала, что список не сработает.

— Ты пойдёшь в этом?

Джимми стоял в самом низу лестницы, держась за перила, оглядывая меня снисходительным взглядом. Сам он был в чёрном костюме и белой рубашке — безукоризненно классический и очень дорогой наряд. Готова поспорить, стоил этот прикид куда больше моей месячной зарплаты. Конечно, этот парень был такой выпендрожник, но именно к нему мои гормоны были равнодушны. Стоило ли обвинять в этом мои женские прелести? Конечно, почему бы и нет.

— Да, я пойду в этом, — твёрдо ответила я. — В чём проблема?

— Да так, ни в чём.

При первой же возможности я напишу Санте письмо и на ближайшее Рождество попрошу у него в подарок способность читать мысли людей. Не всех, а только одного человека, Джимми. Хотя сомневаюсь, что мне понравятся его мысли.

— Что не так с моей одеждой?

Он ещё раз окинул взглядом мою белую, свободного покроя блузку в чёрный горошек, чёрные легинсы и сапоги.

— Ничего. Просто... интересный выбор.

— Это мой выбор. Он мне нравится.

— Конечно, он не плох. Просто подумал, что ты могла бы принарядиться.

— Мы же просто идём ужинать в центр. Что подразумевает непринуждённость.

Я поправила очки. В чёрной оправе, вот так-то, Джимми, которую я выбрала под цвет одежды. К тому же я кропотливо нанесла макияж и даже выпрямила свои длинные густые каштановые волосы, которые были предметом моей истинной гордости и радости в жизни. Но Джимми, казалось, был совершенно не впечатлён. Это и неудивительно, мне с трудом верилось, что от него можно дожидаться скупых комплиментов, когда каждый божий день он смотрел на меня свысока.

— И ты выглядишь непринуждённо.

Он покрутил на пальце ключи от машины.

— Ой, замолкни уже. А сам-то ты куда собрался? — спросила я. — Ты вроде как говорил, что останешься сегодня дома.

— Я тебя подвезу, — сказал он. — Я сказал Бену, что ты встретишься с ним сразу в ресторане.

— Что? Почему?

— Ему не нужно тебя забирать отсюда, так как я всё равно еду в ту сторону.

Он взял моё красное пальто и придержал, чтобы я могла надеть его. Типичный пример двойственности его поведения. Сначала он запутывает и оскорбляет меня, а через минуту ведёт себя как идеальный безупречный джентльмен.

— Спасибо, — сказала я. — Ты в гости к Дэвиду и Эв?

— М-хм.

— Что ж, отлично, тебе будет с кем провести вечер.

Он кивнул и пошёл первым по лестнице, ведущей к гаражу. В передней части цокольного этажа располагалась новая недавно сделанная студия, представляющая собой

большое помещение, загромождённое дорогостоящим оборудованием и музыкальными инструментами. А в дальней части был гараж, в котором стояли две машины. В неярком свете поблёскивал чёрный хромированный «Плимут Барракуда» 1971 года [двухдверный автомобиль производства Plymouth — прим.]. Я всегда хотела украсть у Джимми ключи и прокатиться на нём. Но, как всегда, он направился к последней модели «Мерседеса». Очень разумный выбор для этого времени года.

Всю дорогу мы молчали. На улице моросил мелкий дождик. Вместо того чтобы остановиться у ресторана, Джимми завернул за угол и припарковался на первом свободном пятачке.

— Ты разве не собираешься просто меня высадить? — спросила я, доставая зонтик.

— Я проведу тебя внутрь. Поздоровуюсь с Беном.

— Ну, хорошо.

Мы прижались друг к дружке, одной рукой Джимми придерживал меня за спину, а второй помогал держать зонт под порывами сильного ветра. Ресторан специализировался на азиатско-французской кухне и выглядел довольно причудливо. Внутри стояло много резных деревянных стульев и столиков, а стены украшали ленты красного шёлка. В антикварном зеркале отлично отражались мои теперь уже влажные выющиеся волосы. Ну что ж, я хотя бы пыталась. Зачёсанные назад волосы Джимми, естественно, до сих пор выглядели идеально. Сомневаюсь, что Матушка Природа, собрав всю свою волю в кулак, посмела бы испортить его внешний вид. В конце концов, она ведь столько усилий приложила, чтобы сделать его совершенством.

Бен сидел за угловым столиком, он встал и помахал нам. Что интересно, его улыбка стала ещё шире, когда он увидел рядом со мной своего друга по группе. Я кивнула шикарной татуированной блондинке на ресепшене и стала пробираться через лабиринт из жующих людей. На горизонте вечерних платьев не наблюдалось, значит, оделась я нормально.

— Привет, Джим. Не знал, что ты к нам присоединишься, — здоровяк Бен улыбнулся мне. — Лена, отпадно выглядишь.

— Ой, ну что ты. Спасибки, Бен, — сказала я. — Ты тоже ничего.

Он наклонился, видимо, чтобы поцеловать меня в щёку. Мне пришлось вытянуть шею и встать на носочки, балансируя, чтобы не свалиться, а Бену — согнуться, наклоняясь ещё ниже. Без этого было никак не дотянуться. Мало того, что мой рост был совсем немного выше среднего, так ещё и Бен был чертовски высоким.

— Рад тебя видеть, Бен.

Между мной и Беном молниеносно возникла рука Джимми, сбивая меня с ног. Но не успела я упасть, как Джимми схватил меня за локоть, удерживая в вертикальном положении.

— Ага, Джим, — Бен крепко пожал ему руку. — Взаимно.

— Он всего лишь подвёз меня и решил зайти поздороваться, — уточнила я. — Что он, собственно, и сделал.

— Вообще-то у меня есть время, чтобы выпить, — Джимми поднял руку и к нему подошёл официант. — Содовую для меня и джин-тоник для неё. Спасибо.

Официант кивнул и удалился выполнять заказ. На столике возле Бена уже стояла бутылка пива «Бад».

Садясь, я бросила взгляд на Джимми. И мой взгляд был не самым радостным.

— Что? Ты хотела заказать что-то другое? — не дожидаясь моего ответа, он утащил свободный стул от ближайшего столика. Не заморачиваясь, чтобы развернуть его лицом, он

уселся на стул задом наперёд, положив руки на его высокую спинку. Всем своим видом Джимми показывал, что готов к грёбаной фотосессии. В этом был весь он — ходячее совершенство, от которого у меня напрочь срывало крышу. Если бы он был больше похож на нас, маленьких людишек, неуклюжих и неспособных. Но нет же.

— Я в курсе, что иногда ты употребляешь алкоголь, Лена, — сказал он. — В этом нет ничего такого.

— Я могла обойтись просто водой.

Приложив некоторые усилия, я убрала с лица хмурое выражение.

— Откуда ты вообще знаешь, что я пью? Находясь рядом с тобой, я не пила. Ни разу.

Осознание того, через что прошёл Джимми, преодолевая свои зависимости, хватило, чтобы я не вела себя столь же безрассудно. К тому же, не стоило забывать об уважении, поддержке, солидарности и других подобных вещах.

— Заметил на второй свадьбе Дэвида и Эв, — ответил он.

Это было тогда, когда парочка решила снова связать себя узами брака после первой регистрации и полугода совместной жизни. Довольно неординарное решение, гораздо причудливее, чем можно себе представить. На тот момент я работала у Джимми месяц или около того.

— Я около часа говорил с Беном на балконе, ты была внутри, — продолжил он. — Думаю, мимо проходил официант, потому что несколько позже я увидел, как ты потягиваешь джин-тоник. К тому моменту, как я вернулся, его уже не было.

— Как ты вообще заметил это, не говоря уже о том, чтобы ещё и запомнить? — спросила я. — Даже не знаю, обрадоваться такому вниманию или испугаться.

— Ни то, ни другое, — своим коронным жестом он вздёрнул подбородок. — Меня зовут Джимми Феррис, и я алкоголик. Я знаю, что пьёт Бен. Знаю, что пьёшь ты. Я даже не знаю как выглядят девять человек, сидящие через три стола от нас. Но могу сказать, что в стаканах у каждого.

— Чёрта с два ты такое можешь, — заметил Бен.

Джимми мрачно усмехнулся, сел ровнее и наклонил голову ближе к Бену, дабы показать, что не смотрит по сторонам.

— Столик с девушками слева от меня. Две «Текила санрайз», один «Лонг Айлэнд айс ти». И один-несчастный-стакан с простым апельсиновым соком, наверное, эта девица сегодня в роли трезвого водителя. Узнать, что пьёт пара позади меня, вообще просто, перед ними до сих пор стоит по бутылке. Пиво «Портер».

— Теперь перейдём к правой стороне — кто-то из сидящих пьёт залпом пиво, определить это не составит труда. Но вот что у двух других? Шоты. С янтарной жидкостью, но не совсем. Без пузырьков. Без льда. Подсказка, детки, это высокие стаканы с водой. Они пьют, как тому полагается, добавляя всего чуть-чуть воды, чтобы вернуть запах скотча. Из своего прошлого опыта могу сказать, что скотч здесь лучший из лучших. Предположу, что это «Блю Лейбл Джонни Уокер», — он пожал плечами. — Если только они не любители виски без примесей, в таком случае я без понятия.

— Твою ж дивизию, чувак, — сказал Бен, — тебя бы по телику показывать.

— Меня и так по нему крутят, придурок.

— Не стоило мне приходить с тобой сюда, — сказала я. — Ты выпивал здесь раньше. Это место для тебя как спусковой крючок.

Джимми усмехнулся и широко раскинул руки.

— Весь мир для меня — это сплошной спусковой крючок.

— Джимми, я серьёзно. Тебе стоит уйти.

— Рано ещё.

— Он мне не доверяет, думает, я буду плохо с тобой обращаться, — заметил Бен, положив телефон на стол.

Я нахмурилась.

— Ну, уж это совсем ни в какие ворота.

Джимми холодно посмотрел на меня.

— Я люблю Бена как брата, но знаю его так чертовски долго. Без обид, ладно, Бен?

— Всё пучком.

Телефон Бена зажужжал, извещая о сообщении. Он поднял телефон со стола и провёл пальцем по экрану, чтобы прочесть содержимое.

Спокойный, как удав, Джимми протянул руку и заехал Бену по затылку, как какому-то непослушному подростку.

— Мать твою, не веди себя так грубо. Ты ужинаешь с Леной, убери телефон.

— Я жду кое-какие новости, так что сгинь, — Бен сделал глоток пива и подмигнул мне. — Ну, так что, Лена. О чём поговорим?

— Боже, — простонал Джимми. — Хочешь спихнуть всю работу на неё? Серьезно?

Убейте меня на месте.

— В последнее время тебе попадались хорошие фильмы? — тут же спросил Бен.

— Э, да. Прошлой ночью мы смотрели «Тельма и Луиза». Я видела его раньше, но он всегда хорош, сколько не пересматривай.

— Ты и Джимми смотрели его вместе?

Я кивнула.

— Да, мы часто по вечерам смотрим вместе телевизор. А ты его видел?

— Не доводилось.

— Там нет счастливой концовки, — сказал Джимми. — Это всё, о чём стоит сказать.

— На вкус и цвет фломастеры разные, — возразила я с улыбкой.

Официант принёс наши напитки. При виде Джимми у него расширились глаза, после чего он с удивлением посмотрел на Бена. Нужно отдать ему должное, он не стал раздувать проблемы из-за того, кем они были. Я заказала простую газированную воду и отодвинула джин в сторону.

— Изыскано выглядишь, Джим. Жаль, что я не подумал надеть костюм.

На Бене был красный свитер и джинсы. Ему шло. Хорошо, что к нам, неряшливым людям, снизошла божья благодать в виде обтягивающих синих джинсов. Как же аппетитно он в них выглядел. А Джимми со своей изысканностью и костюмами никогда не относился к моему типу. По сути, моё влечение к нему противоречило самим законам природы. Я могла его преодолеть. Просто нужно постараться.

Я придвинулась к столу, решив возобновить попытки завести разговор со своим кавалером. Как знать, может, у нас с Беном получится найти общий язык. Наверняка, став парой, мы бы лучше поняли друг друга.

— Ещё не помешало бы с твоей стороны додуматься подарить ей цветы, — сказал Джимми. — Это был бы приятный жест.

Бен стукнул себя по лбу.

— Ты прав. Нужно было подумать о цветах.

— Нет, не нужно. Всё в порядке, — я предостерегающе посмотрела на Джимми. Красные огоньки и сирены просто орали об опасности.

Конечно же, он это проигнорировал.

— Пришли завтра цветы на дом.

— Так и сделаю, Джим.

Мобильный, лежащий возле локтя Бена, снова зажужжал, и он украдкой посмотрел на экран.

— Извини, Лена. Но мне позарез нужно ответить.

— Чувак... — Джимми опять потянулся к Бену, но я перехватила его запястье, прежде чем он смог ударить.

— Ничего страшного, Бен, — сказала я. — Не спеши.

Джимми прищурил глаза.

— Кто это тебе пишет, Бенни?

— Никто.

Пальцы Бена были заняты набором сообщения.

— И, я так понимаю, этот «никто» куда важнее, чем вежливое отношение к Лене?

Я стиснула кулаки, да так, что ногти впились в кожу.

— Тебе разве не пора к Дэвиду и Эв, Джимми? Мы не хотим тебя задерживать.

— Да ничего. Я не сказал, во сколько буду.

Зашибись.

— Джимми, прочти между строк. Говорю открытым текстом. Тебе пора.

Он с поистине страдальческим выражением глаз посмотрел вверх.

— Неужели человеку нельзя спокойно допить содовую? Или я о многом прошу?

— Да. Уйди, пожалуйста.

— А ты ведь не против, что я побуду здесь ещё немного, да, Бенни?

— Вовсе нет, Джим. Так... Лена, — Бен наконец-то отложил телефон в сторону и поднял бутылку пива, одарив меня лёгкой улыбкой. — Смотрела вчерашнюю игру?

Со стоном Джимми провёл рукой по лицу.

— Она только что сказала тебе, что мы смотрели фильм. К тому же, она ненавидит спорт. Это катастрофа, из-за тебя она помрёт со скуки.

К одной из прелестей этого ресторана можно было отнести их маленькие столы. Я смогла запросто пнуть Джимми по голени, и для этого мне даже не пришлось тянуться.

— А это, б****, за что мне было? — проворчал он, ощупывая пострадавшую ногу. — Этот костюм сшит на заказ, Лена. Прояви хоть немного уважения.

— У-упс. Мои извинения, — солгала я, состроив моську, тем самым демонстрируя свои блестящие актерские способности. — Я что, случайно задела тебя своим сапогом?

— Нет! Ты специально стукнула меня.

Я крепко сжала губы.

— Ну, ты и сволочь. Я ведь тогда солгала и специально прикрыла тебя тем вечером перед Эв.

В порыве гнева, одним резким движением Джимми схватил салфетку и начал осторожно вытирать свои костюмные брюки. Огоньки мести поблёскивали в его гадких прекрасных, похожих на бусинки, глазёнках.

О да, малыш! Покажи, на что ты способен.

— Почему вы постоянно бьёте друг друга? — спросил Бен, прерывая горячие взгляды,

которыми мы обменивались с Джимми. — Можно поинтересоваться?

Джимми пожал плечами.

— У каждого своё хобби, Бенни.

— Ясно, — по лицу Бена можно было понять, что его всё это забавляло. Справедливости ради, нужно было отметить, что получалось не свидание, а комедия. Его телефон снова зажужжал. — Прошу прощения.

— Кажется, тебе нужно разобраться с тем, кто продолжает присылать тебе сообщения. Может, нам стоит перенести наш ужин на другой вечер, без посторонних, — я мило улыбнулась Бену. Улыбка, которая предназначалась Джимми, была далеко не такой милой.

— Нет, Джим прав. Я веду себя грубо. Я уберу его, — напоследок Бен ещё раз тоскливо посмотрел на телефон, прежде чем положить его экраном на стол. — Э... что бы нам заказать?

Нарочито взмахнув им, он передал мне меню.

— Что-нибудь тебя заинтересовало?

Джимми тихонько потягивал свою содовую. Он мог дуться или нет, я запретила себе смотреть в его сторону.

— М-м, всё выглядит таким аппетитным.

И чересчур дорогим. Я всегда платила за себя сама, но этот ужин мог привести к моему краху. Вот и доверяй Джимми в выборе самого, чёрт возьми, дорогого места в городе. Мне захотелось ещё раз пнуть его, просто так, ради развлечения.

У Бена опять зажужжал телефон, и его поднял Джимми. Его глаза полезли на лоб, когда он увидел имя отправителя.

— Едридмадрид, чувак. Тебе смерти захотелось?

— Не твоё дело.

Бен протянул руку.

Джимми положил в неё телефон.

— Точно. Тогда удачи тебе, а я прослежу, чтобы у тебя были отличные похороны.

Бен не ответил.

— Наверное, я просто закажу основное блюдо, — сказала я, прерывая то, что бы там между ними не происходило. — Не такая я голодная.

— Что такое? Не знаешь, что попробовать? — спросил Джимми, стащив у меня меню. Он, не торопясь, с ним ознакомился. — Почему бы тебе не попробовать имбирную курочку, её подают с карамельным соусом. Тебе же нравится сладкое. И... вермишель с азиатской зеленью. Гарнир подойдёт, думаю, тебе понравится.

— Я в состоянии заказать сама, спасибо, — съязвила я. — Просто я не голодна.

— Ты не ела с самого ланча. Естественно, ты проголодалась. — На его лице отразилось замешательство. — Да ладно тебе, здесь замечательный шеф-повар, иначе я бы не выбрал это место.

— Сойдёт обычный суп или типа того. Можешь, пожалуйста, вернуть мне меню?

— Нет.

— Джимми.

Он отодвинул меню от меня подальше.

— Скажи, в чём проблема.

Бен ничего не сказал и скрылся за своим меню. Трус. У нас с ним ничего не выйдет. Я никогда не смогу встречаться с парнем, который не поддерживает меня во время

бессмысленного угнетения. К тому же, он слишком высокий, у меня будет постоянно болеть шея, пока буду пытаться дотянуться для поцелуев.

— Ты — моя проблема, — сказала я, моё лицо горело от злости. — Ты ведёшь себя совершенно неправильно. Тебя даже не должно здесь быть.

Он склонил голову и пристально посмотрел на меня. И всё ещё не передал мне чёртово меню. Клянусь, я видела красные бесконечно дорогушие ценники на блюда. Хотя это могло быть отражением красных лент шёлка на стенах ресторана.

Я щёлкнула пальцами, требуя меню.

— Давай сюда.

Мгновение спустя его лицо расслабилось, и, наконец, не прошло и полгода, он передал мне эту дурацкую папку.

— Ты беспокоишься о деньгах.

Я последовала примеру Бена и скрылась за толстой чёрной папкой.

— Лена? — Джимми положил палец поверх меню и отодвинул его вниз, чтобы можно было меня увидеть. — Мы с Беном заплатим. Почему ты, чёрт подери, переживаешь об этом? Просто наслаждайся вечером, ешь, что пожелаешь. Для этого я тебя сюда и привёл.

Я на некоторое время закрыла глаза, выискивая способ успокоиться и достичь умиротворения. Но на ум ничего не приходило.

— Джимми, когда я хожу на свидания, то плачу за себя сама. Это моё решение, и, надеюсь, ты будешь уважать его. И ещё, не ты привёл меня сюда. Точнее, ты, но... а, не важно. Суть в том, что здесь должно было проходить моё свидание с Беном. Ты должен был находиться в другом месте. А не сидеть здесь, беспокоясь о том, что я закажу на ужин, кто заплатит, или, о чём мы будем разговаривать.

— И если бы я был в другом месте, то ты бы, как на иголках, ела суп, который даже не хочешь, пришла бы домой голодной, чуть не умирая от скуки, потому что весь вечер Бен втыкал бы в свой телефон. Поэтому хорошо, что я здесь, — он опёрся подбородком о спинку стула. — Правильно, Бенни?

— Правильно, Джим, — Бен поднялся со своего места. — Ребята, мне нужно в уборную. Я ненадолго.

— Конечно, — сказал Джимми, не сводя с меня глаз.

Коротко улыбнувшись, Бен развернулся, чтобы уйти. Затем остановился, вернулся и забрал телефон со стола.

— Лучше забери его с собой. На полном серьёзе, ребята, я отлично позависал с вами. Стоит как-нибудь повторить. Скоро увидимся.

Я наблюдала за тем, как здоровяк шёл по коридору. Его широкая спина удалялась в тускло освещённом проходе. Всё удалялась и удалялась, пока не исчезла вовсе.

— Он ведь не вернётся, да? — спросила я.

— Не-а. Скорее всего, он уже у запасного выхода.

— От меня ещё ни разу не сбежали на первом свидании. Вот это рекорд.

— Не говори так, — Джимми выглянул из-за меню, пригвоздив меня к месту взглядом. — Бену же хуже. Ты потрясающая.

Мои мысли спутались, а внутренности превратились в желе.

— До тебя никак не дойдёт, да? В этом вся твоя проблема, Джимми. После каждого своего бездумного хамского поступка, ты резко меняешься и делаешь или говоришь что-то прекрасное, от чего всё возвращается на круги своя. Я не могу собраться с мыслями, потому

что не знаю, чего ожидать дальше. Ты невозможен.

Он долго смотрел на меня.

— Закончила?

— Да.

Он встал и поставил утянутый стул за ближайший столик. Затем сел на то место, где совсем недавно сидел басист.

— Я подумываю об обжаренных во фритюре креветках на палочках, имбирной курице, булочках со свиным барбекю и парочке вегетарианских блюд. Звучит неплохо?

— Конечно.

— Я не был до конца уверен, что у вас с Беном что-нибудь получится. Не знаю, о чём я вообще тогда думал.

По его виду нельзя было сказать, что он переживал за свой косяк. Но опять же, если совсем честно, глубоко внутри я не переживала. Огромное «ну и ладно» встало вместо расстроенных чувств от произошедшей ситуации. Пока Джимми сидел напротив, глядя на меня, мои счастливые гормоны заполнили все мысли, ещё раз доказывая, какой идиоткой я становилась в его присутствии.

— Оу, ну что же. Найди я кого-нибудь другого, было бы не лучше, — с улыбкой сказала я. — Мне ужасно не везёт с мужчинами.

Он ничего не ответил.

— Извини. Я не хотела обидеть.

— А никто не обиделся.

— Коллекцией моих бывших не похвастаешься.

— Всё настолько плохо, ха-х?

— Даже не представляешь. В своё время я встречалась с чуваком, который изменял жене, вором, скрытым гомосексуалистом, парнем с фут фетишем⁴, и различными индивидуумами, которые всего лишь хотели познакомиться с моей сестрой.

— И чем был плох парень с фут фетишем?

— Нужно было постоянно носить обувь с ремешками на высоких каблуках. Мои ноги изнывали от боли.

— А.

— Так или иначе, это уже не свидание.

Нужно было сказать это громко, чтобы данный факт зафиксировался во Вселенной. Давайте обойдёмся без выяснения причины.

— Нет, конечно же, нет, — тут же согласился Джимми с преувеличенным рвением.

Это несколько меня задело.

— Это деловая встреча между мной и моим ассистентом. Я оплачиваю, заказывай всё, что хочешь.

Я проглотила полный рот газировки.

— Благодарю. Я испортила твой костюм?

— Нет, просто ему потребуется чистка. Но, сдаётся мне, ты оставила синяк.

— Недавно ты сделал то же самое со мной, — напомнила я.

— Значит, мы квиты.

Я отложила в сторону меню и откинулась на спинку стула, пока Джимми делал заказ. Бедный Бен. И до чего стыдно. Надеюсь, он не расскажет остальным. Но так как все в курсе наших планов вместе поужинать, то эта история обязательно всплывёт. Они животы

надорвут со смеха. А Мал вообще не даст мне спокойной жизни. Иногда, иметь друзей — это тот ещё головняк.

И это чистой воды правда. Они важны для меня. Почему-то, несмотря на старательные попытки держать всё в себе, я с треском провалилась. Впервые за долгое время у меня появились люди, которых я могу считать друзьями. Люди, которые приходят в гости и проводят со мной время. Люди, которые приглашают меня и хотят видеть в своей компании. Несмотря на то, что по части принятия приглашений, я полный отстой.

Это приятно.

Прежде чем официант ушёл, я протянула ему свой нетронутый джин-тоник.

— Мне расхотелось пить. Не могли бы вы, пожалуйста, унести это? Спасибо.

Джимми наблюдал за происходящим в своей обычной манере, незаинтересованно и совершенно невозмутимо.

— Ты могла бы выпить. Я бы нисколько не возражал.

— Могла бы, — сказала я. — Но это неправильно. И, как бы здорово не было, что у тебя есть своя точка зрения насчёт всего, о чём я думаю, что ношу и что делаю, но я не собираюсь делать то, что считаю неправильным, лишь ради твоей прихоти, Джимми.

— Ты не пьёшь из-за меня, поэтому, на самом деле, в сказанном нет смысла.

Я пожала плечами, улыбнувшись ему краешком рта.

— Иногда вещи, которые имеют меньше всего смысла, правдивее всего. Вот такая вот загогулина жизни.

Он приподнял бровь, после чего посмотрел в своё меню, качая головой.

— Ты вычитала это из печеньки с предсказанием, ага?

— Возможно.

— Ты не говорила, что твоя сестра скоро выходит замуж.

— Что ты здесь делаешь, и как ты узнал об этом? — спросила я, осторожно нанося на ресницы последний слой туши. Волосы уложены, каблуки и платье надеты, ко второму раунду свиданий готова. Надеюсь, в этот раз я добьюсь большего успеха, иначе быть не может. Нам с Джимми нужно будет серьёзно поговорить о границах, со всевозможными вытекающими пинками при их нарушении.

Сегодняшний день прошёл как обычно, но со странностью в виде шеф-повара суши, который преподал мне пару уроков перед ланчем. Это был ещё один сюрприз от Джимми, чтобы заработать очки для четвёртого пункта в списке. Было забавно. Хотя сомневаюсь, что в ближайшее время я стану работать в ресторанной или кейтеринговой сфере. Джимми разок посмотрел на мои попытки сделать сашими, после чего заявил, что на ланч будет протеиновый коктейль. А мистер Накимура просто печально вздохнул. Если честно, их разочарование не сильно меня задело. Возиться с сырой рыбой, правда, не моё.

Но вернёмся к вторжению Джимми в покои моей спальни.

— Это попало в мои вещи, — он бросил на столешницу глянцевое приглашение цвета слоновой кости. Без надетых очков я видела Джимми одним сексуальным пятном. — На этот раз ты приделась.

Он откинулся назад, чтобы, по-видимому, оценить мои ноги или юбку, длиною до колен. Пофиг. Я отказываюсь от мечтаний о его намерениях. И от моих ложных надежд. Он не был во мне заинтересован. Не в том плане, в каком его желали моё сердце и вагина.

— Хорошо выглядишь, — сказал он. — Тебе идёт красный.

— Спасибо. А теперь, пошёл вон.

— Надень-ка. Тебе нужно кое-что увидеть.

Перед моим лицом возникли очки. С осторожностью Джимми надел их мне на нос. Я же, видя то, насколько близко он стоял, испытала привычную реакцию. Типа этакой лёгкости в голове, порхающих бабочек в груди и в животе, что-то в таком духе. Тут нечем гордиться, но тепло и притяжение его тела, бесспорно, влияли на мои женские штучки. Затем, у себя из-за спины Джимми достал букет цветов, уже поставленных в стеклянную вазу.

Боже мой.

— Ты принёс мне георгины? — от шока я покраснела. Моё сердце в надежде начало биться быстрее. — Они прекрасны.

Он фыркнул.

— Ясен пень, не покупал я тебе никаких цветов. Прочти записку.

— «Извини, что ушёл. Давай останемся друзьями. Бен» — я посмеялась над собой, над ним и над всей Вселенной. Такой ответ совсем меня не удивил. — Это ты сказал ему отправить цветы, да?

— Хм-м, — загадочно протянул он, после чего поставил вазу на стол, пока я поправляла свой хвостик.

Джимми остался стоять на месте, наблюдая за мной, что никак не успокаивало нервы перед свиданием вслепую. Я изо всех сил старалась не обращать на него внимание. Что было

сложно, учитывая то, как он смотрел на меня. Его взгляд медленно обводил всё моё тело, не пропуская ни единого изгиба. Этот парень был королём в плане посылки непонятных сигналов. Я не знала, стукнуть его или наброситься на него с обнимашками, до чего глупо это ощущалось. Внезапно, удерживание равновесия на высоких каблуках стало восприниматься как испытание на огромную ловкость и уверенность. Из-за него я вся трепетала.

— Джимми?

— Да?

— Ты пялишься.

Он моргнул, встретившись со мной глазами.

— Сколько выходных тебе потребуется, чтобы посетить свадьбу?

— Нисколько, — ответила я, пытаюсь найти на его лице какое-нибудь объяснение тому, что он делал. Но он всего лишь неодобрительно взглянул на меня, насупив брови и сощурился глазами.

Да нет же, подождите. Он должен был знать, что смотрит на меня, как на горячую штучку. Точнее, как на человека, с которым был бы не прочь переспать.

Да.

Чёрт подери эти гормоны и нервы. Они сейчас были до жути расшатанными.

— Я не пойду на свадьбу, — сказала я, сосредоточившись на повторной уборке стола. Если у меня выдастся минутка собраться со своими дурацкими мыслями, то я почувствую себя лучше.

— Что так?

— Следующие несколько месяцев перед турне мы будем в разъездах. Я буду занята. А ты при всём своём желании не сможешь справиться без меня.

— Чушь собачья. Я могу дать тебе несколько выходных.

— Э, да. Но они-то об этом не знают. Отойди, пожалуйста, — я похлопала пальцем по кончику его носа.

Нахмурившись, он отступил назад.

— Значит, у тебя в семье тёрки? Я задумался об этом ещё тогда, когда ты не попросила отгул, чтобы поехать домой на День Благодарения. Полагаю, это связано с той ненавистью между сёстрами, о которой ты упоминала, когда у меня были проблемы с Дэвидом?

— Безусловно. Но с остальными членами семьи у меня хорошие отношения. С мамой я могу созваниваться по два раза в неделю, да и с папой тоже могу поболтать.

— Что сделала тебе сестра?

— С чего вдруг такое любопытство? — я взяла своё пальто и кошелёк и выключила свет. — Мне казалось, что житейско-бытё простых смертных вас не интересует, о Великий мистер Феррис.

Я замолчала, чтобы узнать, согласится ли он с этим. Но ответа от него не последовало.

Джимми спустился со мной по ступенькам. Этим вечером он был не в костюме, а в чёрных джинсах и такой же чёрной обтягивающей футболке. Его лицо обрамляли свободно лежащие пряди волос. Сложно сказать, в каком виде, в костюме или в удобной одежде, Джимми выглядел круче. В обоих случаях он был чертовски горяч.

— Итак, что нам известно об этом Рисе, помимо того, что он друг Энн?

Гостиная казалась хорошим местом, где можно было дожидаться его прихода. Я положила свои вещи и затем сама села на диван, поскольку каждая мышца от бёдер до пяток

кричала в агонии. Дурацкие утренние пробежки. На этот вечер планировалось долгое отмокание в ванной, если бы не поступивший от рок-бога приказ, гласивший: «Ты должна встречаться с другими людьми».

Надежды на удачное свидание были вялыми, а всё благодаря предыдущему вечеру. Если Рис не сбежит до подачи главного блюда, то я смогу считать это победой.

— У него книжный магазин или вроде того. На этом всё.

Джимми присел со всей своей природной грацией. Такова она, природа балерин, моделей, рок-звёзд и других супер хорошо выглядящих существ. Хотя, если говорить начистоту, то недавно идеальный образ Джимми в глазах общественности пошатнулся. Фотографии того, как он лежал на холодной земле, всплывали в прессе раз или два. Наверное, когда он завязал с выпивкой, он решил оставить это позади.

— Чего ты на меня хмуришься? — ворчливо спросил он.

— Каким ты был во время своей зависимости?

В ту же секунду на его лбу выступили морщинки. Его лоб, по сути, был индикатором его эмоций.

— Откуда, б****, вообще такие мысли?

— Я не знаю. Мне просто... просто хочется узнать о тебе побольше. Это так плохо?

В его глазах читалось: «Да». «Чёрт возьми, да». К тому же, я, кажется, вела себя как умственно отсталая, которая в детстве много раз ударялась головой об пол.

— Не важно, — пробормотала я.

— Сколько можно это обсуждать, разве прошлого раза было недостаточно? Я погряз в дерьме, Лена. Был полнейшим мудаком. Я злился и раздербанил свою жизнь. С тем мной ты бы знаться не захотела, — он сжал губы. — Сейчас я хотя бы немного спокойнее. И большую часть времени себя контролирую.

Я кивнула.

— Что там со свадьбой твоей сестры? — в свою очередь выпалил он.

Мои губы плотно сжались.

— Я ответил на твой вопрос. Теперь ответь на мой.

Он был прав, нравилось мне это или нет. Признаваться в собственных слабостях перед Джимми казалось опасным решением, и от этой трещины в моей эмоциональной броне мне до сих пор было больно.

— Она выходит за моего бывшего. Он бросил меня ради неё.

С его лица сошли все краски.

— Это тот изменщик, о котором ты упоминала?

— Да. Неловкая ситуация. Согласен? С сестрой и с прочим, — я засмеялась, по большей части из-за себя. Как же мне посчастливилось, что единственный приличный парень, с которым я встречалась, сбежал вместе с Элис. — Можешь себе представить, какое облегчение я испытала, когда меня не пригласили быть подружкой невесты на свадьбе.

— Это охрененно низко с её стороны.

Мои плечи расслабились, опускаясь к более привычному уровню.

— Некоторое время я тоже так думала. По всей видимости, они счастливы, поэтому...

— Не в этом суть, — Джимми сердито посмотрел на журнальный столик, словно подумывал о том, чтобы всадить в него топор. — Толика лояльности её бы не убила. Её поступок не лучше того, что я сделал Дэвиду, и это было... это было плохо. Она не должна была поступать так с тобой, Лена.

— Спасибо.

Уголки моего рта сами по себе приподнялись в улыбке.

Его мнение значило для меня гораздо больше, чем следовало. Меня успокаивала абсолютная уверенность в его голосе. Стоит признаться, было заманчиво сказать пару слов, которые мой бывший, Брэндон, говорил обо мне. Высказать их и позабавиться, когда Джимми отвергнет все эти слова. Какой я была сложной, отстраненной и недоступной. Поэтому Брэндон потянулся к моей сестре, которая благодаря отсутствию у нее лояльности ко мне, потянулась к нему в ответ.

Пошли они оба куда подальше.

Но если бы Джимми согласился с каким-либо ядовитым словом моего бывшего, то это ранило бы частичку меня, и эта рана не смогла бы затянуться. Несмотря на его оскорбительное отношение, глубоко в душе он, кажется, был обо мне хорошего мнения. Я ценила это больше, чем какие-либо слова.

— В любом случае, — заметила я, — спасибо за то, что рассказал мне о том периоде, когда ты был зависим. За те многие вещи, о которых ты поведал мне в последнее время. Было приятно поговорить с тобой о большем.

Он пожал плечами.

— Разговор должен был помочь тебе с твоей, а мне с моей проблемой.

— Ну и как, стало тебе легче? — спросила я.

— Нет, не особо. Я взял на себя ответственность за всё сделанное и пытаюсь исправить ошибки. Пора двигаться дальше, — он откинул волосы назад. — А тебе?

Я уставилась на него и не могла пошевелиться. Любовь — поистине запутанная штука, но за всей её сложностью скрывается простота. Она состоит из слоёв эмоций, мыслей и воспоминаний, сводящихся к одному всепоглощающему смыслу. К осознанию того, что один человек в этом мире значит для тебя больше, чем всё остальное. У здравого смысла и рассуждений нет и шанса. Пусть иногда Джимми вёл себя как убудок, пусть он запутался в жизни, но я обожала его, целиком и полностью.

— Не стало, — сказала я. — Потому что твои тёмные стороны не пугают меня, Джимми. И никогда не пугали.

— А должны бы.

Он облизнул губы, всё время удерживая мой взгляд.

Боже милостивый, какой же прекрасный у него рот. Моё сердце пустилось вскачь. Мне казалось, что в его глазах можно было разглядеть действительно что-то настоящее. Материальную связь или эмоции, которые выходили за рамки наших обычных повседневных отношений. Тяжело объяснить. Но, как всегда, до этого не дотянуться.

В этот раз я отвернулась первой, инстинкт самосохранения победил. Раздался звонок в дверь, и волшебство момента разрушилось. Наверное, к лучшему.

— Помни, ты обещал не вмешиваться.

Я вскочила на ноги.

К несчастью, он был быстрее.

— Я не буду вмешиваться, просто любопытно с ним познакомиться.

— Джимми...

— Привет. Ты, должно быть, Рис.

Дверь была открыта, и весь дверной проём загорали широкие плечи Джимми. Я ничего за ними не видела.

— Джимми Феррис, я полагаю, — ответил довольно дружелюбный мужской голос. Они пожали друг другу руки, затем Джимми отошёл в сторону. Рис был среднего роста, стройный, и выглядел неплохо, одетый в хипстерском стиле. У него были короткие тёмные волосы и очки в толстой оправе.

— Привет, я — Лена, — помахала ему я.

Мы окинули друг друга взглядами. Среди всех свиданий первые и те, что назначаются по знакомству, самые мучительные. Тому, кто их придумал, следовало бы заехать по мозгам. Но лицо Риса озарилось одобрительной улыбкой, так что я, похоже, прошла проверку. Возможно, сегодняшняя вечер будет многообещающим.

— Я только захвачу пальто, — сказала я и, со всей полагающейся спешкой, протопала бочком в гостиную. Одному Богу известно, что Джимми скажет или сделает, если их надолго оставить вдвоём. Наше свидание должно продлиться больше пятнадцати минут. Так требовала моя гордость.

— Так, куда ты поведёшь её, Рис? — голос Джимми был великолепно слышен во всём доме.

Я схватила пальто и сумочку и поспешила обратно. Мои каблуки цокали по мраморному полу. Нужно остановить инквизицию любой ценой, прежде чем Джимми спугнёт его.

— Готова!

— Я думал пойти в кино. Что скажешь, Лена, ты не против? — Рис засунул руки в карманы.

— Звучит отлично! Пойдём.

У меня уже щёки болели от улыбки. Если бы я была ещё веселее, то понадобилось бы успокоительное.

Джимми шумно выдохнул и не улыбнулся.

— Супер. Тогда она должна вернуться обратно через сколько... часа три-четыре?

— Э-э, конечно, — сказал Рис, высоко подняв брови.

— Не обращай на него внимания, — я очень быстро застегнула пальто на все пуговицы. — Джимми, увидимся позже. Приятного вечера.

— Веди аккуратно, — распорядился он, его строгий взгляд ни на секунду не отрывался от теперь уже озадаченного лица моего кавалера. — Медленно.

— Как и всегда, — сказал Рис, делая несколько шагов в сторону дорожки, по-видимому, готовый уйти.

Я с силой оторвала Джимми от ручки двери и ударила по его плоскому, накачанному животу.

— Иди внутрь, здесь холодно.

Он не сдвинулся с места. Мы испепеляли друг друга злобными взглядами.

— В чём твоя проблема? — прошипела я.

— Не нравится мне, как выглядит этот тип.

— Нормально он выглядит.

Ледяные глаза Джимми посмотрели на меня взглядом, полным сомнений.

— Нет, есть в нём что-то подозрительное.

— Джимми.

— Дело в очках, я им не доверяю. Мне кажется, он пытается что-то спрятать.

— Я ношу очки.

Он пожал плечами и посмотрел на меня взглядом, который так и говорил: «И что с

того?»». Придунок.

— Он не какой-то там убийца с топором. Рис уже давно дружит с Энн, — тихо сказала я. — Ты обещал вести себя хорошо.

— Но что, если...

— Ты обещал.

Его рот закрылся. После ещё одного взгляда на Риса, Джимми смягчился, спасибо, Господи. В тот момент ничто не могло сравниться с приятным звуком клацнувшего замка, когда я закрыла входную дверь.

— Ладушки, — выдохнула я, облегчённо улыбнувшись своему партнёру. — Мы можем идти.

— Он всегда такой?

— Нет, он... он иногда переживает.

Я не знала, как объяснить недавнее появление собственнического инстинкта у Джимми. Он не хотел меня, следовательно, ему действительно нужно было завязывать с этой хренью.

— Энн немного рассказала о тебе и о ситуации с Джимми. Что ты работаешь у него и прочее, — Рис переступил с ноги на ногу. — Я, правда, не убийца с топором.

— О, ты всё слышал. Здорово.

— Всё нормально, — он ответил мне такой же, как у меня, пустой улыбкой, затем рассмеялся. — Пойдём.

Рис ездил на старой модели хэтчбека, и к кинотеатру в городе он ехал согласно указаниям: медленно и аккуратно. Он сразу же купил огромное ведёрко попкорна, тем самым вызвав моё расположение. А одобрение закусок — это вам не хухры-мухры. Мы зашли в лобби, чтобы посмотреть на постеры и рекламу фильмов. В выборе фильма нельзя спешить. Выберешь, не подумав, и получишь потраченные два или три часа жизни, не говоря уже о деньгах.

— В этом полно взрывов, — я указала на свежий голливудский блокбастер. — И погонь.

— Ты не хочешь посмотреть этот?

Рис повернулся к фильму недели, подходящему для свиданий. На постере под дождём смеялась парочка. Какое клише, я едва сдержала стон. Так мало того, ещё и в главной роли снялась Лив Андерс, изящная блондинка, подающая большие надежды в киноиндустрии.

Пристрелите меня на месте.

— Даже не знаю, — выкрутилась я.

— Энн сказала, что тебе он может понравиться.

Было что-то в интонации, с которой Рис произнёс её имя, нечто, что я предпочла пока проигнорировать. В конце концов, он купил попкорн. Это свидание должно пройти лучше, просто обязано.

— Стопудово, там плачевная концовка, — пошутила я. — Героиня, скорее всего, простынет от того, что долго стояла под дождём, и помрёт от пневмонии.

Он моргнул.

— Энн говорила, что фильм со счастливым концом. И подумала, что мы можем посмотреть его.

О нет, вот опять, всё то же благоговение при произнесении её имени. О священных мощах упоминают с меньшим трепетом. На этот раз чувство холода захлестнуло меня с головой. Из вежливости не полагалось спрашивать у него напрямую о том, согласился ли он пойти со мной на свидание лишь затем, чтобы угодить другой девушке. Но меня терзали

смутные сомнения.

— Энн его предложила? — спросила я.

С улыбкой на губах он кивнул, да так сильно, что я подумала, у него шея поломаётся.

— Энн действительно очень хорошая, — я засунула в рот попкорн и перевела взгляд с постеров на Риса. Вот и она, драма, которой так не хватало в моём сегодняшнем свидании. Даже не нужно покупать билет в кино, чтобы посмотреть на осколки неразделённой любви в формате 3D, во время съёмок которого обошлось без единой аварии и погони.

— Да, она такая.

Мечтательное выражение появилось в его глазах. Искренне надеюсь, у меня не было такого же выражения, когда я думала о Джимми. Стыдно-то как.

— Как думаешь, она счастлива с Малом? — спросил Рис. — Он же хорошо к ней относится, да? Они не собираются расставаться или типа того, так ведь?

Отчётливую нотку надежды в его голосе было невозможно пропустить. По моей спине пробежал холодок, несмотря на то, что мы находились в помещении. А сердце залилось горькими слезами. Что за дела. Сегодняшний вечер стал трагедией. Мне не везёт в любви. Наверное, виной этому цыганка с извращённым чувством юмора, проклявшая меня при рождении, точно говорю. Потому что именно я была единственным общим элементом всех этих феноменально ужасных свиданий. И моя вина обжалованию не подлежала.

— Не думаю, — вежливо ответила я. — Кажется, они доверяют друг другу и любят друг друга.

— Понятно.

Уголки его рта опустились. У наказанных щенков и то куда менее подавленный вид.

— Ты по уши влюблён в Энн.

— Да, — Рис сильно сдавил ведро с попкорном. — А как насчёт тебя и Джимми?

— Ха. Да. Моя симпатия имеет схожий нежелательный и неразделённый характер. Разве мы не два сапога пара?

Я уставилась на поток людей, мельтешащих у дверей кинотеатра. Сколько людей просто живут своей жизнью, испытывая подобные сердечные муки и отчаяние. В этом плане мы не были уникальны, но всё-таки эта боль казалась такой огромной, словно разъедала меня изнутри. Как же неправильно это было для такого всеобщего обыденного явления.

Боже милостивый, любовь — отстой.

— Почему бы нам не остаться друзьями? — предложила я.

Рис вздохнул, переминаясь с ноги на ногу.

— Друзьями... ладно. Всё ещё есть желание посмотреть со мной фильм?

— Конечно. Почему нет?

— Блокбастер, в котором полно взрывов и погонь?

Мне удалось улыбнуться.

— Конечно.

За окном качнулись шторы. Кое-кто шпионил. Для человека с рассудительным умом, Джимми Феррис в последнее время вёл себя совершенно неразумно. Хотя, и моими поступками, связанными с Джимми, не особо похващаешься.

Рис подождал, пока я открою входную дверь, затем тронулся с места. А я, стоя на

холоде, проводила взглядом задние фары его машины, пока те не исчезли из вида. Второе свидание окончено. Так держать, Лена. Мы неплохо провели вечер, но повторения не будет. Как ни странно, но обмен историями о неразделённой любви и о категорическом отказе после признания в своих чувствах, настроения не поднимал. Как по мне, куда лучше игнорировать такие вещи. Если бы мне захотелось плюнуть на своё правило не пить, то сегодняшний вечер для выпивки подошёл бы идеально. Но я не стала этого делать. Не знаю, мне почему-то казалось, будто мы Джимми были в одной лодке, и ни один из нас не мог позволить себе потерпеть неудачу. Глупо, но так оно и было. Бремя борьбы с алкоголизмом лежало не на моих плечах, и чисто символически, я не могла облегчить его ношу. Я ни фига не могла сделать...

— Можешь выходить, — я закрыла входную дверь и положила пальто и сумочку на столик у входа. — Я знаю, что ты здесь... шныряешь.

— Это мой дом. Где хочу, там и шныряю, — он возник из неосвещённой тёмной гостиной, его чёрная одежда сливалась с тенью. — И не бросай здесь свои вещи, отнеси их к себе в комнату.

— Есть, сэр.

— Как прошёл вечер?

Я подавила зевок.

— Нормально. Как у тебя?

Одно его плечо поднялось и опустилось.

— Смотрел телик.

— М-да, — я взяла свои вещи со столика. Как бессмысленно, только Джимми мог расставить мебель и не давать ею пользоваться. Как будто в идеальном внешнем виде больше смысла, чем в том, чтобы использовать вещи по назначению. Не человек, а ходячее недоразумение. — Увидимся утром.

— И всё?

Я остановилась, стоя одной ногой на ступеньке.

— Я вернулась домой в целостности, тем самым опровергнув твою теорию об убийце с топором, и устранив на время необходимость своего ухода. Что ещё тебе от меня нужно?

— Ты плохо провела время?

— Фильм был забавным. Куча взрывов.

— А с ним нормально поладила?

— Конечно, он славный парень. Но он влюблён в Энн, так что не может являться образцовым кандидатом для свиданий.

— О.

С задумчивым выражением лица Джимми подошёл ко мне и опёрся на перила. Сегодня он не брился, и желание провести пальцами по его щетине было почти непреодолимым. Я впиалась пальцами в кожаную сумочку, стараясь сдержаться. Всё в нём манило к себе: его осторожный взгляд, любопытство в глазах, его мягкая сторона, которую так редко можно было увидеть.

Может быть, если бы его мать не испоганила ему жизнь ещё в детстве, то он был бы другим, менее уставшим от жизни и не сломленным, а более открытым. Или, может, если бы я была бы больше похожа на супермодель, а он был менее приятным и выглядел не так привлекательно, тогда бы у нас сложилось всё по-другому. Что же нужно для того, чтобы он посмотрел на меня иначе? Ведь он стоял всего в паре шагов от меня, но казалось, что

расстояние неизмеримо. Моё сердце медленно разбивалось на части, и я чувствовала, как сломавшись, камнем падает вниз каждый его осколок.

И я ничего не могла с этим поделать. К слову, совсем.

Я устало выдавила улыбку.

— Но вечер всё равно получился неплохим.

— Энн в курсе? — спросил он.

— Сомневаюсь, иначе она бы не предложила сходить с ним на свидание.

— Верно.

— Но не уверена, что ей стоит что-нибудь говорить.

Он выгнул брови.

— Почему нет? Разве не нужно её предупредить?

— Джимми, он скрывает свои чувства к ней, а не планирует неожиданное завоевание.

Это не наша тайна. Вряд ли что-либо изменится, если мы её раскроем, — я прижала пальто и сумочку к груди. — У Риса нет ни единого шанса. Она просто не заинтересована в нём в этом отношении. Его зачислили во френд-зону, и он это прекрасно знает.

Бедняжка.

— А я не знаю, правильно или нет, не говорить об этом Малу, — заметил Джимми.

— Мне кажется, от этого появятся лишь проблемы. Хотя, если честно, Мал, скорее всего, уже в курсе. Не похоже, чтобы Рис особо пытался скрыть это.

Джимми посмотрел на стену поверх моего плеча.

— Глупо с его стороны тусоваться с Энн, когда нет ни единого шанса.

— А кто говорил, что сердце поступает разумно, и ему прикажешь?

Джимми просто покачал головой.

— Идиотизм какой-то. Ему нужно включить мозги и остепениться. Это жалко.

Неудивительно, что Энн не хочет его.

И мне как бы нужно было уйти, прежде чем я прибегну к насилию. От этого разговора у меня разболелась голова.

— Ого. Какие, несомненно, разумные слова.

Его глаза вспыхнули от внезапного осознания ситуации.

— Я не имел в виду, что ты... Э, ну, очевидно, ты с ним не в одной категории.

— Нет?

— Нет, конечно, нет.

Джимми положил руки на бёдра, затем передумал и закинул их за голову. Всё это время он смотрел на меня так, словно от дурдома меня отделял всего один маленький шажок. Зато он перестал смеяться над моими чувствами.

— Да что ты! С тобой совершенно другая ситуация, — сказал он.

— Какое облегчение.

— Ага, просто ты ещё не поняла, что у нас ничего не выйдет.

Он опять посмотрел на меня, и я почти увидела, как отчаянно в его голове крутятся винтики и шестерёнки.

— Тогда разубеди меня, Джимми.

Я была почти уверена, что у него на лбу выступил пот.

— Серьёзно, неужели я выгляжу как парень, настроенный на отношения? Нет. Я игрок.

Я склонила голову.

— Вот и нет. Ты давно не занимался сексом.

— Верно. Но, когда занимаюсь, я не из тех, кто возвращается на второй заход. Просто повеселился, и на том закончил. Как было сказано во время ужина, я не притворяюсь, что заинтересован в большем, — он ухватился за перила, крепко их стиснув. — Тем девицам тоже не следовало бы. Я гнилой до мозга костей, Лена. Тот, кто накосячил с домашним бытом, бывший наркоман. Я не заинтересован ни в каких отношениях. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое, понимаешь?

— Если ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое, тогда почему не даёшь мне уйти?

— С этим я могу справиться. Мы устраиваем друг другу взбучки, идём на некоторые взаимные уступки. Это здорово. Но я не способен на большее. Просто не могу.

В его голосе было столько душещипательной уверенности.

— Откуда тебе знать, если ты никогда не пробовал?

— Нет, — Джимми взглянул на меня исподлобья. Он так сильно вцепился в перила, что его пальцы побелели. — Риск слишком велик, не хочу потерять тебя.

Я просто тупо на него уставилась.

— Кажется, это самая приятная вещь, которую мне когда-либо говорили.

Он сжал губы, по всей видимости, не очень обрадовавшись этой новости.

Слишком много информации прокручивалось в моей голове. Требовалось время, чтобы всё осмыслить, понять его. Наши отношения снова менялись, я это чувствовала, но пока не понимала, каким образом. Ситуация была столь же сложной, как и сам Джимми.

— Так или иначе, не думаю, что продолжу ходить на свидания, — сказала я с тяжестью на сердце. — Давай просто сосредоточимся на других вещах. Чтобы убедить меня в том, что ты монстр, утренних пробежек будет достаточно.

— Лена, тебе не стоит ставить крест на свиданиях, — в уголках его глаз появились маленькие морщинки, а челюсть напряглась. — Следующее свидание будет лучше. Ты весело проведёшь время, обещаю.

— Я не думаю, что Боженька хочет, чтобы я ходила на свидания. Знаки этого были довольны очевидны.

— Ещё одно, — понизив голос, сказал он, затем продолжил довольно убедительным тоном. — Ну же, последнее свидание, после чего, обещаю, я от тебя отстану.

— Ну, не знаю...

— Пожалуйста? Видишь, я использовал свои манеры.

— Я рада за тебя.

— Лена...

— Ладно, ещё одно, и всё. И у меня есть условие. На следующем свидании ты будешь изгнан в подвал. Ты не будешь встречать парня и, уж тем более, устраивать ему допрос. А знаешь, я вообще не хочу тебя видеть. На глаза ты мне попадётся только дома, на диване, ночь напролёт смотря телевизор. Никаких отговорок. Никаких «если», «но» или «вдруг». Договорились?

Он напряг челюсти, заскрежетав зубами.

— Хорошо. И следующее свидание будет лучше. Ты не пожалеешь об этом.

Я уже жалела.

— Адриан прислал данные о первых концертных залах, о брони в отелях и тому подобных вещах, — я передала свой планшет Эв.

Мы с ней сидели на ступеньках, наблюдая за тем, как в подвале, в новенькой, совсем недавно законченной, студии репетируют ребята из группы. Последними завершающими штрихами, добавленными Джимми, стали стеклянные вставки на стенах от потолка до пола, чередующиеся с чёрным звукопоглощающим профилем. Студия была набита кучей блестящего высокотехнологичного оборудования, к подбору которого Джимми приложил немало сил. Его удовлетворённый взгляд после того, как ребята одобрили студию, был прекрасен. Интуиция подсказывала мне, что таким образом Джимми пытался извиниться перед своими друзьями за прошлые ошибки, загладить свою вину.

С какой стороны не посмотри, студия была замечательной штукой.

— Похоже, СМИ начнут оживляться только после Нового года. До тех пор расписание не сильно забито, — сказала я. — Всего пара интервью.

— Хорошо, группе нужен перерыв.

— Это точно.

Сегодня утром, когда мы с Джимми вернулись с пробежки, у порога нас ожидали тощий австралиец, по имени Тейлор, и его великолепная жена, Пэм, у которой были американские корни. Обычно, после того как заканчивалось время моих беговых пыток, Джимми уходил, чтобы самому «пробежаться, как полагается». Но сегодня, обрадовавшись гостям, он пощадил себя. До этого, единственное проявление дружелюбия с его стороны, которое мне довелось увидеть, выражалось в небольших улыбках, адресованных Эв. А тут он даже вытерпел быстрые объятия от Пэм, несмотря на напряжение его мышц и покрасневшее лицо. Кажется, я ни разу не встречала человека, настолько питающего отвращение к тому, чтобы подпускать людей близко к себе.

По всей видимости, Тейлор был давним другом, которому, к тому же, доводилось работать с ребятами звукорежиссёром. Он был гуру в студийной записи. Его жена, Пэм, была фотографом. Она сразу же достала фотокамеру, с виду очень крутую, и начала щёлкать парней за работой в их новой студии. Я последовала за ней, доставая вопросы.

К счастью, она совсем не возражала.

Пэм говорила, они подумывают о том, чтобы использовать снимки для внутреннего вкладыша нового альбома. И даже разрешила мне поиграть с фотокамерой, давая при этом советы и показывая, какие кнопки нажимать. Потрясающе, как игра света и тени влияла на получающуюся картинку, меняя её настроение. Мне никогда не доводилось бывать рядом с настоящим профессиональным фотографом. Весь день, при малейшей возможности, я ходила за ней хвостиком. Было забавно и интересно делать то, что личному ассистенту делать попросту не полагается. Мне уж точно. Да и дуракаваляние с камерой улучшило моё паршивое настроение.

— Держи вот так, — сказала Пэм, меняя положение моих пальцев вокруг «Никон».

Я снова поднесла камеру к глазам, чтобы оценить, как с помощью автофокуса меняется качество изображения разных объектов.

— Потрясающе. Мир выглядит совершенно иначе. Детали, освещение и всё остальное.

— Да, — улыбнулась Пэм. — Так и есть.

— Мне не стоит спрашивать, сколько такая камера стоит, да?

— Да, — подтвердила она. — Лучше не стоит.

Джимми предложил Пэм и Тейлору остаться у него в свободной комнате для гостей, но они отказались, поскольку уже забронировали номер в одной из гостиниц города. Жаль, мне так понравилось проводить время с Пэм и её камерой.

— Та-а-ак... — протянула Эв. — Вчера вечером звонил Джимми. Он хотел, чтобы я организовала девичник. Сказал, что тебя нужно подбодрить.

Я съёжилась. За весь день много чего приводило меня в восторг и беспокойство, но эта тема для разговора вряд ли сможет улучшить положение вещей.

— Не нужно было ему этого делать.

— Я слышала о твоём свидании с Беном.

— Кстати об этом, я же не поблагодарила его за цветы.

Эв покачала головой.

— Поверить не могу, что он сбежал. Точнее, могу. Просто, лучше бы он этого не делал.

— Свидание с Рисом тоже не увенчалось успехом. Он хороший парень, но я не уверена, что сейчас он настроен на новые знакомства.

— В тот раз у Джимми получилось держать себя в руках?

Я заметила, что у меня задрожали руки.

— В основном, да. Но это было неважно. Рис всё ещё любит Энн.

— Ладно. С этим всё понятно, — Эв вернула мне планшет, затем отвернулась и начала постукивать пальцами по стене. — Послушай, Лена, я хочу сейчас кое-что тебе сказать, ты можешь согласиться или нет, дело твоё. Я люблю Джимми, для меня он часть семьи. Но, Лена, ты осознаёшь, что он прошёл через то, что нам понятно лишь на незначительную часть?

— Эв...

— Пожалуйста, дай мне договорить, — если бы её лицо не выражало столько искренности, то я бы встала и ушла. Мои любовные проблемы и без того причиняли мне достаточно боли.

— Хорошо, — ответила я.

Эв потеряла кончик косы.

— Он рассказывал тебе что-нибудь об их матери после того, как она объявилась в Айдахо?

— Не особо. О таком у нас не принято разговаривать.

И, к слову, даже то небольшое, что он мне рассказал, было конфиденциально.

— Но он разговаривал об этом с тобой. Пусть немного, но, я думаю, ты не понимаешь, какое это чудо. Дэвид говорил, что во время терапии Джимми было тяжело обсуждать их детство. Он попросту отказывался это делать, — её глаза наполнились беспокойством. — Вот почему ты не можешь просто уйти, если тебе не всё равно, что с ним будет...

— Конечно, мне не всё равно.

— Но он заботит тебя больше, чем нужно? В этом-то и проблема.

Моё молчание послужило ей ответом.

— Я не хочу видеть, как вы страдаете. За последние полгода Джимми проделал огромный путь, чтобы собрать себя воедино, — Эв тяжело вздохнула. — До твоего появления он вёл себя опрометчиво. Но задумывалась ли ты над тем, что ему пока что не по

силам справляться с подобным давлением? Ему рекомендовали воздержаться от серьёзных отношений на первом году выздоровления.

— Думаешь, я чем-то задену его?

— Не специально, нет.

И внезапно я разозлилась, а если точнее, слегка взбесилась.

— Знаешь, как говорится, нельзя получить всё и сразу. Я должна переживать за него в достаточной мере, чтобы остаться, и ставить его предпочтения на первое место, — я вскочила на ноги, чтобы отодвинуться от неё подальше. — Но мне запрещается переживать слишком уж сильно и осложнять отношения.

— Лена, подожди.

— Думаешь, я не знаю, что он очень ранимый?

Эв взяла блокнот и тоже встала.

— Мне кажется, в данный момент в этом плане вы с ним одинаковы.

И, скорее всего, в этом она была права. А ещё, вполне возможно, я слишком остро отреагировала.

— Что за шум? — спросил Джимми, появляясь внизу у лестницы, выглядя при этом далеко не ранимым, если не сказать больше.

Зашибись. Теперь здесь был и Дэвид. Он обеспокоенно посмотрел на Эв.

— Детка?

— Это я виновата, — сказала Эв, переминаясь с ноги на ногу. — Я сказала то, чего не должна была говорить.

— Лена? — Джимми начал подниматься ко мне.

Дэвид увёл Эв, оставляя меня с Джимми наедине.

— Нет, я... чёрт, — я прислонилась к стене, чувствуя себя в десять раз глупее и морально вымотанной. — Всё нормально.

— Ничего подобного. Не лги мне. В чём дело? — спросил он, останавливаясь на пару ступенек ниже меня. Теперь мы были почти одного роста.

Блин, как же он прекрасен, что внутри, что снаружи, и ему никогда не быть моим. Данный факт чётко и ясно отложился в моей голове, и из-за его неоспоримости мне не оставалось ничего, кроме как, окаменев, стоять на месте. Но я всё-таки надеялась остаться рядом с ним, поддерживать его, выполняя работу, которую желала, но в то же время, не хотела всем своим сердцем.

— Я снова повела себя до жути непрофессионально, — ответила я.

Джимми прищурился.

— И всё?

Это был риторический вопрос, но я восприняла его серьёзно. Внутри меня бушевали эмоции, создавая дикий хаос. Дело было не только в отсутствии профессионализма с моей стороны.

— Мне нужны утешительные объятия, — выдала я.

— Что? — охренел Джимми.

— Обнимашки, — кивнула я, загоревшись идеей. — Да, именно это мне нужно. Давай, я не стану напоминать о твоём косяке, связанным с тем фарсом на моём свидании с Беном. Но, знаешь, прошлый вечер с Рисом выдался тоже довольно паршивым.

У него открылся рот, но я продолжила свою тираду.

— Джимми, сейчас ты мой самый близкий друг. А такое звание предполагает

определённые обязанности.

С широко раскрытыми глазами и страдальческим видом он долго и вопросительно смотрел в потолок.

— Твою ж мать. То есть следить за тем, чтобы твой любимый шоколадный торт с кремовой начинкой постоянно был в холодильнике в тех самых числах месяца недостаточно? Неужели мне ещё и объятия придётся терпеть?

— Да. Видимо, придётся, — по идее, его слова о торте не должны были меня удивить, но удивили. Мы жили вместе уже несколько месяцев, и для человека, которого я когда-то расценила как эгоцентричного, Джимми делал странные вещи. Месячные, которые наступили посреди утра, определённо объясняли моё дерьмовое настроение в последние сутки. — Хотя за торт я благодарна.

— Не стоит. Я не обнимаюсь, — ответил он.

— Все обнимаются.

— Не я. Прикосновения не по моей части, — он скрестил руки на груди, затем опустил их. — Только если за ними последует секс, а этим мы заниматься не станем.

Он пытался меня шокировать. С этим его качеством я уже была знакома. Интересно, насколько шокированным был бы он, если бы такое предложение поступило бы от меня. Но я осталась невозмутимой.

— В прошлом месяце ты прикасался ко мне не меньше шестнадцати раз. К прикосновениям ты предрасположен лучше, чем думаешь.

У него снова расширились глаза, потом опять сузились.

— Ты же взяла эту цифру просто с потолка, да?

— Ты считаешь стаканы с алкоголем, а я считаю прикосновения.

— Хм. Я не стану обниматься.

— Ты мужик или тряпка? — спросила я с вызовом.

— Твой босс.

Хороший ответ. И всё же, в Кер-д'Алене, когда Джимми нуждался в утешении, он просто схватил меня. Без лишних слов и обсуждений. Блин, да он никогда не интересовался, чего хочу я, просто делал то, что хотел. А то, что хотела сейчас я, это был Джимми. И каждая моя молекула знала об этом.

К чёрту всё это. Я ринулась к нему.

Охнув, Джимми поймал меня и вцепился руками в мою талию. Мои руки крепко обернулись вокруг его шеи. Я могла нечаянно сломать нос о его ключицу, но это не имело никакого значения. Теперь он был обязан утешить меня, в физическом плане. А на боль в переносице можно не обращать внимания. Джимми застыл на месте, я почти ощущала его страх. Но стоять вот так, настолько близко к нему, было для меня равноценно nirване.

Абсолютному чистейшему блаженству.

Он затаил дыхание, но затем его грудь начала быстро подниматься и опускаться, соприкасаясь с моей. Я ждала, когда он оттолкнёт меня, или, скорее, отдерёт с помощью лома. Понемногу его твёрдые, как камень, мышцы стали расслабляться. Его рука неуверенно похлопывала меня по спине, сбившись с ритма. По всей видимости, годы музыкальной карьеры и его врождённый природный талант потерялись из-за моих объятий. Ах, вот это, понимаю, сила, я никогда его не отпущу.

Наше дыхание отдавалось эхом по лестничному проёму.

— Лена?

— Ш-ш-ш-ш, я наслаждаюсь моментом.

Я сжала его крепче, на случай, если он вдруг попытается вырваться и сбежать.

От него безумно хорошо пахло каким-то приятным дорогим одеколоном с нотками пота и запаха самого Джимми. Спасибо тебе, Господи, за то, что он забыл об украденной мною футболке. Она хранила в себе тот же запах, только слабее. Но его нельзя было сравнить с тем, когда вдыхаешь прямо возле источника. И совсем не важно, что кончик моего раненного носа с пострадавшей кожей уткнулся в основание его шеи. Как замечательно.

— У тебя нос холодный, — заскулил он.

— Тихо. Ты портишь весь настрой.

— Нет никакого настроения. Ты ведёшь себя как сумасшедшая, вот и всё.

Снизу доносились разговоры ребят, приглушенное постукивание по барабанам, но ничего не волновало меня больше, чем то, что происходило здесь и сейчас.

— Мы ещё не закончили? — спросил Джимми.

— Нет.

— Ещё одна минута, и на этом всё, Лена.

— Две.

Он тяжело вздохнул.

— Надеюсь, отныне мне не придётся повторять такое каждый месяц.

Ещё парочка робких похлопываний по спине. Затем, очень медленно, его рука мягко обернулась вокруг меня, и замерла под волосами. Его пальцы поглаживали мой затылок. Мы стояли на месте, моя грудь была прижата к его твёрдой груди. Он положил подбородок на мою макушку, и я чувствовала, как его дыхание колышет мои волосы. Несмотря на разницу в росте мы отлично подходили друг другу. Второй рукой он уверенно водил вверх-вниз по моей спине, притягивая к себе ближе. С каждым разом его рука перемещалась немного ниже, и теперь пальцы поглаживали не столько спину, сколько изгиб попы. И каждый раз, когда его рука опускалась вниз, у меня перехватывало дыхание. Мне безумно хотелось узнать, как далеко он сможет зайти. Я желала, чтобы он на этом не останавливался.

Утешительные объятия быстро переходили в категорию «для взрослых».

— Прости, что свидания прошли отстойно, — сказал он.

Мне, правда, не хотелось говорить о свиданиях.

— Сегодняшнее будет лучше.

В топку всех остальных мужиков.

— Лена?

Да ну, ёлки-палки.

— Что?

Его рот был сжат в линию.

— Тебя действительно расстроила Эв?

— Нет. Мы сами разберёмся.

— Уверена? Я поговорю с ней, если нужно.

— Что, серьёзно?

— Конечно.

— Джимми Феррис, ты не парень, а мечта, — счастливо вздохнула я.

— Господи, вот теперь ты меня действительно пугаешь, — он положил руки на мои бёдра. — Теперь ты в порядке?

— Да.

Пока он, приводя себя в порядок, поправлял рубашку, на кончиках его губ появился намёк на зарождающуюся нерешительную улыбку. Что странно, выглядел он так, словно стеснялся, когда, глядя вниз, избегал встречаться с моими глазами.

— Хорошо. Тогда я возвращаюсь к работе.

Но он не сдвинулся с места. Вместо этого Джимми посмотрел на меня так, будто больше не был уверен в том, кто я и что делала в его доме. Дрожащей рукой он приглаживал перёд своей рубашки.

Я нежно улыбнулась.

— Спасибо, Джимми. Эти объятия были как бальзам на душу.

Он замер, словно собирался что-то сказать, но не стал этого делать. Затем рассеяно кивнул и исчез.

— Скажешь хоть слово о моей одежде, и я тебя стукну, — предупредила я Джимми, сидящего на нижней ступеньке. Я была настроена серьёзно.

— Даже в мыслях не было. Когда он приедет?

Джимми окинул взглядом мои джинсы и узкий чёрный свитер. Бог свидетель, у меня было, что показать. Несмотря на мою обтянутую пышную грудь, мрачное выражение его лица так и не изменилось. С момента ухода ребят около часа назад или чуть более, он находился в тренажёрном зале, и сейчас его волосы и задняя часть серой футболки были мокрыми от пота.

— Он не приедет, — ответила я. — Мы встретимся в городе.

— Ты не веришь в то, что я не устрою ему разборку.

— Точно, не верю.

— Почему бы мне тебя не отвезти?

— Потому что я не верю в то, что ты не устроишь ему разборку, что мы уже выяснили. К тому же, я могу доехать сама, — ответила я. — Нынче женщины довольно эмансипированы. Так что в будущем к нам ещё и прислушиваться будут!

Он поднял брови и строго посмотрел на меня.

— На своём куске дерьма, а не машине, ты не поедешь, она несколько месяцев стояла без движения. Мы везде ездили на моей.

— С моим «куском дерьма, а не машиной» всё будет в порядке. Спасибо.

Он издал страдальческий вздох, словно признавая своё поражение.

— Возьми «Мерседес». Я хотя бы буду уверен, что ты нормально доберёшься.

— Как мило с твоей стороны переживать обо мне.

Он заворчал.

— А я могу взять «Куду»?

— Да ни в жизнь.

Я ухмыльнулась.

— Ты ранил меня в самое сердце, Джимми Феррис.

Он только наблюдал за тем, как я поправляю волосы у входного зеркала.

— Чем сегодня займёшься? — спросила я.

Его плечи и руки опустились, потянув за собой тонкую ткань футболки.

— Не решил ещё.

Что-то в его голосе, похожее на одиночество или некую грусть, заставило меня

остановиться. Чувства, которых я не видела прежде. Казалось, он был на грани уныния. Капризное и угрюмое его состояние было нормой, а это — нет.

— Никто из ребят не придёт? — спросила я. — Ты не хочешь поехать сам и позависать с ними?

— Они весь день здесь репетировали. Во время турне мы будем постоянно маячить друг у друга перед глазами. Не стоит начинать делать это сейчас.

Мне это не понравилось, но доля разумного в этом была.

— Сегодня не будет никакого матча? Меня здесь не будет, в кои-то веки я не буду жаловаться на их невыносимое однообразие.

— Я не в настроении для телика.

— Тогда чем будешь заниматься?

Он застонал.

— Я взрослый мужик, Лена. Уж развлечь себя я точно смогу.

— Знаю, что сможешь, — я прижала к себе пальто и сумочку. — И ещё я верю, что ты скажешь мне, если этим вечером тебе понадобится моё присутствие.

— Мне не нужно твоё присутствие.

Я задумалась, пока холодные глаза сверлили меня взглядом.

— Ключи в машине, — сказал он.

Ситуация заставила меня предположить, что будет с Джимми, если я уйду. Не важно, сколько сосулек он заморозил своим взглядом, в душе он не был холоден, просто притворялся. Но я видела его боль и неуверенность в себе. Возможно то, что Эв говорила ранее имело отношение ко мне. Нужно взять себе на заметку ни за что не дать ему сбиться с пути. Мне нужно думать наперёд, для его же блага. Любовь приходит в любых формах и проявлениях, но если она основывается не на правильных поступках для того, кого любишь, тогда чего она вообще стоит?

Ничего.

То, чем становились мои чувства к нему, была любовь. Не имело значения, насколько это меня пугало. Я почувствовала что-то вроде успокоения после принятия правды. Эта любовь могла быть обречена, а, может, и нет, но факт оставался фактом. Это любовь.

— Я думаю, тебе тоже стоит начать с кем-то встречаться, — сказала я. Вышло натянуто и еле слышно. Удивительно, что я вообще смогла выдать эти слова.

— Что?

— Я думаю, тебе тоже стоит начать с кем-нибудь встречаться ради нашего общего блага. Просто подумай над этим.

Он фыркнул.

— Мне и так хорошо. Глупая идея.

— Тебе хорошо, заперев себя здесь, и прятаясь от мира? Это не решение, так долго не может продолжаться.

— Нет, Лена, ты права, — он хлопнул в ладоши, затем быстро потёр ими. — Я вот что придумал. Давай сейчас завалимся в мой любимый бар и посидим там немного. Прикончим пару шотов за старые добрые времена, а после я сниму одну или двух девчонок и притащу их сюда поразвлечься. Звучит здорово, да? Думаю, все мы хорошо проведём время.

На это мне нечего было ответить.

— Что, не нравится такая идея?

Я изменю своё желание. На Рождество я хочу больше всего на свете, чтобы исчезла эта

дурацкая ухмылка с его лица. Никто никогда не выводил меня из себя так сильно, как он.

— Если ты закончил изображать из себя мудака, то я поясню, что имела в виду, — сказала я.

— О, будь добра, поясни.

— Я считаю, ты нуждаешься в большем, — ответила я выразительно. — Тебе нужны друзья помимо меня и ребят из группы.

— Значит, я должен встречаться, лишь бы вам стало легче?

— Нет, Джимми, — я прижала пальто к груди, как щит. — Ты должен встречаться, потому что готов. Потому что ты прекрасный мужчина, у которого есть, что предложить женщине, когда ты не ведёшь себя как законченная сволочь, как в данный момент.

Он медленно заплодировал.

— Это было прекрасно, Лена. Так поэтично. Я чуть не заплакал.

— С чего вдруг ты вообще начинаешь так себя вести? Тебе страшно? Теперь у тебя ПМС или что похлеще? Может, обнять тебя? — я сократила расстояние между нами. — Я пытаюсь понять, откуда берётся эта хрень. Ведь ты взрослый мужчина, который способен себя контролировать, но ты предпочитаешь вести себя как полный придурок, отталкивая переживающих за тебя людей. Объясни мне это.

— Это дар.

— Попробуй ещё раз, у тебя получится, — я, стоя на каблуках, возвышалась над ним как яростная фурия. Ему чертовски повезло, что у меня в руках не было оружия. Он медленно встал, из-за его высокого роста я чуть было не шагнула назад. Вот только я не стала этого делать. — Ну?

Уголки его рта приподнялись.

— Ты никогда не отступаешь?

— С какого перепуга?

В его глазах появились намёки на серые оттенки. Будто он столько всего увидел, что это добавило ему зрелости. Его голос смягчился.

— Такая бесстрашная.

— Нет, просто я отказываюсь тебя бояться, — ответила я. — Сдаётся мне, целая толпа людей за последние несколько лет вбили себе в голову привычку не спорить с тобой, не желая быть мишенью для твоих ехидных комментариев или испытывать на себе даже толику пресловутой ярости Ферриса. Это полнейший бред. Я не собираюсь вести себя так же. Ты не уставший ребёнок, закатывающий истерику, а взрослый мужик. Ты можешь контролировать себя, если захочешь. И это время пришло.

Джимми просто смотрел на меня, его лицо ничего не выражало.

— Ну так что?

Он поднял руку и заботливо, как никогда, взял прядь моих волос и заправил её за ухо. Потом наклонился достаточно низко для того, чтобы коснуться губами моего уха, и я смогла почувствовать его тёплое дыхание.

— Ты права, я вёл себя как сволочь.

— Знаю, — прошептала я в ответ.

На его губах не было улыбки, но она отражалась в его глазах. Сделав паузу, он изучал моё лицо.

— Ты не должна меня бояться. Я никогда не причиню тебе боль.

— Знаю и это.

Он никогда не сделает этого намеренно. Или специально.

— Иди. Иди на своё свидание, Лена.

Мой подбородок поднялся.

— Подумай над моими словами.

Он выдохнул, а затем скупно кивнул.

— Договорились.

— Ты уже одиннадцатый раз за последние полчаса проверяешь свой телефон. Что-то не так?

— Боже, извини, — сказала я, бросая дурацкую вещь в сумку. — Ты объяснял мне, чем конкретно занимается звукооператор, а я отвлеклась, что было ужасно грубо с моей стороны.

Мой кавалер одарил меня кривоватой улыбкой. Чёрт, он был милым. Слишком долгое времяпровождение с парнями, похожими на Богов, из «Стейдж Дайв», было чревато тем, что связь с реальностью терялась. Все они были просто идеалами для пошлых мечтаний. И парня, сидящего рядом со мной, Дина Дженнигса, можно было отнести в ту же категорию, а то и выше. У него были каштановые волосы по плечи, в губе красовался пирсинг в виде серебряного кольца. Его зелёные глаза смотрели на меня с ноткой почти неуловимой забавы.

— Я работаю на Джимми уже шесть лет, — сказал он. — Знаю, он может быть тем ещё наказанием, поэтому, если тебе нужно к нему, мы можем перенести наше свидание на другой вечер.

— Очень мило с твоей стороны, но с ним всё нормально. Джимми хотел, чтобы я вырвалась из дома, так что сейчас он, скорее всего, наслаждается свободой.

Дин кивнул.

— Я считаю, это здорово, что он смог побороть зависимость и всё такое.

— Да.

— Наверное, было нелегко.

— Было.

Он уставился на этикетку на бутылке пива. Мы сидели в подземном баре, где вовсю развлекался крутой народ. Этот бар, почитаемый группой и их поклонниками, располагался в Чайнатауне.

Возможно, Джимми упоминал об этом баре как о своём любимом, хотя он и не относился к местам, где носят костюмы. Некоторые дамочки явно пришли сюда в поисках «добычи». В баре был музыкальный автомат, играющий классические инди песни, пара автоматов для пинбола и бильярдный стол. Место было хорошим, тёмным, с душной атмосферой, также здесь делали удивительную картошку фри с перцем чили. Я бросила одну в рот, и мои вкусовые рецепторы зарыдали от благодарности. Ну, или же это произошло потому, что я млела от счастья — настолько она была прекрасна.

— Прости. Похоже, тебе не особо можно о нём распространяться, — сказал Дин, возвращая меня в очередной раз на землю.

Я прикрыла рот ладошкой.

— Нет, не особо.

— В моём контракте тоже есть пункт насчёт этого, но раз ты попал в светские круги...

— В каком же странном мире мы живём, скажи? Нам отводится всего краешек жизни

знаменитостей.

Он засмеялся.

— Да, так и есть. Кое-что из того, что мне довелось увидеть ещё в те года, когда парни были холостяками и закатывали вечеринки каждый вечер, было довольно безумным.

— Ты о фанатках или о прочем грязном белье?

— Обо всём сразу.

Он сделал ещё один глоток пива.

Что ж, теперь мне стало интересно. Я придвинулась ближе, положила локти на стол кабинки, в которой мы с ним сидели.

— Ты обязан мне всё рассказать. В мельчайших подробностях.

Дин хихикнул.

— Меня прибьют.

— Если ты не собираешься пожертвовать собой ради удовлетворения моего любопытства, то какой от тебя прок?

Он покачал головой, его глаза сияли. Какой симпатичный молодой человек. Пусть он не смертельно прекрасен как Джимми, но таких немного. Я сама-то не супермодель, но Дин придвинулся ко мне поближе, всё с той же тёплой улыбкой на губах. Периодически он бросал взгляд на холмики моей груди. На это я могла закрыть глаза. На самом деле мне это даже нравилось. Как настоящую женщину, меня оценили и это ощущалось прекрасно, ведь подобным вниманием в последнее время я была обделена.

— Я могу рассказать о том, как около пяти лет назад в Риме он пригласил пару девушек на сцену. Эта история и так получила огласку, — сказал Дин.

Я вздохнула в лучших традициях неподдельного шока. Нет ничего хуже сплетен.

— Я помню, об этом случае ходило много слухов.

— Джимми был сильно пьян, как и все остальные. Поначалу всё было круто, девчонки висли на нём во время выступления. Но потом, во время гитарного соло Дэйва, трое девушек начали прелюдию. Одна из них положила руку на джинсы Джимми, в то время как две другие расстегнули пряжку ремня и принялись за молнию. Джимми покатился со смеху, его это не заботило. На сцену поднялась охрана и остановила их, но копы отменили концерт из-за непристойного поведения. Его оштрафовали на кучу денег.

— Ого.

— Повезло, что никому не удалось сделать чёткого снимка.

— Не то слово.

Дин медленно покачал головой, его глаза светились восторгом.

— В те времена Джимми был тем ещё сорвиголовой.

Я нахмурилась.

— Он потерял контроль и вредил себе.

— Да. И это тоже.

— Как по мне, теперешний Джимми намного лучше.

— Конечно, — быстро сказал Дин. — Полностью согласен.

— Ты когда-нибудь испытывал искушение взять гитару или любой другой инструмент и выйти самому на сцену? — спросила я, меняя тему.

— Я не Джимми Феррис. Меня до жути пугают толпы. От их взглядов меня в дрожь бросает.

Что он, собственно, и продемонстрировал.

Я засмеялась.

— Да уж, меня это тоже не привлекает.

— А я про что. Но эти ребята были рождены для сцены. Особенно Джим. Он — ходячая легенда.

Я кивнула в знак согласия. А затем на меня снизошла самая отвратительная, ужасная мысль, и я не смогла выбросить её из головы.

— О боже, он же не заплатил тебе за то, чтобы ты пошёл сегодня со мной на свидание, так ведь?

— Что? Нихрена подобного, — Дин отшатнулся от меня. — Откуда взялась эта идея? Мой лоб стукнулся о стол, а волосы занавесом закрыли лицо, скрывая мой идиотизм.

— Прости. Я вовсе не имела в виду, что ты продал себя ради моего блага.

— Лена?

— Мне очень жаль.

— Лена, посмотри на меня.

Он мягко взял меня за подбородок, чтобы я подняла голову со стола. Его глаза были такого удивительного зелёного оттенка, что я даже подумала, не контактные линзы ли это. Не то чтобы это имело значение, я и так была благодарна, что они не были ледяного синего цвета. Лицо Дина было шире, чем у Джимми, менее выразительное. Он был не такого высокого роста, но смотрел на меня так, словно ему нравилось то, что видит, словно я соответствовала его критериям, чтобы это не значило. Без презрения, без нетерпения. Что приободрило меня.

— Эй, — прошептала я. — А давай просто забудем, что я спрашивала об этом.

Очень бережно он заправил мои волосы за уши, точь-в-точь как недавно это сделал Джимми. Его прикосновение меня удивило, но я не шелохнулась, позволяя Дину наклониться ещё ближе. Мне было интересно, чем всё обернётся дальше.

— Порой мне нравится ставить себя в глупое положение, — сказала я. — Это приносит в жизнь краски.

— Ладно, буду иметь в виду, — он улыбнулся. — Я рассматриваю ситуацию так: сейчас у нас есть с тобой возможность весело провести время. Поэтому, согласно данной концепции, не желаете ли потанцевать со мной, мисс Моррисси?

Может, моя улыбка была скромной, но точно не поддельной.

— С удовольствием.

Ближе к полуночи Дин проводил меня к моей машине. Под «моей машиной» я имела в виду машину Джимми. Дин внимательно посмотрел на дорогой блестящий автомобиль и ничего не сказал.

— Джимми настоял, чтобы я взяла её, — сказала я, чувствуя себя виноватой. — Он волновался за то, как я доеду в дождь. Я пыталась отказаться, но...

Дин просто кивнул.

— Как-то так.

Мне нужно заткнуться.

Из-за вспотевшей от танцев кожи и от холодного воздуха по мне стайкой пробежались мурашки. Я чувствовала приятную усталость в теле, мой мозг начинало клонить в сон. Мне нужно проснуться, чтобы доехать домой. Если я поцарапаю машину, Джимми меня убьёт.

— Я отлично провела этот вечер, — сказала я, протянув Дину руку.

С усмешкой он взял меня за руку и притянул к себе. Его губы коснулись моих. Тёплые губы, тёплое дыхание, тёплое всё, и его лицо, находящееся так близко от моего. Я не закрыла глаза, кажется, я впала в ступор. Я попала под влияние момента, глупо, но ничего не попишешь. Боже, его ресницы были такими длинными. К тому же я никогда прежде не целовалась с парнем с пирсингом в губе. К моим губам прижималось металлическое кольцо, ощущения были странными.

Он отступил и улыбнулся.

— Мне бы хотелось как-нибудь повторить.

— Мне тоже.

И я говорила серьёзно, у нас было отличное свидание.

Он засунул руки в карманы джинсов.

— До скорого.

Я пошарила в сумочке в поисках ключей.

— Спокойной ночи.

Как только я оказалась внутри машины, он наклонился и помахал. Я махнула в ответ. Он стоял на тротуаре с улыбкой на губах и ждал, пока я не отъеду.

Сегодняшний вечер был хорош, намного лучше, чем все предыдущие. Даже нечего говорить. Свидание с хорошим, умным парнем, который в конце вечера удивил меня нежным поцелуем. Это было мило. Не нужно искать кого-то, кто перевернёт твой мир и сделает счастливой. Для длительного наслаждения не обязательно наличие взрыва гормонов и мини-сердечных приступов. До чего приятные ощущения дарил теплота и умиротворение.

Джимми будет доволен.

На следующее утро, пробежав половину квартала, Джимми, хватая ртом воздух, решил сделать остановку. Ну, ладно-ладно, это была я, а не он. Джимми даже не запыхался, в то время как меня от пробежки разрывало изнутри. Вряд ли это было полезно для здоровья. Хотя сегодня я продержалась дольше, чем вчера. Прогресс — медленная постепенная мучительная штука.

— Ты вчера поздно вернулась.

Джимми наклонился, делая растяжку.

— Ага, мы танцевали.

Неудивительно, что этим утром мои голени были столь беспощадны ко мне.

Джимми издал какой-то звук. Я не поняла, что бы это могло означать.

Когда вчера в середине свидания я позвонила, чтобы узнать, как у него дела, Джимми сказал мне, что играет на гитаре. Разговор был кратким. По сути, он ответил, что с ним всё было в порядке и, отправив меня обратно к моему кавалеру, положил трубку. Для него это был вполне себе нормальный телефонный разговор.

Он выпрямился.

— Я подумал о том, чтобы мне начать встречаться.

Я постаралась не выказать своего удивления.

— И?

По-видимому, деревья, растущие вниз по улице, притягивали его взгляд, поскольку он не сводил с них глаз.

— Позвонил своей давней подруге. Она, э... недавно тоже бросила пить и отправилась на реабилитацию. Мы немного поговорили. Она подумывает приехать из ЛА, чтобы мы могли наверстать упущенное.

— Джимми, это же здорово.

Я попыталась улыбнуться. Честное слово, я старалась, как могла, но моё лицо просто окаменело.

Под «наверстать упущенное» можно было подразумевать многое. В моём извращённом сознании «наверстывание» в стиле рок-звёзд имело больше общего с совокуплением, нежели с поеданием пирожных и кофе в кафе с друзьями. В конце концов, речь шла о Джимми Феррисе. Его воздержание всегда меня удивляло. Он был как большое капризное животное, которое шаталось по дому, огрызалось и рычало. Очень уж легко моё воображение создавало жуткие картины, в которых он вонзал в кого-то свои зубы, облизывался и точил когти. О боже, а теперь я задыхалась совершенно по другой причине. Мои непристойные мысли вышли из-под контроля.

Он говорил, что может прикасаться к кому-то только во время секса. Готова поспорить, его давняя подруга будет целыми днями ходить в отпечатках его пальцев, везучая. Если подумать, это была моя очешуенная идея.

Боже, я себя ненавидела.

— Отлично, — сказала я, стараясь вызвать в памяти образ Дина. Всего такого милого, сладкого и такого мне доступного. Он не переживал душевных мук, чего нельзя было сказать о Джимми. И Дину не нужна была предостерегающая складка на прекрасном лбу.

— Ага, — Джимми наконец-то посмотрел в мою сторону, и я постаралась глубже запихнуть свои страдания. — Слушай, Лена. Мне жаль, что я вёл себя как козёл, когда ты подняла эту тему. Просто ты застала меня врасплох.

— Ты что, извиняешься?

Он дёрнул подбородком.

— Вау.

— Не стоит придавать этому слишком большое значение, — проворчал он.

— Нет. Нет, погоди. А ты можешь повторить это ещё раз?

Он закатил глаза.

— Мне жаль.

— Ты прощён. Больше так не делай, или я надеру тебе задницу по первое число.

— Ты вполтину меньше меня.

— Э, да. Но у меня хороший стимул и прекрасный выбор остроносых сапог. Считаю, я тебя предупредила.

— Да уж, — ответил он. Вышло нечто среднее между настороженностью и весельем. Вряд ли он понимал, насколько я была серьёзна. Обиженная женщина, обутая в такие сапожки, могла нанести немалый вред мужскому здоровью.

Он подошёл ближе, пристально глядя на мой рот.

— Что? — спросила я, борясь с желанием прикрыть лицо рукой.

— У тебя кожа немного поцарапана щетиной.

— О!

Я потёрла губы. Не то чтобы это могло помочь, а скорее наоборот, сделало только хуже. По какой-то причине меня скрутило чувство вины, как будто целоваться на первом свидании сродни преступлению. Всё произошло так быстро. Дин подошёл ко мне, его губы оказались на моих, и я позволила ему поцеловать себя. Это правда, отбросив чувства к Джимми, я позволила Дину сделать это. Но ко второй базе мы не переходили.

— Как это было? — спросил он, по-прежнему находясь ближе, чем требовалось, и всё ещё пялясь на мои губы. Боясь увидеть его отчуждённый взгляд, я стояла неподвижно. Я не хотела знать, какой вопрос последует далее. И если бы Джимми не спросил, я могла бы сделать вид, что прошлым вечером мы с Дином говорили о еде или о чём-то ещё таком же безобидном, как, например, погода.

— Это было... мило, — сказала я.

— Мило, — сказал он низким завораживающим голосом. — Тебе понравилось.

Я пожалала плечами. Повести себя по-другому было как-то рискованно.

— Как далеко ты позволила ему зайти?

Его взгляд блуждал по моей шее, груди. Куда бы он ни посмотрел, я, вся такая растрёпанная, мокрая и пахнущая потом, начинала гореть. Но это не имело значения, пока он вот так смотрел на меня. Мне потребовалось всё моё самообладание, чтобы не скрестить руки на груди. Я могла только надеяться на то, что спортивный свитер был достаточно толстым и свободным, чтобы спрятать какие-либо доказательства моего возбуждённого состояния. То, что мои соски затвердевали, стоило Джимми оказаться рядом, было до жути неправильным.

— Ч-что? — спросила я.

— Он забрался к тебе под одежду или нет?

— Этого я тебе не скажу.

— Как по мне, — начал размышлять он, — ты не из тех, кто быстро сдаётся.

Я расправила плечи и выпрямила спину.

— Ты прав, Джимми, я непорочная девственница. Моя способность держать колени надёжно сжатыми является примером для всех. А теперь мы можем закрыть эту тему?

— Тебе неловко об этом разговаривать?

— Ой, как будто тебя это волнует.

Уголок его рта дёрнулся.

— Что я могу сказать? Ты мне интересна, а это редкость.

— Вот здорово, я вся прямо трепещу от счастья. Но всё равно я не буду рассказывать тебе о моих отношениях с другим мужчиной.

Мои ноги двинулись с места, но вместо предполагаемого бега трусцой вышло только ковыляние. Какой стиль. Какая грация.

Секунду спустя он нагнал меня. Как всегда, его длинные ноги и физическая форма выставляли меня на посмешище.

— Да ладно тебе, Лена. Ты можешь хотя бы частично удовлетворить моё любопытство?

— Не-а.

— Разве тебя не впечатлило, что такой недоучка, как я, вообще знает подобные слова?

Он усмехнулся, но особого веселья в его голосе слышно не было.

— Нет.

Он цинично улыбнулся.

— Ну да.

— Думаешь, я, зная обо всём, через что тебе пришлось пройти в этой жизни, сомневаюсь в твоих умственных способностях и целеустремлённости?

— Ты о наркотиках и прочей фигне? Ага, я натворил до хрена всего.

— Ты успешный и опытный бизнесмен, обладатель премий, скандально известный музыкант, — возразила я. — Какой ужас, ты сделал несколько ошибок. Да кто, чёрт возьми, их не делает? Ты исправил их и двинулся дальше.

Он сощурил глаза.

— Ты так обо мне думаешь?

— Да. Ещё у тебя имеется грустная привычка иногда вести себя как придурок, но мы над этим работаем. Я возлагаю большие надежды на твоё полное выздоровление.

Плотно сжатая челюсть Джимми продемонстрировала то, что мои слова его не убедили. Очевидно, его неуверенность касательно уровня его образования глубоко пустила свои корни.

— Я сама не училась в колледже, — сказала я. — Я не была достаточно умна для стипендии. К счастью, у друга моего отца был свой бизнес, и он предоставил мне возможность работать секретарём. Иначе следующие пятьдесят лет я, возможно, переворачивала бы бургеры.

Он кивнул.

— Спасибо.

— Обращайся.

Некоторое время мы бежали молча. И, конечно же, он не мог просто оставить в покое ту тему.

— Так, Лена, расскажи-ка мне, что представляет собой хорошее первое свидание? Ты ведь разбираешься в такой хрени. Научи меня, как соблазнить девушку, а?

— Не могу разговаривать. Бегу.

Он фыркнул.

Пробежав полквартила, мы с Джимми не произнесли ни слова, и это к лучшему. Общение с ним могло пагубно сказаться на моём здоровье. Ему бы ходить с огромным красным предупреждающим стикером на лбу. Хотя нет, не только на лбу. Уж лучше пусть этот стикер закрывает всё лицо, на случай, если придётся иметь дело с его горячим телом, чтобы была хотя бы небольшая возможность устоять перед его очарованием. О, и перед его голосом... Боже правый, его голос... он был создан, чтобы заставлять петь женские прелести. Не то чтобы мне хотелось думать о сексе, пении или Джимми, или о каких-то там похотливых и страстных вариациях всего вышеперечисленного.

Вот только мои мысли были явно против меня.

— Знаешь, кажется, я совершенствуюсь, — наконец, сказала я. Желание разорвать молчание между нами определённо было моим недостатком. — У меня уже не так быстро сбивается дыхание.

— Это хорошо. Так ты планируешь ещё с ним встретиться?

— А мы до сих пор разговариваем об этом?

— Да. Почему ты готова пойти с ним на второе свидание?

Я застонала.

— Потому что он милый.

— Ты слишком часто используешь это слово. Мило. Он милый. Ты мило провела время. Не думаю, что какая-нибудь женщина употребляла это слово по отношению ко мне.

Я убрала мокрые пряди волос со щеки.

— Ты можешь быть милым, когда тебе это выгодно.

— Я не хочу быть милым, Лена, — усмехнулся он. — Но то, как ты используешь это слово, говоря о Дине, наводит меня на мысли о том, что свидание с ним было столь же интересно, сколь бизнес-переговоры с Андрианом. Может, тебе стоит попробовать встретиться с кем-то другим.

— Эй, с Дином было очень весело. Кроме того, он не докучал мне неуместными вопросами личного характера, в отличие от тебя.

— Ты перепихнёшься с ним?

— Джимми!

— Что? — он попытался спрятать ухмылку. — В чём проблема?

— Уверена, в моём договоре о найме есть пункт о запрете разговоров на тему секса. К тому же, ты ведёшь себя грубо.

— Договор о найме? — на его щеках появились ямочки. — Сдаётся мне, мы давно вышли за его рамки, как считаешь?

Он прав.

— Ну да, наверное.

— Если бы меня заботил договор о найме, я бы уволил тебя на второй день.

— И у тебя бы ничего не вышло.

Он изумлённо посмотрел на меня.

— Ну, может, и вышло. Но твоя жизнь стала бы гораздо скучнее.

— Верно, — ответил он невозмутимо. — А если бы он повёл тебе в дорогой ресторан, то ты бы позволила ему себя облапать?

— Намекаешь на то, что я продам себя за льняную скатерть и ужин из трёх блюд?

— Просто интересно. Ты была бы не первой.

— Чёрт возьми, ты не шутишь, — моя голова шла кругом от этого парня. Мы действительно из разных миров. — Это просто... что-то с чем-то...

— Что?

— Печально. Печально и только. Джимми, ты должен стремиться к большему. Попробуй встречаться с людьми, которые не будут падать на спину с широко раздвинутыми ногами только из-за размера твоего банковского счёта.

— Это делает жизнь простой и лёгкой.

— Лёг-кой. Ха. Знаешь, кажется, эта лёгкость не пошла тебе на пользу. На самом деле, она всё только запутала.

Опять это его закатывание глаз. Если он будет продолжать и дальше делать так, то навредит себе.

— Возможно, сложности, но только правильные, это как раз то, что тебе нужно, Джимми.

— Это пустая трата времени, — его голос звучал решительно. — Если это не произошло на первом свидании, какой смысл возвращаться за большим?

— Хм, полагаю, до этого ты должен дойти сам, — на миг мир стал размытым, и я сморгнула жгучий пот с глаз. — Неужели ты проводишь время с девушкой, лишь чтобы переспать с ней?

— По большей части, да... но не в твоём случае.

Он откинул назад свои волосы. А мне как раз удалось сдержать похотливый вздох. Печаль-беда, что мне доставляли удовольствие такие простые вещи.

— А что насчёт той девушки, которая к тебе приедет?

— Что насчёт неё?

— Ну, она только для секса или ты будешь пытаться построить с ней какие-то отношения?

— Не знаю, — ответил он. — Я не задумывался об этом.

Я могла бы столько всего сказать. Хотя, ни одна из этих мыслей не казалась достаточно правильной или объективной.

— А что, если дело только в сексе? — спросил он.

— Тебе не хочется большего?

— У меня есть всё, что нужно. Ты сказала, что мне стоит чаще выбираться из дома. Этим я и собираюсь заняться. И раз уж я буду делать это с девушкой, которую я не прочь трахнуть, то что в этом такого? Суть в том, что мне не нужны отношения, чтобы ты там себе не придумала.

Я потёрла глаза ладонями. Дурацкий грязный пот, приносящий такие неудобства. Из всевозможных выделений человеческого тела я обливалась именно им.

Джимми лишь покачал головой, потешаясь над моей явной глупостью.

— Итак, ты собираешься сдать после третьего или четвёртого свидания? Или когда?

Я остановилась и уставилась на него в полнейшем недоумении.

— А я разве интересовалась у тебя, как часто ты дрочишь, Джимми?

— В последнее время не реже одного раза в день, — он выдал информацию так, как будто в этом не было ничего необычного. — Моё либидо исчезло на некоторое время, но сейчас оно вернулось с лихвой. Пожалуй, твоя идея насчёт свиданий была правильной, потому что если вскоре я не уложу кого-нибудь, то сломаю себе запястье.

— Прекрати! — я прикрыла уши, делая глубокие ровные вдохи. Эти его слова были как спусковой крючок. Лучше бы моим мыслям, таким грязным, непристойным и чересчур детальным мыслям, не крутиться вокруг жутких картинок того, как Джимми себя удовлетворяет. — Мы с тобой не такие близкие друзья, чтобы обсуждать подобные вещи.

— Ты слишком серьёзно относишься к сексу.

Я сдалась и дала волю тем грязным мыслям, которые при всём желании не смогла бы заблокировать.

— Неужели?

— Да.

И последовала его улыбка, о боже, та его улыбка, которую мне захотелось убрать с его лица с помощью кирки. Я бы сделала это нежно, уж поверьте на слово.

— А ты вообще не воспринимаешь чувства, — ответила я. — Ты насмехаешься над ними.

— Я не насмехаюсь над чувствами. Но секс не всегда связан с чувствами. И ты этого не понимаешь.

— О господи, Джимми, что за клише. Прямо, ты у нас мужик-проститутка, а я чувствительная барышня. Это при том, что в действительности я далеко не такая, но, ради всего святого, по сравнению с тобой...

— По сравнению со мной, что?

— Ты слишком закрытый, вот что. Ты не позволяешь себе проявлять эмоции, пока не взорвёшься и не выйдешь из-под контроля.

С тяжёлым вздохом Джимми покачал головой.

— Объясни-ка мне, каким хреном получилось так, что наш разговор о сексе без чувств зашёл в это русло. Потому что я не врубаюсь.

— Ладно, отчасти твои слова верны, — сказала я. — Секс может быть физическим актом, чтобы почувствовать себя лучше. Ничего не имею против.

Он усмехнулся.

— Ты же только что осуждала меня за это.

— Нет. Моё осуждение касалось той части, где ты настаивал, что секс не может сопровождаться какими-либо чувствами. Просто мне кажется, тебе для разнообразия стоит заняться сексом с тем, кто тебе нравится. Это может оказаться чем-то новым, освежающим.

У него дёрнулось одно плечо. Я решила, что это он так пожал плечами.

— Ты считаешь, я должна была переспать с Дином прямо вчера, на первом свидании?

— Я такого не говорил, — он постукивал ногой по асфальту, как дикое животное, каким он и являлся. — Просто, на мой взгляд, разговоры о сексе и само занятие им не должны быть чем-то важным. Такова человеческая природа, все этим занимаются.

— Кроме нас.

— Да, кроме нас. Мне пришлось начать всё заново, понимаешь? Просто отказаться от всего и начать с нуля, взять себя в руки, — сказал он, вздыхая. — Хотя отказаться от секса — это было ничто по сравнению с отказом от кокаина. После дозы я чувствовал себя Богом, мне всё было нипочём. Очень тяжело было бросить.

— Уверена, что так.

Он улыбнулся мне, да так, что появились обе ямочки. Чёрт. У меня не только коленки обмякли, но и пальцы на ногах поджались, настолько великолепным было это зрелище, свет от звезд и лунные блики даже рядом не стояли. Да от такого даже единороги бы нафиг

улетели.

— Ну так что, Лена, родная моя, утоли моё любопытство. Когда же ты сдаёшься?

Я подошла ближе, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. Вот тогда он занервничал, ямочки исчезли, а лоб нахмурился. Так ему, б****, и надо.

— Джимми, любимый, — ответила я нежным сладким голосом. — Я не даю парню, пока он не обзаведётся яйцами, чтобы набраться мужества и поговорить со мной о своих чувствах.

Его смех следовал за мной добрую часть нашей пробежки назад к дому.

В третьем часу дня в дверь позвонили. Весь день ребята из группы и их команда занимались созданием прекрасной музыки в студии, периодически отвлекаясь на перекус из того, что было в нашем холодильнике. Благо я быстренько заказала у наших поставщиков побольше еды. Благодаря парням, работающим здесь дни напролёт, наш обычный заказ увеличивался раза в три, а то и больше. Мал мог в одиночку съесть столько, сколько весил сам. Как ему после всего этого удавалось прыгать и стучать по барабанам, оставалось для меня загадкой. Я же весь день пыталась быть полезной. Было разумным внести свой посильный вклад и помогать, чем только можно, в процессе записи альбома. Даже если для этого мне нужно было делать кофе и приносить содовую. Сегодня вместе с ними на работу пришёл Дин, что было для меня приятным дополнением.

Я вприпрыжку поднялась по лестнице, меня всю трясло. Но дыхание не сбилось, что приятно удивило, наконец-то мои пробежки начали давать результаты. Так держать!

На случай, если где-то поблизости околачивались случайные папарацци, я распустила свои волосы, чтобы спрятать лицо. По ту сторону двери, как показывала камера системы безопасности, стояла в одиночестве стройная девушка, выглядевшая так, словно ей было до жути неловко. Её лицо пряталось за огромными чёрными очками. Хм-м, интересненько.

— Кто там? — я отошла от двери и открыла её, чтобы хорошенько разглядеть гостью. И затем весь мой мир замер.

Лив. Что б её. Андерс.

Звезда кино.

Вот что за давняя подруга Джимми, которая, по всей видимости, не теряла времени, чтобы добраться до Портленда и наверстать упущенное. Моё сердце начало понемногу оживать, причём довольно медленно и мучительно. С высоты в добрых шесть футов и в одежде, взятой с витрин модных бутиков, поверх дизайнерских очков на меня смотрела девушка со светлыми блестящими волосами. Я же перед ней предстала как невзрачная брюнетка в джинсах и футболке с длинными рукавами. Какая прелесть. И это ещё не обращая внимания на мою бледную и нездоровую кожу. Несмотря на сырую холодную погоду, она обула симпатичные сандалии с ремешками, и даже её педикюр был безупречным. Ради остатков моей гордости у неё мог бы оказаться сломанным хотя бы один ноготок или типа того? Я ведь о многом не просила.

Сама же виновата. Наверное, другого не стоило и ожидать, когда западаешь на рок-звёздного Адониса. Его бывшая подруга или подруга для секса, или, кем бы она ему ни была, непременно должна была оказаться безупречной. С чего я это взяла? Да обыкновенный уход Джимми за своими волосами служил тому ярким доказательством. А то

как же, стал бы он совать свои причиндалы в кого-то менее достойного звания «СОВЕРШЕНСТВО».

— Здравствуйте, — еле выдавила из себя я.

— Лена? — она опустила свои очки. — Ты же Лена, да? Джимми говорил о тебе. Он сказал, что ты здесь будешь.

Я моргнула.

Она протянула мне руку.

— Привет.

Моя рука начала трястись ещё до того, как она её пожала. К счастью, она списала это на мою реакцию на знаменитость. Пусть девушка думает, что хочет.

— Проходи внутрь, пожалуйста.

— Спасибо.

Из-за моего странного поведения у неё дёрнулись губы, и на них возникла улыбка. Хрен с ней, я старалась, как могла, учитывая обстоятельства. Моя голова наполнилась мыслями о том, что Джимми и Лив будут вместе. Как он, со своими чёрными волосами, и она, со своим калифорнийским загаром, будут хорошо смотреться вместе, какой контраст они будут создавать, на радость объективам фотокамер.

И я не могла этого сделать. Не могла спуститься по ступенькам и наблюдать за выражением его лица, когда Джимми увидит её. Это станет моим концом. Он так редко улыбался мне, что даже от малейшего намёка на ямочки мой день наполнялся счастьем. А если он адресует Лив полноценную улыбку, то я прямо на месте окаменею от горя.

Поэтому я указала пальцем в сторону подвала.

— Они внизу. Репетируют. Они, эм... ну да. Спускайся вниз.

— Как скажешь, — её улыбка стала неживой, словно приклеилась к лицу. Походу, её актёрские способности были далеко не фонтан. — Приятно было с тобой познакомиться.

— Да.

— Увидимся позже.

Мне нечего было ей ответить.

Изящными шажками она стала спускаться вниз. Мне хотелось её ненавидеть, от этого моя жизнь стала бы легче, но Лив казалась нормальной, даже дружелюбной. Жаль, что она не вела себя как сумасшедшая сучка. Тогда бы моя дикая неприязнь к её персоне стала бы более заслуженной и обоснованной.

— Эй! — помахал мне Дин из кухни. С того момента, как он вместе с Тейлором пришёл этим утром и весь день работал в студии, нам едва ли удалось нормально поздороваться. — Я тут подумал, может, мы сегодня куда-нибудь сходим?

— Звучит здорово, — улыбнулась я ему своей лучшей улыбкой, на которую у меня хватило сил в этот момент. Милый, нормальный Дин. Его появление не успокоило моё сердце, а всё потому, что из всех имеющихся у меня органов, оно было самым бестолковым. Мне требовалась пересадка. — Я с удовольствием с тобой погуляю.

— Отлично. Целый день пытаюсь остаться с тобой наедине.

— Правда?

— Да. Но внизу всю кипела работа, — он подошёл ко мне ближе. — Мне нравится твоя причёска.

— Спасибо.

Каждая моя клеточка преисполнилась благодарностью. До чего же жалко это было. Он

потянулся к моей руке. Его пальцы прикоснулись к моим, и мы взялись за руки. Мои мышцы успокоившись, расслабились. Я не одна. Моя жизнь не закончилась из-за приезда Лив Андерс, я буду продолжать жить.

Как хорошо.

Столь незначительный интимный жест, как держание за руки, придал мне сил. Конечно, секс — это здорово, но для меня это не было самым главным в отношениях. Да и пока что я не была готова заниматься этим с Дином. Держание за руки было для меня самое то. В дальнейшем мы перейдём к поцелуям, обнимашкам, прикосновениям, и, в конце концов, к трению в соответствующих местах. Шаги, ведущие к сексу, должны приносить удовольствие в медленном темпе, ведь предвкушение свиданий и знакомство с человеком бывает только однажды. Поэтому всё должно быть сделано правильно.

И Дин был милым.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Об этом слове Джимми мог думать всё, что пожелает. Мило, оно и в Африке мило. Такое ощущение должно присутствовать в тёплом и пушистом зарождении чувств к кому-то, и я хотела испытывать подобное к Дину. Чувства к нему были приятными, безболезненными и правильными. Дни, когда я бросала своё сердце и душу к ногам Джимми Ферриса, подошли к концу.

Из-за своих чувств к Джимми я ощущала каплю вины, встречаясь с Дином. Но что, если мне не хотелось этих чувств, если бы я могла от них избавиться...

— О чём задумалась? — спросил Дин.

— О рабочей ерунде, — ответила я, что не было полной ложью. — Мне пора вниз.

— Мне тоже, — ответил он, улыбнувшись краешком рта.

И вот так, держась за руки, мы двинулись по лестнице в студию звукозаписи. Как раз тогда, когда оттуда выходили ребята с компанией.

Джимми упёрся взглядом в наши переплетенные руки, и его лицо стало суровым. Может, дело было в моём воображении, но я была почти уверена, что воздух в комнате накалился до предела.

— Если она здесь, то по работе, Дин, — сказал Джимми ровным недружелюбным тоном.

Какого чёрта?

— Точно, — Дин бросил мою руку, словно та была пропитана ядом. — Прости, Джим.

— Вообще-то, я как раз взяла перерыв, — сказала я, несмотря на то, что с момента моего устройства на работу к Джимми у меня никогда не было перерывов. К настоящему времени он задолжал мне их больше, чем пару.

У Джимми дёрнулась мышца на челюсти.

— Лена, я просил тебя принести информацию об интервью на следующей неделе.

— Она ожидает тебя в твоём кабинете.

— Я не в кабинете, Лена. А здесь.

— Так и есть. Дай мне минутку, и я принесу её сюда.

— Если тебя не сильно затруднит.

— Что ты, Джимми, конечно, нет. Для тебя всё, что угодно.

Его челюсть напряглась.

— И с этого момента давай обойдёмся без флирта со своим парнем в рабочее время, — проговорил он.

Флирта? Какого хрена. Я много чего могла сказать в ответ, но всё это могло поставить Дина прямиком на линию огня.

— Принято к сведению.

— Вот и замечательно.

— Замечательно.

Он просто смотрел на меня.

Следовательно, последнее слово осталось за мной, и я выиграла. Выкуси, высокомерный утырок с замашками тирана. Я не была уверена, было ли это проявлением ревности или чем-то ещё, но в этот раз, может быть, он обозлится и уволит меня. Он выглядел довольно злым, а его глаза обещали все виды наказания. Часть меня надеялась, что он так и поступит, моё сердце колотилось в груди. Сделай это, сделай это, сделай это.

— Хватит, — рявкнул он.

— Я ничего не говорила.

— Тебе и не нужно. Ты громко думала.

Действительно. Временами мы понимали друг друга слишком хорошо.

Во время нашей словесной перепалки все замерли, наблюдая за происходящим. Даже Лив, суперзвезда, чувствовала себя неловко. Её голова рывками поворачивалась из стороны в сторону, а глаза расширились в очевидном замешательстве.

И тогда громко и протяжно завопил Мал.

— Терпеть не могу, когда мамочка с папочкой ругаются!

Сумасшедший ударник драматично побежал вверх по лестнице к выходу. Если бы мы с Дином не придвинулись ближе к стене, нас бы отбросило в сторону. Дэвид прыснул со смеху, а Бену хотя бы хватило воспитанности повернуться спиной, перед тем как засмеяться до упада. Стоявшие сзади Тейлор и Пэм ничего не сказали. Кинозвезда всё ещё пыталась переварить происходящее. А затем её рука потянулась к руке Джимми, чтобы обхватить пальцами и сжать ненадолго его сильный бицепс.

— Джимми?

Он слегка вздрогнул, но злость с лица начала уходить.

— Да, Лив. Почему бы нам не прогуляться?

Теперь я понимала, почему она заработала свои миллионы. Её улыбка озарила комнату. К счастью для меня и моей восприимчивости, выражение лица у Джимми осталось таким же замкнутым.

— Могу я сначала поговорить с тобой? — спросила я его. Нам нужно было прояснить эту ситуацию с держанием за руки. И ещё я не могла вынести мысли о том, что он сейчас уйдёт с ней, и что потом может произойти между ними дальше. К такому я не была готова. Ещё пара минут, и я буду в порядке, если только у нас получится исправить эту последнюю ссору.

— Не сейчас, — ответил Джимми.

— Но...

— Я сказал, не сейчас.

Его ответ был подобен удару плети, и этот удар меня задел.

Вся весёлость у ребят резко сошла на нет.

— Джим, — сказал Дэвид, его лицо было серьёзным.

— Не вмешивайся, Дэйв.

Джимми протянул руку Лив, и она взяла её. По всей видимости, вопрос, касающийся

меня, был закрыт.

— Ну, мы пойдём, — сказал Бен, обеспокоенно глядя на меня, когда проходил мимо.

Я решительно улыбнулась в ответ.

— До скорого, ребята.

Боже, неужели каждый из них был в курсе моей великой неразделённой любви?

А, может, и нет. Они просто насторожились из-за «ласковых» слов моего босса. Возможно, они думали, я разрыдаюсь. Чёрта с два, для этого нужно больше, чем жестокие слова Джимми Ферриса. Сейчас Дин стоял поодаль от меня, без сомнения, переживая с своей работе, что было вполне справедливо. У нас было всего одно свидание и этого было недостаточно, чтобы губить его карьеру. Когда Дэвид проходил мимо меня, он взял мою руку и сжал её. Я не могла знать, как на это отреагировал Джимми, потому что я пошла, не оборачиваясь, вслед за Дэвидом вверх по лестнице. Но это вовсе не означало, что позже я не заставлю Джимми пожалеть о содеянном.

Лив что-то сказала за моей спиной, и Джимми ей тихо ответил. Я не хотела знать, о чём они говорили.

Я сама попросила его об этом. Я говорила Джимми начать с кем-нибудь встречаться, даже подтолкнула его. Но опять же, он сам заставил меня пойти на свидание, и тут же напал на меня за то, что я посмела взять кого-то за руку. Ярость, не хуже адского пекла, вскипела внутри меня. Сдалась мне эта хрень.

Джимми собирался идти гулять, ему было наплевать на информацию об интервью. Вместо исполнения своих обязанностей я уверенно пошла на второй этаж. Я не бежала, потому что тогда выглядела бы трусихой, которая пытается удрать и скрыться. И я даже не захлопнула дверь в свою спальню, а спокойно закрыла её.

Всё в порядке.

Я в порядке.

И пошёл Джимми Феррис к чёрту.

Где-то около пяти вечера ручка на двери в спальню начала дёргаться, пробуждая меня от послеобеденного сна. Я три часа отсиживалась в своей комнате. Кто-то менее выносливый на моём месте мог бы сразу вырубиться от слёз, но по части слёзных драм у меня была та ещё закалка.

Да и вообще.

Сколько ещё времени Джимми будет выворачивать меня наизнанку? С меня хватит. Настало время повести себя как взрослая женщина и оставить этот бред позади.

— Лена.

После этих слов ручка на двери задёргалась ещё сильнее.

Я подняла свою уставшую голову с подушки и потёрла уставшие глаза.

Раздался стук.

— Открой дверь.

— Ты пришёл извиниться? — спросила я.

— Какого хрена я должен извиняться?

Я медленно села.

— О, ну я даже не знаю. Для начала можешь попросить прощения за то, что вёл себя как лицемер, накричал на меня и поставил в неловкое положение перед другими людьми.

Некоторое время он молчал.

— Это же нелепо, открой дверь.

— Нет.

— Открой. Дверь.

— Мы сможем обсудить это завтра, Джимми. Спокойной ночи.

Это означало, что я лягу спать не поужинав. Хотя сердцу было так больно, что еда меня вовсе не заботила, и в этот раз мой желудок ничего не имел против.

После этой моей фразы Джимми взорвался.

— Этот грёбаный дом мой, и ты работаешь на меня. А то, что ты флиртуешь с парнем в рабочее время нифига не нормально. Какое же это, мать твою, уважение? В своё рабочее время ты должна уделять всё внимание мне, и ты прекрасно это знаешь. Что за хрень такая. Вы оба перешли черту. Я плачу тебе деньги, ты мой помощник, а у него хватило грёбаной наглости приударить за тобой у меня за спиной, причём в моём же доме. Он вообще не имел права трогать тебя. Я больше не хочу видеть подобную хрень. Пускай держится от тебя подальше. Этот ссыкун даже не постоял за тебя, Лена. Заметила? Я не знаю, о чём, чёрт возьми, ты думала, заводя отношения с таким мелким пустозвоном.

Я уставилась на дверь. Мне было ясно одно: Джимми утратил рассудок. В его словах не было ни единого намека на здравомыслие, но он всё продолжал говорить. По всей видимости, тот факт, что он сам свёл меня с Дином, был им полностью забыт. Невероятно. Ради сохранения своего рассудка мне было лучше перестать обращать внимание на него. Я скрестила ноги и прислонилась спиной к изголовью кровати, ожидая, когда он уйдёт.

В конце концов, по обе стороны двери воцарилась тишина. Я напрягла слух, дабы услышать хоть что-нибудь, что угодно.

Потом раздался грохот.

Бум!

От первого, пронизавшего меня до самых костей, шума я аж подпрыгнула. Следующий был не лучше. Дверь в мою комнату была выломана, и Джимми вошёл внутрь. Мне показалось, что он был вдвое выше обычного, некоторые горы рядом с ним и близко не стояли. Его глаза сверкали праведным гневом, а кожа приобрела красноватый оттенок. Может, мне и стоило его опасаться, но для этого я была слишком взбешена.

— Ты только что вышиб мою дверь? — прокричала я очевидное. — Ты что, совсем охренел?

— Мою дверь, да, — он двинулся к кровати, выглядя при этом ростом в десять футов. А затем неожиданно остановился. — Ты плакала?

— Не-а. Со мной всё зашибись. Спасибо, что спросил. Чего не скажешь о моей двери!

Я была уверена, что мои, скорее всего, красные глаза и пятна на лице говорили об обратном. Но в топку это. В этом была вся прелесть безудержного плача, последствия от которого сохранялись часами, и даже хороший сон не мог ничего исправить. Наверное, я выглядела как пугало, которое придавил полуприцеп в лице легенды рок-н-ролла Джимми Ферриса.

Он присел на край моей кровати. Казалось, его широкие плечи опустились, по крайней мере, на полфута.

— Ты плакала, точно, б****, плакала. Не ври, я тебе не верю.

Моё терпение могло скоро лопнуть. Можно было подумать, что это против него было совершено преступление, и именно я должна была извиняться.

— Моим глазам позволено делать всё, что им вздумается, Джимми. В договоре о найме об этом не было ни строчки.

Бедная дверь в мою комнату была повреждена без возможности ремонта. Он, в самом деле, её выбил. Он повел себя как сумасшедший. Как, чёрт возьми, вышло, что этот день принял столь драматичный и полный безумия оборот, я не имела понятия.

— Лена, — в его голосе послышались нотки приказа. — Посмотри на меня.

— Что? Что ты хочешь от меня услышать, Джимми? — выдохнула я.

Он отвернулся, сжав губы.

Ну и дела. Я схватила подушку и прижала её к груди.

Кажется, явные признаки того, что он перепихнулся с Лив Андерсон, отсутствовали. Не было засосов на шее или чего-то там ещё. Не то чтобы он изменил мне, но просто было такое ощущение. Тупая головная боль от всех пролитых сегодня слёз отдавалась в районе уставших глаз. Этот день мы начали со смеха и с поддразниваний друг друга. До чего было печально заканчивать его вот так.

Джимми забрался на кровать, и сел возле меня спиной к изголовью кровати. Щелчок обогревателя стал едва ли не единственным звуком во всём доме.

Мы сидели бок о бок и молчали.

Краем глаза я посмотрела на Джимми. Его руки нервно потирали колени, разглаживая его чёрные джинсы и стряхивая с них невидимые пылинки. Как только Джимми закончил с джинсами, он скрестил руки на груди. Но его пальцы всё продолжали и продолжали двигаться.

— Ты причинил мне боль, — сказала я, потому что один из нас должен был осмелиться и признаться.

Его подбородок дёрнулся вверх.

— Не делай эту штуку с подбородком, скажи что-нибудь, — сказала я. Я немного подождала. Моё терпение не окупилось. — Зачем ты выбил мою дверь?

Он повернулся и пытливо посмотрел на меня.

— Джимми?

— Я не мог этого вынести... Ты заперлась от меня, — его слова прозвучали так, как будто их вытаскивали из него с сопротивлением и криками. — Ты должна была мне ответить. Ты не должна была... Не должна была так поступать.

— Почему нет?

— Что, мать твою, это значит? — он прищурил глаза.

— Почему я должна открывать тебе дверь, если ты орёшь на меня? После того, как ты повёл себя как полная сволочь и обидел меня? А теперь остановись, поставь себя на моё место и скажи, с чего я должна была впускать тебя?

Послышалось рычание.

— И не надо мне твоей чепухи типа «я твой босс», «это мой дом» или «я плачу тебе деньги», — сказала я. — Да, это так. Но в данном конкретном случае это не имеет значения, это мы уже выяснили.

— Но...

— Нет.

Его ноздри раздулись, а эмоции можно было прочесть по глазам.

— Ты не должна была от меня запирается.

Я просто смотрела на него.

— Мне нужно... — он начал жестикулировать рукой, пытаясь подобрать слова. — Мне нужно иметь возможность поговорить с тобой лицом к лицу, хорошо?

Всё было только ради него самого. Больше ничего не имело значения.

Слова вертелись у меня на языке, отчаянно пытаюсь найти выход. Мне потребовалось некоторое время, чтобы очистить мысли и составить осмысленное предложение.

— Тебе так сильно нужно было поговорить со мной, что ты выбил мою дверь.

Он ничего мне не ответил.

— Джимми, разве это похоже на нормальную дружбу?

— Знаю. Я налажал, — сказал он грубо.

— Что ты сделал?

Меня переполнил страх. Не считая бледности, он выглядел хорошо, зрачки были нормальными. Боже, прошу тебя, только бы он ничего не принимал.

— С тобой.

— Со мной?

— С тобой. Сегодня. Я облажался. Мне жаль, Лена. Я просто... Мне жаль. Я нёс всякую хрень и не мог остановиться, хотя знал, что это неправильно, — поморщился он. — Прости.

— Если честно, Джимми, слова не помогут мне забыть сейчас обо всём.

— Что мне тогда сделать? Скажи мне. Я не знаю, как правильно делать подобные вещи, — сказал он. — Как правильно реагировать.

— Что ты имеешь в виду под «делать подобные вещи»? — уточнила я.

— Я хочу всё исправить, но только ещё больше всё порчу, — в его глазах было волнение, а его зубы были стиснуты. — В группе всегда есть музыка, которая помогает сгладить появившиеся косяки между ребятами. Но ничего такого нет в отношении тебя. Я не знаю, что делать, когда всё испортилось.

— Нужно разговаривать со мной, Джимми. А не сходить с ума, срываться на крики, вести себя грубо. Нужно просто прийти ко мне и поговорить об этом, — сказала я. — Это сложно и просто одновременно.

Джимми не ответил.

— Почему ты взбесился, когда увидел, что я держу Дина за руку?

— Я не знаю, — он низко зарычал и отпрянул, глядя мне в глаза. — Просто скажи мне, что сделать, чтобы ты меня простила. Что ты хочешь? Я куплю тебе всё, что захочешь.

— Да не хочу я, чтобы ты мне что-то покупал.

— И что же мне делать?

— Ничего, — сказала я, потому что просьба раздеться не обсуждалась. А умолять его никогда не иметь ничего общего с Лив Андерсон было просьбой номер два из той же оперы. — Можешь починить мою дверь. Было бы мило с твоей стороны.

— Конечно, я починю дверь, но, может, ты хочешь чего-то большего?

Он казался таким непреклонным, его глаза светились задором от идеи возмещения ущерба. Проблема была в том, что я не могла иметь того, чего действительно хотела. Это мы уже выяснили раньше.

— Отлично, — сказала я. — Прокатимся на «Барракуде» в моё любимое кафе-мороженое.

— Не вопрос, — пожал плечами Джимми.

— Но, — я вытянула палец перед его лицом. — Поведу я.

Его рот приоткрылся.

— Это не обсуждается. Ты спрашивал, как можешь всё исправить, и вот я отвечаю. Я веду «Барракуду», а ты сидишь на пассажирском сидении. Ты не комментируешь моё вождение и выглядишь счастливым.

— Хорошо. Но только за мороженым, — он посмотрел на меня с раздражением.

— Конечно, Джимми.

— Думаешь, ты такая умная, да?

Я улыбнулась, услышав его вопрос, и притиснулась ближе к Джимми, используя его большое тело в качестве защиты от ветра. Должен же быть от него хоть какой-нибудь толк. Было чертовски холодно, у меня зуб на зуб не попадал.

— Ты это мне? Разве солёный океанский воздух не бодрит? Как считаешь, Джимми?

Он выгнул бровь и лизнул усыпанное сверху фисташками замороженное лакомство в вафельном стаканчике. Я же в это время старалась не пялиться на его язык. Просто мой взгляд блуждал по всему Джимми, а в том, что так вышло, не было ни капли моей вины.

— У тебя мороженое тает.

— Ой, — я быстренько расправилась с подтаявшими кусочками карамельного блаженства, прежде чем они начали стекать по моим пальцам. — М-м, вкуснятина. Самое вкусное мороженое из всех. Я говорила, что здесь продают самое лучшее мороженое?

— Да, говорила. Много, много раз в течение всех полутора часов, пока мы ехали сюда.

— Эй, я могла бы отвезти нас в Сиэтл, — я пожала плечами и поёжилась в своём лёгком пальто. — Так что скажи «спасибо», что легко отделался.

— Ну да.

— Тебе ведь весело, не так ли?

Джимми бросил на меня осуждающий взгляд.

— Просто признай это.

На его губах мелькнула едва заметная улыбка.

— Мы можем уже сесть в машину, пока я не замёрзла?

— Нет. Ты не заляпаешь мороженым мою машину, Лена. Её салон обит настоящей кожей, в классическом стиле. Так что прояви хоть немного уважения.

— Не поверю, что какая-то вещь может заботить тебя больше, чем обеспечение моего комфорта.

У меня в кармане тихо завибрировал телефон.

— Уже три пропущенных.

— Ты о свидании этим вечером с Дином? — Джимми наклонился, вторгаясь в моё личное пространство. Жаль, что мне это было, ой как, по душе.

— Забыла, — я пролиستала список оставленных голосовых сообщений. — Блин.

— В последнем сообщении он, кажется, немного раздражён.

— Сказал тот, кто выломал дверь в мою спальню, — заметила я и отправила Дину короткое извинение.

— Не думай, что ему этого хватит. Прозвучало не очень убедительно, — высказался Джимми.

— Ага, но, знаешь, ты совсем недавно собственноручно наломал дров, осложнив ситуацию. И Дин мог бы догадаться, что после той сцены с твоим участием я могла немного расстроиться.

Джимми уставился на чёрное раздолье океана. Волны бились о берег.

— Я же извинился.

— Одни твои извинения ничего сразу не исправят, Джимми. Поступки влекут за собой последствия, тебе ли не знать об этом.

Он помолчал, а затем продолжил разговор.

— Ты ничего не спросила о Лив.

Всё моё тело напряглось. Я, как могла, старалась не думать о Лив. На самом деле, вопросы о ней были для меня сравнимы с суицидом.

— А что, стоило? Я как бы догадалась, что мне ни к чему лезть в чужие дела.

— Я отвёз её в гостиницу, и там мы с ней немного поговорили. Оттуда я позвонил, чтобы проверить, как ты.

Он сделал пару шагов к мусорному ведру и выбросил стаканчик из-под мороженого. Его широкая спина в чёрном шерстяном пиджаке на фоне океана выглядела как незначительная тень.

— Правда? — удивлённо спросила я.

— Да. Ты не ответила.

— Нет, не ответила. Я спала.

Джимми отвернулся, порыв ветра отбросил волосы ему на лицо. Он рукой откинул их назад.

— Я начал волноваться, что ты уйдёшь. Что ты оставишь меня и исчезнешь, как ни в чём не бывало.

— Я бы не ушла, не поговорив сперва с тобой.

— Я не был уверен, — он избегал моего взгляда. — После того как я с тобой обошёлся, мне казалось, ты могла попросту плюнуть на всё.

— Поэтому ты был так взвинчен?

Он втянул щёки, затем кивнул. Вдруг мороженое потеряло вкус и для меня. Я тоже выбросила его остатки и облизала свои липкие пальцы. Джимми всё это время наблюдал за мной с ничего не выражающим выражением лица. Вести этот разговор было всё равно, что идти по минному полю. Всё, что я могла сделать, это сказать правду, поступив, как было лучше для нас обоих.

— Я ревновала, — призналась я, выложив всё, как было. — Вот почему я хотела поговорить с тобой, попросить тебя не уходить с ней. Просто я ещё не была готова.

— Да, я знаю.

Я кивнула, засунула руки в карманы и начала ждать. Подождала. И снова подождала.

Но ничего не услышала.

Мне удалось сдержать стон. Но с трудом.

— Джимми, теперь твоя очередь признаться, что ты ревновал, когда увидел, как мы с Дином держались за руки. Отношения предполагают не только получать, но и отдавать что-то взамен, понимаешь?

Он фыркнул. После чего усмехнулся. А затем оглянулся вокруг, его рот скривился так, будто он попробовал что-то гадкое. Я почти ждала, что он сорвётся с места и убежит, исходя из ранее проявленной им тактики избегания щекотливых ситуаций.

— Не торопись, скажешь, как будешь готов, — подсказала я.

— Я...

— Да?

Он моргнул.

— Полагаю, я не задумывался, каково это будет, если тебе действительно понравится кто-то из предложенных вариантов.

— Даже при том, что именно в этом заключалась вся суть свиданий с другими парнями? В том, чтобы мне понравился кто-то больше, чем ты.

Он пожал плечами.

— А теперь-то ты образумился? — спросила я.

— Да, — усмехнулся он. — Конечно, всё пучком. Такого больше не повторится.

Ох, уж этот червячок сомнения, он крепко укоренился внутри. Но я не могла заставить Джимми признаться в том, что я волную его больше, чем ему того хотелось. Я никак не могла повлиять на него.

— Чудненько, с этим разобрались. Мне правда понравилось гулять с Дином, и я с удовольствием встречусь с ним ещё раз.

— Вот и славно.

— При одном условии.

Он с опаской посмотрел на меня.

— Каком?

— Ты встретишься с Томом.

Королевский подбородок взлетел до невероятной высоты.

— С заменой на твоё место? Нет. Чёрта с два. Мы уже это обсуждали. Сдержи своё слово, Лена.

— Для меня эта работа с самого начала носила только временный характер. Учитывая, как сильно мы друг на друга уже надавили, мне кажется, было бы разумно иметь запасной план на случай, если я не смогу продолжать.

Я расправила плечи и выпрямилась.

— Я не уверен, что нам стоит делать это.

— Джимми...

— Если бы ты только приложила больше усилий, Лена.

И вот настал он, тот самый момент, когда обрушилось осознание того, что трудная любовь утяжеляет жизнь всем, кто к ней причастен. Но лишь изредка без этого можно было обойтись.

— Я не спрашивала твоего мнения, Джимми. Я сказала. Ты поговоришь с тем человеком.

Какое же удивление отразилось в его глазах, жаль, что я не запечатлела этого на фото. У него заходили желваки, а лицо напряглось.

— Как, б****, скажешь.

Я протянула ему ключи от машины, поблёскивающие в лунном свете.

— Хочешь отвезти нас домой?

Он выхватил их из моей руки. Что-то подсказывало мне, что впереди нас ждёт длинная и болезненная дорога.

На следующий вечер мнение Джимми касательно нового ассистента не улучшилось. Его сопротивление весьма высокому, худощавому и вежливому Тому Муркомбу отчетливо читалось по языку тела. Стоило Джимми ещё немного развернуться, как он оказался бы полностью повернутым спиной к бедному парню.

— Том участвовал в нескольких консультациях, Джимми. Разве не любопытный факт? — сказала я; от сильного стискивания у меня уже болела челюсть. Головная боль от напряжения медленно, но неуклонно давила на глаза. — Джимми?

Придурок даже не оторвался от телефона. Это всё равно, что возиться с младенцем, причем очень капризным. К несчастью, он расположился по другую сторону комнаты, вне досягаемости моего пинка. Мне бы не хотелось запускать в него подушкой на глазах у Тома. Но, быть может, это припасти в качестве самого крайнего варианта.

— Джимми?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Чего?

В дверь позвонили. Повезло же гаду.

— Я открою, а вы пока поговорите.

Я бросила на неотесанное хамло многозначительный взгляд.

Он просто моргнул.

Не успела я дойти до двери, как в дом ввалились Мал с Беном.

— Приве-е-етик, Лена. — Мал так энергично пожал мою руку, что я начала опасаться, как бы он не вывихнул мое плечо. — В своем костюме у тебя хитрый и строгий вид. Я бы определенно слушал твои приказы, если бы мое сердце и душа не принадлежали другой.

— Спасибо.

Я купила темно-синий костюм, чтобы произвести на Тома правильное впечатление. Джимми лишь странно посмотрел на мой наряд и сказал, что двойные пуговицы не идут девушкам с такими параметрами как у меня. С тех самых пор я не перестаю нервно возиться с пуговками на рубашке.

— Нам в гостиную? — спросил Бен, двинувшись в упомянутом направлении.

— Погоди, мы...

— Привет.

За парнями в дом вошли Дэвид, Эв и Энн. Девушки были при марафете: на первой надеты джинсы и облегающий топ, на второй — классное, сексуальное платье зеленого цвета из трикотажа. Но их обалденное чувство стиля не давало ответы на вопросы, возникшие в моей голове.

— Привет, — сказала Эв, целуя меня в щеку, в то время как Дэвид одарил меня привычным кивком.

— Жду не дождусь сегодняшнего вечера, — сказала Энн.

— Здорово, — улыбнулась я.

Она замерла и внимательно посмотрела на меня.

— Блин, ты понятия не имеешь, что происходит, не так ли? Эв!

— Что стряслось? — к нам в своих клевых ботинках повернулась Эв.

— Лену не посвятили в планы.

С её лица сошла улыбка.

— Совсем?

— Да.

— Вот дерьмо.

— Ага.

— Прошу, объясните, — протянула я немного отчаянно, — что происходит? Почему все здесь?

— Джимми пригласил нас на ужин, — ответила Эв.

— Серьезно?

И через открытую дверь вошла, как мне показалось, маленькая армия официантов и один повар. Огромное количество черных костюмов и среди них один самый высокий с широкими плечами и с белым пышным колпаком на голове.

— Мы начнем приготовления, — сказал главный из вошедших официантов.

— Хорошо, — пробормотала я, поворачиваясь обратно к Энн и Эв. — Он переиграл меня.

— Иногда, — сказала Эв, закидывая руку мне за шею, — тебе просто нужно следовать за Джимми.

— С ума сошла? Он приведет меня напрямиком в ад.

— Может быть. Но ты ему нравишься, поэтому, думаю, он вернет тебя в целостности и сохранности.

Сощутив глаза, я уставилась на обезумевшую женщину.

— Мы ведем собеседование с моей заменой. Прямо сейчас.

Улыбка сошла с ее лица. Снова.

— Нам нужно в гостиную, — донеслось от Энн.

— Значит, Том. Тебя же Томом зовут, да? — Мал замечательно владел своим голосом.

Он хорошо разносился по всем мраморным залам мини-особняка Джимми.

Мы втроем помчались в гостиную.

Барабанщик расположился возле бедного невинного Тома, закинув руки на спинку двухместного дивана.

— Да, мистер Эриксон. Всё верно. — Резко выраженный кадык Тома дернулся.

Боже помоги ему — они сожрут его живьем. Я бросила на Джимми убийственный взгляд, что было бесполезной тратой времени, так как он даже не соизволил этого заметить.

— Том, считаешь ли ты себя рокером? — спросил Мал.

Мое сердце замерло, когда Том застыл на месте.

— Э, вообще-то, я предпочитаю слушать классическую музыку.

Бен фыркнул от смеха. Его имя больше не числится в списке людей, кому дарить подарки на Рождество.

— Ай, молодца, Лена, он прям идеально подходит. Хорошая попытка.

— Том был приглашен сюда, чтобы обсудить возможность стать трезвым надзирателем Джимми, — вставила я. — А какую музыку он слушает, к делу не относится.

— Конечно-конечно, — ответил Мал мягким тоном. — Просто было любопытно.

Эв присела возле Дэвида на подлокотник кресла, а Энн уселась между Беном и Джимми на диване, напротив Тома и Мала. Поскольку наш дом был набит битком, и свободных мест не осталось, я решила постоять.

— Что ж, Джимми любит в свободное время тренироваться, — сказал Мал. — Как ты относишься к пробежкам и подъему штанг, Том?

Вряд ли ответ положительный. Судя по виду, Том не поднимал ничего тяжелее книги.

— Достаточно, Мал, — заступилась я. Кто-то же должен был.

— Сейчас с ним бегаешь ты, Лена. Он привык к компании. Ты бы смогла отказать ему в этом? Мы все хотим для Джима только лучшее, так ведь?

Вышеупомянутый человек сидел, прикрыв рот ладонью и отвернув от меня половину своего лица. До чего я охрененно счастлива, что его радовала эта ситуация.

— Он до сих пор бегаёт сам и неплохо справляется.

Я выпрямилась и уперла руки в бока.

— Очень даже может быть. К тому же, Том, Лена всё свое свободное время проводит с Джимом, смотря телевизор или просто зависая вместе. Для тебя это будет проблемой?

Парень обеспокоенно посмотрел на меня.

— Быть трезвым надзирателем это, конечно, важное обязательство. Но... разве у нее нет своей жизни?

— Конечно, у меня есть своя жизнь, — ответила я, немного повысив голос.

— Джимми — смысл ее жизни, Том. Он — её всё. — Мал закинул ногу на ногу и сполз по спинке дивана. — Готов ли ты пойти на такое?

Том побледнел.

— Еще Лена работала с Джимом над разрушением границ, связанных с физическими прикосновениями. Что-то типа терапии с объятиями. Уверен, ее следующий шаг в этом деликатном процессе будет заключаться в еженощном перепихоне, с использованием более продвинутой практики объятий. Для тебя это не проблема?

Том в замешательстве осмотрелся по сторонам.

— Так, — хлопнула я в ладоши, привлекая внимание всех присутствующих. — Джимми, топай на кухню, нам нужно поговорить. Сейчас же.

Он медленно встал со своего места. Лицо спокойное, как ни в чем не бывало.

Я обратилась к барабанщику:

— Еще слово, Мал, и я тебя пристрелю.

Ужаснувшись, Мал отодвинулся дальше.

— Вот угрожать насилем вовсе не обязательно. Том, скорее проконсультируй ее, а то она пойдет по наклонной!

В этот момент, слава богу, вмешалась Энн и спасла положение. У нее это получилось сидя со слегка раздвинутыми ногами. На самом деле это было потрясающе, как будто Мал был, своего рода, под гипнозом, когда дело касалось девушки и ее сексуальности. Его пристальным взгляд был устремлен на увеличивающееся расстояние между ее коленей, и всё остальное уже не существовало. Тень под ее юбкой, казалось, взывала к нему на каком-то мистическом уровне. Или на уровне паха, трудно точно сказать.

— Так, о чем это я говорил? — пробормотал Мал, наклоняясь для лучшего обзора под юбку Энн.

— Ни о чем таком, — ответил Бен, уткнувшись в телефон.

— Вроде о том, что Том кажется отличным кандидатом на эту должность. — Эв обвила Дэвида за шею. — Не то чтобы мы хотели потерять Лену.

— Точно, точно. — Мал опустил голову чуть ниже.

У всего есть свой предел, в том числе и у дивана, на котором сидели Том с Малом.

Поэтому, когда Мал скользнул еще дальше, чтобы заглянуть между ног Энн, он шлепнулся с края. Дэвид хохотнул, а Эв улыбнулась. Большой Бен даже не заметил: настолько он был поглощен набором сообщений. Я так обожала этих человечков, они сводили меня с ума, в хорошем смысле слова.

Энн лишь улыбнулась:

— У-упс! Малыш, ты в порядке?

— Норм. — Оставаясь на полу, Мал сел ровнее. — Но мне нужно сказать тебе кое-что в ванной.

— Правда?

— Ага. Прямо сейчас.

— Что-то хорошее? — спросила она. В ее глазах плясали похотливые огоньки.

— Да, кое-что хорошее. Из серии «то, что нужно показать», мне кажется, тебе понравится.

— Ладно.

Мал вскочил на ноги и вскинул вверх руки.

— Ура! Быстро потопали. Шевелись, женщина, нечего упускать время.

Под хохот Мал вывел Энн из комнаты. Ох уж эта юная любовь и все дела.

— После тебя, — сказал Джимми, спокойно встав возле меня, что мгновенно вернуло мою ярость.

— А знаешь, давай-ка поговорим в кабинете, — ответила я. — Я забыла, что сейчас на кухне орудуют твои официанты.

— Как скажешь, Лена.

Я должна была знать, что он что-то планировал. Для кого-то столь сопротивляющегося идеи моей замены, он весь вырядился для встречи. Черная рубашка с длинными рукавами, черные брюки и блестящие туфли украшали его любимого. Его волосы были аккуратно зачесаны назад. Обычно он болтался по дому только в джинсах и футболке. Факты на лицо. Но я всё еще могла спасти ситуацию, черт побери, сразу после того как убью Джимми.

Вот только было уже слишком поздно. Том довольно резко поднялся на ноги.

— Думаю, мне лучше уйти. У вас еще столько гостей.

Я шагнула вперед.

— Что? Нет. Том...

— Какая жалость, — ответил Джимми. — Было приятно познакомиться. Увидимся.

— Замолкни.

Я обернулась к консультанту, протянув руки.

— Пожалуйста, Том. Просто... если бы ты только дал мне минутку поговорить со своим работодателем. Они не всегда такие.

— Не ври ему, — сказал Джимми. — Я и мои друзья почти всегда ведем себя так.

— Способ отправить его на самое дно, — зарычала я.

— Честность — лучшая стратегия.

— Ну ты и скотина.

— Язык, Лена, — с неодобрением сказал он. — Следи за своим чертовым языком.

Том прочистил горло, выпрямляя свой и так уже непозволительно ровный галстук.

— Мистер Феррис, боюсь, я должен снять свою кандидатуру с борьбы за эту должность.

И, Лена, ты кажешься хорошей, но эти отношения с твоим работодателем выглядят не здоровыми.

— Эй, — сказал Джимми, с презрением глядя на мужчину. — Ты ничего об этом не знаешь.

— Том, поверь, я знаю это, — сказала я. Человек, очевидно, мог распознать катастрофу, когда видел ее.

Кивнув еще раз, он вышел, унося с собой мою последнюю надежду на легкий выход из ситуации. На самом деле это всегда было несбыточной мечтой, я должна была это понять. Все, что касается Джимми, никогда не будет легким.

Кстати говоря, я воспользовалась возможностью шлепнуть его по руке тыльной стороной ладони.

— А это зачем? — скулил он, потираю свою руку, как если бы я причинила ему боль. Такой, блин, ребенок.

— Даже не начинай.

Он начал хмуриться еще сильнее.

— Поговорим в кабинете?

— Нет, какой в этом смысл? Ты уже заставил его сбежать, — сказала я, сложив руки под грудью. — Отличная работа, Джимми.

— Ты сказала, что я должен с ним встретиться. Я встретился.

— Ты уже выполняешь ее приказы? — спросил Бен, на этот раз, отложив телефон. — Когда это началось?

Джимми даже не удостоил его взглядом.

— Заткнись, Бен.

— Да, ты встретился с ним, — сказала я. — И затем ты его запугал. Возможно, ты отобрал лет десять его жизни.

— Это не я. Это Мал. Чёрт, никто не может его контролировать.

Я ткнула его в грудь.

— Ты натравил Мала на бедного, ничего не подозревающего человека. Это жестоко, Джимми

— Эти люди моя семья, Лена. Предполагалось, что я должен спрятать их, как если бы я стыдился их? Парень был осуждающим придурком с палкой в заднице. Он бы продержался со мной две секунды. И никогда бы так и не поработал.

— Это не правда. Ты принял решение до того, как он вошёл.

Он сжал челюсть.

— Лена, послушай, давай оставим всё как есть. Все на месте. Мы можем теперь поужинать.

— У меня свидание с Дином. Приятного ужина.

— Что? Ты мне об этом не говорила.

— Ты знал, что я собираюсь встретиться с ним ещё раз.

Маленькие морщинки появились возле его губ, и это не было признаком радости.

— Но не сегодня. Я организовал это.

— Да, без моего ведома. Очень жаль, ничего не могу сделать.

Он поднял подбородок и секунду молчал, смотря на меня.

— Тебе не жаль.

— Да? Хорошо, я думаю, что зла на тебя сегодня, — сказала я, кровь всё ещё на большой скорости текла по моим венам. — В определенном смысле тяжело переживать о твоих чувствах, когда ты так мало думал о моих.

— Это несправедливо, — выплюнул он.

— О, правда?

— Ты же знаешь, я стараюсь.

— Не сегодня, — я сказала. — Сегодня ты просто сделал все, что хотел, и наплевал на всё, что было важно для меня.

Послышался шум, и я даже испугалась, развернулась на каблуках и осмотрелась вокруг. Я полностью забыла обо всех. Совершенно забыла о трёх зрителях, сидящих в отдалении и наблюдающих развернувшуюся драму. Дэвид выглядел потрясенным, его рот был раскрыт. Эв была занята тем, что потирала его плечи, успокаивая. Между тем, бас-гитарист был бледен, и его глаза были широко раскрыты.

— Хм, — сказал Бен.

Дальше по коридору, Мал и Энн выпали из ванной на первом этаже, оба смеясь. Они всё ещё надевали свою одежду. Это было бы прекрасным отвлечением, если бы я остановилась возле двери.

— Быстро же вы, — сказал Джимми, резким голосом.

— Зато продуктивно, — крикнул Мал. — Заткнись, Джимбо. Что ты знаешь о значимости интимных отношений.

— Кажется, Джим сейчас знает больше, чем мы представляем.

Дэвид испытующе посмотрел на своего брата.

Джимми стиснул зубы.

— Отвали, Дэвид. Она работает на меня. Конец истории.

Это не ранило. Не могло. Даже моё глупое сердце должно в итоге принять правду. Эта особенно жестокая реальность, с которой я сталкивалась так много раз, что на месте ран образовались большие уродливые наросты.

— О, ясно, — сказал Мал, продолжая застегивать джинсы. — Интересно. Я собираюсь рассказать вам, что сказал сегодня Киллеру во время дрессировки, когда он пытался взобраться на пуделиху, которую только встретил. Если она что-то для тебя значит, ты должен ухаживать. Ты не должен пытаться только вставить ей.

— Ради Бога.

Джимми потер лицо руками. Это звучало бы забавно, если бы речь шла не обо мне.

— И на этой ноте, я уйду, — сказала я, махнув и пятясь назад. Конечно же, я задела бедром угол стола — быстрый и беспрепятственный уход не для меня.

— Чёрт, ауч. Хорошего вечера.

— Ты в порядке? Лена, ну давай же. Выпусти пар. — Он тяжело сглотнул. — Не переживай об этом консультанте.

— Том. Его имя было Том.

— Я организовал ужин, чтобы извиниться перед тобой за дверь.

Я пожала плечами в пальто.

— Нет необходимости. Я уже простила тебя за это. Почему вместо этого ты не стараешься извиниться за срыв встречи с Томом?

Его губы поджались.

— Верно. Итак, почему бы тебе не позвонить Лив, Джимми? Уверена она с удовольствием примет приглашение. Я встречаюсь с Дином в городе и уже должна идти.

— Спокойной ночи.

Я сбегала вниз по лестнице. В этот момент, мне просто необходимо уйти так далеко от него, насколько возможно. Жаль, что я пропускаю вечер с Эв и ребятами. Несмотря на все безумие, они все больше и больше походили на настоящую семью. Сейчас я могла закончить с этой частью.

В псевдо-байкерском баре было жарко и людно, и уж точно не весело. Если ещё хотя бы один опрятный и утянутый в кожу выпендренник случайно столкнётся со мной, я заеду ему по морде. И, по всей видимости, эти кадры были из окружения Дина. Кажется, он знаком со всеми посетителями. И ежу понятно, что ни один уважающий себя байкер даже шагу не ступит в подобное заведение. Не нужно быть экспертом в их культуре, дабы понять, что этот бар фальшивка. Хотя куда безопаснее находиться в компании парней, носящих лёгкие кожаные ботинки, нежели настоящие байкерские сапоги.

Готова поспорить, народ на ужине у Джимми веселится.

Возможно, я не должна была даже пытаться навязывать ему Тома. Дерьмо, я больше не имею ни малейшего понятия что правильно, а что нет, когда дело касается Джимми Ферриса. Как если бы я только начинала работать с ним. С первого же дня, я была не в своей тарелке, находясь в кишачих акулами водах. Я гадала, позвонил ли он Лив и пригласил её, как и предлагалось. Ревность поползла по моему позвоночнику. Свидания — это то, что нужно Джимми. Моя неспособность обрести внутренне спокойствие и гармонию было моей личной чёртовой проблемой.

Пришло время с этим смириться, детка.

Дин стоял в нескольких шагах от меня, погружённый в беседу с каким-то парнем о преимуществах тех или иных резонаторов. Его не в чем было обвинить. Сегодня я была самым плохим в мире собеседником. Я играла соломинкой в своём джине с тоником, толкая дольку лайма то влево, то вправо. Туда-сюда, туда-сюда. Я ещё по-настоящему и не пила, это ощущалось неправильно. Как если бы я предавала кого-то, это глупо, но правда.

«Стейдж Дайв» гремели в звуковой системе, и я изо всех сил старалась не закричать. Дополнительное доказательство тяжести моего положения. Всем моим миром был Джимми Феррис, и это полностью моя чёртова вина. Годами я плыла по течению, справляясь с предательством моей чудесной сестры и её прекрасного жениха. Настало время начать вновь строить планы. Если бы только я могла выяснить чего же я хочу.

Может, мне стоит поговорить с Пэм снова, расспросить о том, как она стала фотографом. Было что-то такое в подборке кадров и взгляде на мир через объектив, что завораживало меня. От скуки я вытасила свою камеру и сделала некоторые снимки. Покачивающиеся дреды одного из мужчин-барменов, в то время как он делает коктейль. Куча вытянутых вдоль бара рук клиентов, требующих принять заказ. Частичный снимок двух женщин склонившихся друг к другу и державшихся за руки. Это было весело. Вечер был спасён.

Я направила взгляд на ряд бутылок за барной стойкой. Экран телевизора за ними привлёк моё внимание, и я опустила камеру. На экране было до боли знакомое лицо. Кровь застыла у меня в жилах.

— О, нет.

Лицо было размытым, но это точно была она, мать Джимми и Дэвида. Её обычно

болезненно-белая кожа была скрыта ярким макияжем. Эта сучка была похожа на мандарин с кораллово-розовыми прорезями вместо губ и с достаточным количеством противного дерьма в голубых глазах. Далее была серия фотографий Джимми, входящим в реабилитационный центр, на следующих он явно под кайфом. Потом змея собственной персоной сидит на диване, изливая свою душу перед камерой, как будто слезы в ее глазах могли бы быть доказательством. Бегущая строка с текстом была в нижней части экрана, и это было хорошо. Из-за музыки ничего не было слышно.

— Я бездомная. Живу на улице, в то время как они живут в особняках. Они повернулись ко мне спинами, потому что у них есть деньги и слава. Они стыдятся своей простой любящей семьи. Это предательство. Мое сердце разбито, я не знаю, что ещё могу сказать.

Большая крупная слеза скатилась по ее лицу, оставляя след на макияже. Такая же разодетая блондинка репортёр прошла вперёд, взяла её за руку и предлагая утешение.

— Дерьмо, — пробормотала я.

— Лена? — Дин схватил меня за руку. — Что не так?

— Я должна идти. Мне жаль. Мне нужно идти.

Я сбросила его руку и ушла не оборачиваясь.

Он что-то выкрикнул, но я не остановилась. Пока-пока байкерский бар. Из-за каблучков я не могла попасть домой достаточно быстро, поэтому они должны исчезнуть. Я прыгала на одной ноге, срывая по очереди то одну, то другую туфлю, избавляясь от обеих. Резкий холод от бетона обжег мои ступни, грязь и гравий прилипли к моей коже. Всё, что имело значение, — это добраться домой.

Джимми.

Пожалуйста, пусть с ним всё будет в порядке. Он не воспримет это хорошо, никто не смог бы, когда твоя собственная чёртовая мать продаёт тебя. Женщина была чистым злом. Моё сердце колотилось, и пот выступил на лбу. Люди, лучше уйдите с моего пути.

— Где эти чёртовы ключи? — бушевала я, разыскивая в сумке ключи, полностью забыв, что Мерс откроется даже когда они просто рядом. Спасибо гребаным технологиям.

Я запрыгнула в машину, при этом хлопнув дверью. Двигатель включён, и я уже в пути, прорываясь через ночное движение. Кто-то преградил мне путь, и я объехала его, сигналив. Парень показал мне средний палец, как будто меня это волновало. Хотя если бы коп увидел, как я еду, мне был бы конец.

Казалось, что путь домой занял вечность, и когда я была на месте, каждая лампа в доме сияла, как некий зловеющий маяк в тумане. Даже в фильме ужасов не было так страшно. Я въехала на подъездную дорожку, визжа шинами. Один из официантов испуганно выглянул из задней части белого фургона, в котором упаковывал вещи.

Я вбежала в дом.

— Джимми.

Эв появилась на верхней ступеньке.

— Сюда, Лена.

У меня, наверное, лопнуло одно или даже два легких где-то по пути, потому что всё, на что я была способна, — это пыхтеть. Я была на месте, и это всё, что имело значение.

Все слонялись возле двери комнаты Джимми, включая Лив. Ее пригласили до или после того как я решила не присутствовать? Это не имеет значения.

Напряжение и боль отражались на лице Дэвида.

— Эй, Лена. Он закрылся и отказывается говорить с кем-либо из нас. Она здоров

подпортила его репутацию, добралась до него наихудшим образом.

— Могу себе представить. — Учитывая то, что она сосредоточила свою атаку на него в Айдахо, это имеет смысл.

— Можешь дать нам минуту?

Вокруг было множество встревоженных взглядов. Мал и Бен ждали, что скажет Дэвид.

— Пожалуйста, — сказала я.

В конце концов Дэвид кивнул, и группа медленно направилась вниз, Энн слегка подтолкнула Лив локтем. Не важно, как часто Лив оборачивалась, я не встречалась с ней взглядом. Один катаклизм за раз и хватит. Я дождалась пока последний из них уйдет, мои ноги замерзли. Потом я постучала в дверь.

— Джимми?

Ответа нет.

— Джимми, это я. Открой дверь, пожалуйста. — Я снова постучала, затем подергала ручку. Конечно же, она была закрыта. — Джимми.

Ничего.

Я положила ладони на гладкую деревянную поверхность двери в мольбе.

— Я знаю, что ты расстроен и хочешь побыть один, но я никуда не уйду, пока мы не поговорим. Ты должен меня впустить, мне нужно убедиться, что ты в порядке. Открой дверь, пожалуйста.

Тишина заполнила коридор.

— Джимми?

Ничего.

— Так или иначе, но я войду.

Я облокотилась лбом о дверь, разочарование грызло меня изнутри. По крайней мере, не было слышно ни звуков ударов, ничего не крушилось, только страшная тишина. Идея, о том, где были его мысли сейчас, пугала меня. Ненавижу чувствовать себя беспомощно. Его вспышка гнева в тот вечер, когда я закрылась от него, дает повод для размышления. Боже, мы облажались. Вот тебе и просто работа ассистентом.

— Джеймс Дилан Феррис, открой эту чёртову дверь. — Я ударила ладонью по двери, ожидая и надеясь, хотя на самом деле и не рассчитывала, что он ответит. Упрямый идиот. — Хорошо. Потом не говори, что я не предупредила.

Если смог он, смогу и я.

— Ты не будешь держать меня на расстоянии.

Ну, на самом деле, насколько тяжело выбить дверь? Люди постоянно это делают в фильмах. В последнее время я бегаю трусцой и была в лучшей форме, чем когда-либо, несмотря на то, что пот покрывал сейчас мою спину. Иногда девушка просто должна сделать то, что должна. И я должна добраться до Джимми. Он не открыл дверь своей семье, и привлечь их к этому не имело смысла. Я постараюсь всё сделать сама. Всё, что я знала, так это то, что он мог снова плакать, и если я позволю Дэвиду и компании увидеть его таким, это будет плохо. У этого мужчины есть гордость.

Я сделала несколько шагов назад, согнула руку и врезалась в дверь. Приложилась на всю силу.

Бам!

И твою мать, ауч.

Дверь затрещала, и мою руку от плеча до локтя охватила резкая боль. Моя плечевая

кость обезумела, заставляя меня вздрогнуть. Хорошо, это было сложнее, чем казалось. Время испробовать что-то другое.

Я подняла ногу, и, глубоко вдохнув, собралась с силами. Некогда взвешивать «за» и «против». Да, я смогу и сделаю задуманное, ведь я женщина. Внимайте же мой рык.

Но вместо рыка получился вой.

Мою ногу после соприкосновения с дверью накрыло не просто волной боли, а их бесконечной чередой.

— Твою ж налево! — Я шлёпнулась на пол (добавим задницу к числу пострадавших частей), на глаза навернулись слёзы. — Ай.

Дверь открылась.

— Лена?

— Ага.

Из-за слезящихся глаз, образ Джимми проплыл передо мной.

— Привет.

— Что, чёрт побери, ты сделала?

— Я пыталась выбить твою дверь. Не получилось. — Мой голос был тихим, жалким и унылым. Я не хныкала. Вместо этого я крепко держалась за поврежденную лодыжку, бормоча проклятия из-за приступов боли. — Мне кажется, я вывихнула её.

Множество шагов послышалось на лестнице.

— Она в порядке?

Вроде, это был Бен.

— Принесите лёд, — поручил Джимми, опускаясь на колени возле меня. — Лена, о чём, чёрт возьми, ты думала? Ты недостаточно сильна для того, чтобы выбить дверь, чёрт тебя дери.

— Ладно, я не знала этого, — икнула я, быстро моргая, стараясь остановить позорные слезы, которые текли по моему лицу, реки ублюдков. К счастью, Джимми стоял между мной и остальными. Иногда прятаться было самой лучшей реакцией, если ты надеешься, что на утро у тебя останется хоть какая-то гордость.

— Дай я посмотрю. — Он убрал мою руку, осторожно ощупывая лодыжку. — Пошевели пальцами.

Я так и сделала.

— Возможно, хотя бы не сломана.

— Нет.

Нежно он очистил мои ступни.

— Почему твои ноги такие грязные.

— Новости вышли в эфир, когда я была в баре. Ты когда-нибудь пытался бегать на каблуках?

— Окей, успокойся.

Без предупреждения он просунул руку под мои колени. Вторая рука направилась за мою спинку и вверх. Вау, этот мужчина был сильным. Не было слышно ни скрипа в коленях, не было жалоб на боли в спине. Должно быть, окупился весь вес, который он поднимает на тренировках. Он внес меня в комнату и положил на свою постель, в то время как я смаргивала слёзы с глаз. Моя лодыжка, казалось, превратилась в горячее пульсирующее месиво.

Прежде я никогда не была в комнате Джимми. Его огромная кровать была застелена

очень мягким постельным бельём — египетский хлопок по ощущениям. Стены были покрашены в мягкий серый цвет, и темная деревянная мебель была тщательно расставлена по комнате. Неудивительно, что он был в ужасе от обстановки в моей комнате. Если не считать разбитую лампу в углу на полу, всё было безупречным. Он увидел брошенный мною взгляд на разбитую лампу и промолчал. Тени в его взгляде были ужасны.

Будь проклята та гадина за то, что причиняет ему боль. Неужто того урона, что она нанесла им в детстве, недостаточно?

— А я всегда представляла, что у тебя зеркальный потолок, — сказала я, откидывая голову назад, пытаюсь перевести разговор на менее драматичную тему.

— Что ж, придётся его сделать. — Он присел рядом со мной на огромный матрас и положил мою лодыжку себе на колени. — О чём, мать твою, ты думала, а?

— Считай это знаком солидарности. Ты крушишь номера и бросаешься вещами, а я выбиваю двери. Выходит, есть у нас что-то общее, представляешь? Случившееся только скрепит наши отношения и станет прекрасным моментом из жизни.

— Лена, — прорычал он.

— Мне нужно было тебя увидеть. — Вот она простая чистая правда. Но признаваясь в этом вовсе не обязательно смотреть ему в лицо. Я медленно покрутила лодыжкой сначала в одну, затем в другую сторону. Она болела, но боль была не столь убийственной как раньше. Теперь она смахивала на эдакую лёгкую форму пытки. — Ай, блин!

— Дэйв, вызови доктора, — крикнул он в коридор. — Он нужен здесь и сейчас.

— Занимаюсь этим, — ответил он.

Ну, зашибись. Все собрались, дабы лицезреть меня в мгновение триумфа. Я приподняла очки и стёрла рукой остатки слёз. Вторую ночь подряд я нахожусь в подобном состоянии. Когда моя жизнь успела скатиться до такого сумасшествия? Я сбросила с плеч пальто, чтобы хотя бы ненадолго почувствовать себя уютнее.

— Держи, — Бен вбежал и передал Джимми пакет со льдом, завёрнутый в полотенце.

Он прижал его к моему героическому ранению, из-за холода гусиная кожа покрыла моё тело. Откровенно говоря, я сейчас ясно видела, что Джимми не казался особо впечатленным моей отвагой и решительностью. Темные волосы упали на его лицо, когда он не одобрительно смотрел на мою ногу. На его лбу было добрых пять или шесть морщин, — критическое количество складок. Мужчина был серьёзно недоволен.

Сейчас все были удивлены развернувшейся драме. Лив, также не находилась в особом восторге от происходящего. Хотя восторг особо и не подходил, так же как и растерянность. Смесь озадаченности и озабоченности лучше всего описывали её состояние.

— Что-нибудь ещё нужно? — спросил Бен, суетясь в нескольких метрах от нас.

— Нет, — сказал Джимми, смотря на французский педикюр-подарок от косметологического кабинета, посещение которого он оплатил. — Мы просто подождем врача.

Дэвид обвил рукой Эв за плечи.

— Ладно, мы тогда побудем внизу, пока не приедет доктор. Крикни, если что-нибудь понадобится.

Джимми кивнул, продолжая держать лёд у моей лодыжки. Его вторая рука крепко удерживала голень. Как будто я бы попыталась сбежать, изъяви он желание ко мне прикоснуться. До такого ещё додуматься нужно.

Люди собрались на пороге.

— Джимми? — голос Лив слегка дрожал.

— Лив, я с тобой позже поговорю.

Ее руки беспомощно повисли по бокам.

— Наверное, я лучше вернусь в ЛА. Через несколько дней начнётся подготовка к съёмкам.

— Как скажешь.

— Ладно. — Лив выдавила милую улыбку. Отдаю ей должное, всё-таки она была чертовски хорошей актрисой. — Пока.

— Ага.

Он даже не посмотрел в её сторону, придурок. До чего хотелось стукнуть его здоровой ногой, дабы заставить проявить хотя бы немного вежливости. Однако это не только бы не решило ничего, но и было бы крайне лицемерно с моей стороны. Знаю, Джимми должен с кем-то встречаться, но, несмотря на это, видеть его с другой женщиной куда невыносимее, чем испытывать боль от пульсации в лодыжке. Просто боль в её глазах была мне хорошо знакома, отчего я не могла не испытывать к ней сочувствия.

Мы с этой болью много через что прошли, став лучшими друзьями. Джимми Феррис пагубно влиял на женские сердца (а также иногда и на лодыжки).

Лив ушла.

Пару минут мы сидели молча, пока моя постепенно замерзающая нога лежала на его бедре.

— Джимми?

— Хмм?

— Ты расскажешь мне, что случилось?

Рука, которая держала голень, сжалась крепче.

— Мы сидели за столом, как вдруг у всех начали трезвонить мобильные. Видимо, ей пообещали всего пятнадцать штук, больше она не выпросила. Адриан привлёк адвокатов, но... я сказал ему не вмешиваться.

— Почему? — воскликнула я.

— То, что она рассказала репортёрам, было правдой. Знаешь, она ведь не оформляла право на отказ после нашего рождения, поэтому полагаю, у нее есть право на свою долю.

— Хрена с два. Нет у неё никакого права.

На его лице промелькнула улыбка. Я еле её заметила из-за того беспорядка, что творился у него на голове. Когда я уезжала, его волосы были аккуратно зачесаны назад. А сейчас его руки, по всей видимости, решили устроить дебош. До чего хотелось потянуться к нему и заправить эти локоны обратно за ухо.

— Ты видела её? — спросил он. — Что она наговорила?

— Только ту часть, где она говорила о том, что бездомная, в то время как вы оба живете в особняках.

— Значит, ты пропустила самое лучшее. — Его подбородок почти коснулся груди. — Я орал на неё, высказывая кучу всякого дерьма, и бросался вещами. Даже ударил, но это было лишь раз.

К моему горлу подкатил ком.

— За что ты её ударил, Джимми?

— Как-то раз я вернулся домой, а она вычищала дом, чтобы окончательно нас бросить, — ответил он. — Мне было четырнадцать. Дэйв был дома у Мала, спасибо

Господи. Во дворе стояла машина одного из её нарко-дружков, загруженная всем нашим имуществом. Хотя и было там немного: телик, микроволновка и прочая хрень. Она вышла из дома, неся акустическую гитару Дэйва. Он всё лето надрывался, кося газоны, чтобы заработать на неё. Это была дешёвая гитара из ломбарда и не более. Но он так долго хотел её, несмотря на то, что та была куском дерьма.

— Уж в этом не сомневаюсь.

— Я сказал ей вернуть гитару на место, сказал, что это разобьёт Дэйву сердце, но ей было наплевать. Она ответила, что Дэйва разбаловали, и стоит вернуть его с небес на землю. Ну да, мы-то были избалованными, пока жили с ней в одном доме и ходили в одежде с дырками. А если нам удавалось поесть, то это было чудом. — Уголок его губ приподнялся, но это была не улыбка. — Она двинула меня по лицу, сказав отойти с дороги. На ней было кольцо. — Он указал на крошечный шрам в форме звезды над верхней губой, немного скрытый за щетиной. — Видишь?

— Вижу.

— Я отвесил ей пощечину в ответ и вырвал гитару из рук. Расти в гору и вширь я начал с пятнадцати, а тогда был не особо большим. — Он посмотрел вниз на свою ладонь. — Её щека стала ярко-красной. Она выглядела ужасно, но ничего не сделала. Просто продолжала смотреть на гитару, удивленная тем, что теперь она была у меня, а не у неё. А после подошёл её дружок, посадил ее в машину, и они уехали. Вот так от мамы осталось одно воспоминание. Хотя всё-таки она вернулась... к несчастью.

Он посмотрел на меня. Его лицо было бледным.

— Все её слова — правда. Не нужно за меня с этим разбираться.

— Ты говорил Дэвиду об этом?

— Нет, это его только расстроит. Он всё ещё надеется, что однажды она завяжет с наркотой, переменит жизнь и станет настоящей мамой. Он всегда был мечтателем.

— Даже после всего, что она сделала?

Он не ответил.

— Выходит, ты годами оберегал его?

— Кто-то должен был. Как только она начинала ругаться, я говорил ему спрятаться, чтобы он этого не видел. Хотя кое-что до него могло донестись, потому что порой она орала во всю глотку. Мама была лютой пьяницей. Напившись, она, как правило, вырубалась, оставляя нас в покое, но держала бутылку бурбона возле себя, и каждый грёбаный сосед знал об этом. — Он провёл рукой по затылку. На его лице отражалась боль. — Она то и дело избивала меня. А я не мог допустить, чтобы такое происходило с Дэйвом. Он всегда был чувствительным. Поэтому я свыкся. К тому же, иногда было охрененно весело наблюдать, как она, упившись в дрова, шатается по дому.

— Почему твой отец ничего не делал?

— Когда он был дома, она вела себя лучше. Да и он просто делал вид, что ничего не происходит. Не обращал внимания на то, что творилось вокруг, что наш мусорный бак был забит пустыми бутылками, а в холодильнике не было еды, потому что все деньги она просадила на выпивку и подобную херь. — Он повернулся ко мне. — Он любил её, Лена. Любил так сильно, что предпочёл её нам. Вот, что любовь делает с человеком: она вышибает мозги.

— Не всегда. Посмотри на Дэвида и Эв.

Он вздохнул.

— Они счастливы. Пока что. Но однажды, кто-то из них окажется на месте отца Мала или моего отца, брошенного своей женой.

— Получается, что лучше прожить свою жизнь в одиночестве и быть несчастным?

— Это лучше, чем оказаться разбитым. Лучше, чем ранить сердце другому.

Я не знала, что сказать.

— Свои первые таблетки я стащил из маминой нычки. Таким способом я решил насолить ей. — Он горько посмеялся. — Раз она постоянно твердила о том, что я от неё не сильно отличаюсь, я подумал воплотить эти слова в реальность. Посмотреть, чем это закончится. Я такой же, как она, Лена.

— Нет, ты не такой. Ты теперь чист, ты победил.

— Чего я только не натворил за последние несколько лет. — Пару секунд его глаза были закрыты, а затем он снова принялся осматривать мою стопу и менять положение пакета со льдом. — Всё, о чём она мне говорила... оказалось правдой. Я никогда не буду полностью чист. Глубоко внутри я всегда останусь зависимым.

— Джимми, это просто неправда. Ты знаешь, что это не так. Ты прошёл этот путь, ты чист.

Я кое-что знала о людях, которые говорят подобные вещи, раня тебя словами. Шрамы затягивались на протяжении долгого, очень долгого времени.

Его бледные губы сжались в линию.

— Ты кому-нибудь говорил об этом?

Он резко и коротко помотал головой.

— Нет.

— Ты можешь мне доверять, ты это знаешь? Я не предаю тебя и не упрекну, этого никогда не случится.

— Не давай обещаний, которых не сможешь сдержать.

Я подняла голову.

— Ты только что назвал меня лгуньей?

Джимми отбросил назад волосы (наконец-то), и предостерегающе посмотрел на меня. Он не спешил с ответом, ожидая, что же скажу я.

— И? — подтолкнула я.

— Я попался на одну из ваших женских уловок. Не важно, что я отвечу, ты всё равно вынесешь мне мозг.

— Я всего лишь спрашиваю о том, доверяешь ли ты мне хотя бы немного. — Я смотрела на него с той же осторожностью, с которой он уставился на меня. — Что бы там ни сказала та женщина, всё это чушь собачья, Джимми. И ты это знаешь. Так почему позволяешь её словам жить внутри себя?

Он нежно провёл ладонью по моей стопе.

— Повредив что-то достаточно сильно, нет смысла пытаться это починить.

— Значит, такую отговорку ты используешь?

— Это правда.

— Ничего подобного.

Я потянулась к его руке. Через тонкую ткань рубашки чувствовалось, как напряжены его мускулы и какой горячей была кожа. Уже более двадцати лет он живёт со всей этой болью и злостью, ненавистью к себе. Двое человек, ответственные за заботу и любовь к сыну, когда тот был маленьким и беззащитным, с треском провалились в роли родителей. Не

удивительно, что он был настолько зажатым, привыкнув ожидать нападки и никому не доверять.

— Ты хороший человек, Джимми. Ты хороший мужчина.

— Лена, — он уставился на мою руку.

— Она не знает тебя сегодняшнего. А я знаю. И кому ты поверишь?

Его рот приоткрылся, и я подождала ещё немного.

Да, он говорил со мной, но мне нужно больше, он нужен мне. Боль, с которой он живёт, должна прекратиться. Мало кто заслуживает освобождения от своего прошлого, так как Джимми. Он упорно трудился, чтобы изменить свою жизнь.

Его губы разомкнулись, и, быть может, в этот раз...

Кто-то постучал в дверь, и этого кого-то мне тут же захотелось придушить. Естественно, нас прервали. Чтоб её эту Вселенную и всё, что с ней связано. Но, если честно, каковы были шансы на то, что Джимми наконец совершит первый шаг и доверится мне?

Мизерные.

Нет, мне не стоит так думать. Мне нужно до него достучаться.

В комнату вошла опрятная женщина средних лет с короткими чёрными волосами, держа в руках чемоданчик. За ней последовал Дэвид, с явным любопытством переводя взгляд с меня на своего брата.

— Это Кортни. Она пришла осмотреть ногу Лены.

— Быстро, однако.

Доктор. Чёрт. Моя дурацкая лодыжка всё испортила. Мне и впрямь не следовало штурмовать цитадель путём битья невинных дверей, учту это на будущее. Но если бы я этого не сделала, мне бы пришлось сидеть снаружи, за закрытой дверью, а Джимми не рассказал бы мне всего того, что поведал сегодня. Уверена, что расстояние между нами немного сократилось. Но что это значило, я пока не знала.

Джимми поднял мою ногу с колен и отодвинулся, чтобы положить её на кровать.

— Она пыталась выломать дверь.

Доктор Кортни впилась в меня взглядом.

Я пожала плечами.

— Я должна была с ним поговорить. Он не открывал.

Она тут же с осуждением зыркнула на Джимми. Так держать, сестрёнка!

— Это моя вина, — сказал он расстроено.

— Мне доводилось побывать на многих вызовах, связанных с размолвками у влюблённых, но это что-то новенькое, — сказала доктор.

— О, мы не вместе, — сказала я.

Хорошая докторша фыркнула и занялась моей ногой. Она крутила её так и сяк, и делала это далеко не нежно. Я же выла и дёргалась, как тому и полагается. Наконец, она вынесла вердикт: вывих лодыжки. Я отказалась от специального рецепта, не желая, чтобы в доме находились какие-либо таблетки. Таким образом, чтобы остановить опухоль, мне был прописан обыкновенный «Ибупрофен», а в течение часа должны были привести супермодный эластичный бандаж для ноги. По крайней мере, это освободит меня от утренних пробежек. Хоть какой-то серебряный лучик надежды среди серых облаков.

Она сказала Джимми, что вышет счёт и ушла.

— Тебе придётся носить меня вверх и вниз по лестнице, — сказала я, стараясь убрать с лица улыбку. — По сути, ты станешь моим рабом.

Джимми вздохнул и протянул мне стакан воды, чтобы я могла запить две лошадиные дозы таблеток. Зато мне удалось отвлечь его от мыслей, связанных с матерью. Конечно, я бы предпочла метод, не влекущий за собой телесных повреждений, но так тоже сойдёт.

— Думаю, мне нужен колокольчик, чтобы я звонила в него, когда ты будешь мне нужен, — сказала я.

— Я так не думаю, чёрт побери.

— Ты хочешь, чтобы я вопила на весь дом?

— Сдаётся мне, ты такое уже вытворяла, поэтому ничего нового в этом не будет, — ответил он. — Кажется, в ближайшее время ты не сможешь уйти. И виной этому ты сама.

Я испепелила его взглядом.

В комнату вошёл Дэвид и прочистил горло.

— С вами обоими уже всё в порядке, так что мы не будем мешать и двинемся по домам.

— Ладно, — сказал Джимми. — Извини за ужин...

— Джим.

Дэвид шумно выдохнул, схватил брата за плечо и притянул в те самые объятия с похлопыванием по спине. Спустя некоторое время Джимми неохотно похлопал его пару раз в ответ. А это, откровенно говоря, огромный шаг вперёд.

Я не могла не улыбнуться в знак одобрения.

Братья недолго разговаривали между собой, а я старалась не подслушивать. Затем ко мне подошёл Дэвид, положил руку на мою голову то ли в качестве благословения, то ли ещё чего-то.

— Не перенапрягайся, Лена.

— Попытаюсь.

Его улыбка была наполнена большой теплотой.

— Присмотри за ним.

— Для этого я здесь.

— Передам остальным, чтобы пришли повидать вас позже. Спокойной ночи.

У меня сложилось чёткое впечатление, что нас с Джимми оставили одних по причинам, которые в понимании младшего из Ферриссов, были романтическими. Его друзья и семья возможно и допускала идею о нас. О, просто чудесно. Команда «Стейдж Дайв» могут думать всё, что хотят о нынешнем крайне сложном статусе наших с Джимми отношений. Это вне зоны моего контроля.

Находясь в другом конце комнаты, Джимми прислонился к стене и смотрел на меня через скрытые за волосами глаза.

— Как Дин отнёсся к тому, что ты сбежала от него?

— Без понятия, наверное, не очень хорошо. — По правде говоря, я об этом не задумывалась, но, что странно, уверена, моим отношениям с Дином пришёл конец. Я легла на спину на кровати Джимми; под ногой лежали подушки. — Твоя кровать гораздо удобнее, чем моя.

— Правда?

— Я просто прикорну тут немножко. — Раненым людям позволено испытывать свою удачу. Все это знают. — Разбуди меня, когда привезут мой бандаж, раб.

Он ничего не ответил, только наблюдал за тем, как я устраиваюсь у него на кровати.

— Размер у этого матраса больше, чем у маленькой европейской страны. — Я вытащила из-под себя своё пальто. Весьма деликатная процедура, требующая много телодвижений. У

меня задралась рубашка, я натянула её обратно на живот. — Скажи что-нибудь, из-за тебя мне неловко.

— Почему ты должна чувствовать себя неловко, Лена? Ты же просто валяешься на моей кровати.

— Ты бы мог присесть рядом и поговорить со мной. — Я похлопала по матрасу в дружеской, приглашающей манере.

— Хватит разговоров для одного вечера.

Но он выключил свет, оставив включённой лишь один прикроватный светильник. Затем обошёл кровать и присел. Джимми снял обувь и, Господи помоги, лёг на спину. Положив руки на живот, он уставился в потолок, как всегда, с хмурым от недовольства выражением на лице.

Джимми лежал со мной на одной кровати.

Честное слово, серьёзно, моё лоно трепетало.

Это было лучше, чем день рождения и Рождество вместе взятые, не важно, болела у меня лодыжка или нет. Самый красивый мужчина из всех, кого мне довелось повидать, лежал так близко, что можно было к нему прикоснуться. Всё в нём до нелепого совершенно: его профиль, изгибы его губ и идеальная линия носа. У меня не хватало слов, чтобы описать его. Моё сердце билось в два раза быстрее, но я могла не обращать на это внимания.

— Ты в порядке? — спросила я голосом чуть громче шёпота.

— Лучше, чем ты.

Он сказал, что с него достаточно разговоров. Поэтому я, следуя своему безграничному уму, на этот раз решила оставить его в покое.

— Тебе действительно нужны зеркала на потолке, — сказала я.

Он повернул ко мне голову и бросил на меня раздражённый взгляд.

— Откуда, мать твою, у тебя берутся такие идеи?

Я засмеялась.

— Хватит. — Он протянул руку, чтобы выключить прикроватный светильник. — Закрывай глаза и спи. Этот день был чертовски длинным.

— А как же бандаж?

— Я встану, когда его привезут.

— Хорошо.

Мы молчали какое-то время. Затем, я услышала, как он промямлил:

— Спасибо, что пришла домой.

Я нашла его руку и обхватила её. Его пальцы крепко переплелись с моими.

Я улыбнулась в темноту.

— Всегда пожалуйста.

— Боже мой, это не суфле, а объедение. Я словно на небесах побывала. На небесах Джимми, слышишь? — Я слизала остатки шоколада с ложки, а затем полезла за добавкой.

Как глупо держать ложку пустой. Проверю-ка я ещё раз вкус десерта, так на всякий.

— Я тебя слышу.

Он наблюдал за тем, как мой язык облизывает ложку, после чего тяжело сглотнул.

Интересно.

Вышеупомянутая рок-звезда сидела за столом напротив меня, его завтрак был давно съеден. Он на ногах, наверное, с самого рассвета, и, тем не менее, выглядел полным сил и энергии. Хотя провёл всё время в тренажёрном зале на цокольном этаже. После вчерашнего нашумевшего интервью его матери по окрестностям стали околачиваться папарацци. Снаружи находилось несколько охранников, следя за ситуацией. Так что с пробежками пришлось повременить по многим причинам, но мне из-за повреждённой лодыжки всё равно пришлось бы валяться в кровати.

В своей пустой, маленькой кровати.

Прошлой ночью, как только привезли бандаж, Джимми вытолкал меня из своей спальни. Точнее, помог доковылять до моей. В любом случае результат остался без изменений: я спала одна.

К тому времени, как я написала ему сообщение с просьбой помочь спуститься вниз, он уже принял душ и оделся в джинсы и простую чёрную футболку. А сейчас я вкушала шикарные объедки со вчерашнего великого праздничного ужина. Какие там каши на завтрак, вот десерты — другое дело. Остатки со стола мы будем доедать ещё несколько дней: паста с грибами домашнего приготовления и панчетта [большой жирный кусок свиной грудинки из свиньи беконной породы, вяленый в соли, специях и травах — прим. перев.], экзотические блюда из рыбы и самое лучшее шоколадное суфле с ягодной подливкой, которое мне доводилось попробовать.

Самый. Лучший. Завтрак.

— Я хочу ребёнка от этого суфле.

— Отлично, — сказал Джимми, наблюдая, как я поглощаю первоклассный десерт с огромным усердием. Выражение его лица меня беспокоило, поскольку я не могла его прочитать. Его взгляд был сдержанным, но также там было что-то, что-то гораздо большее. Накал, который я не была уверена, что могла разобрать, в этот утренний час.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

Существуют ли в человеческом языке слова менее устрашающие, чем эти? Не припомню, чтобы в чём-то провинилась, но всё же...

— О твоей матери? — с надеждой спросила я.

— Нет. — Он закрыл глаза. — С ней ничего не поделаешь. Она сделала свой ход и сейчас мне просто хочется забыть о ней.

И это вполне справедливо.

— Как скажешь. О чём тогда поговорим?

— Ты решила, будешь продолжать встречаться с Дином или нет?

А это оказалось не так страшно. Задумавшись, я постукивала ложкой по своим губам.

Наше первое свидание прошло хорошо, но прошлым вечером мне пришлось от него убежать. И было ещё одно свидание, о котором я позабыла, потому что поехала с Джимми есть мороженное. Но вот, что забавно: он сам не проявлял инициативы, чтобы встретиться со мной.

— Думаю, что нет, — ответила я. — Он хороший парень, но... может, при других обстоятельствах, понимаешь, о чём я? В другой жизни.

— Ну и ладно. Нам нужно обсудить пятый пункт в твоём списке. Пункт четвёртый не сработал, поэтому давай покончим с твоими свиданиями.

— Хм-м. — Я положила ложку на пустую, к сожалению, тарелку. — В списке не было пятого пункта. Было только четыре: встречаться с другими парнями, сосредоточиться на твоих недостатках, не вести себя жалко, наслаждаться жизнью и так далее.

— Да, но я придумал пятый пункт. Тот список оказался полнейшей хренью.

— Вот и я начала подумывать о том же.

Что-то в нём изменилось. Он был крайне напряжён. Он подался вперёд, локти положил на стол, выстукивая какой-то ритм ногами под столом. Я всё слышала, этот шум соответствовал отчаянному ритму моего сердца. Давайте представим, что это сахар из суфле взбудоражил меня, а не компания, в которой я сейчас находилась.

— Ну и? — подтолкнула я его. — Ты скажешь, что же скрывается за этим загадочным пятым пунктом?

— Наш секс.

Всё замерло.

Джимми совершенно спокойно смотрел на меня.

Быть этого не может.

Нет. Это неправильно.

— Да ну тебя! — засмеялась я, откидываясь на спинку стула. — Я чуть не купилась.

— Я серьёзно.

— Не сомневаюсь.

Я закатила глаза и покачала головой, продолжая смеяться.

— Скажи спасибо. Все эти твои свидания только угнетали нас обоих. И буду с тобой откровенен, в последние дни я испытывал небольшое сексуальное неудовлетворение. Не к столу будет сказано, но я не дрович столько... никогда.

Я засмеялась.

И продолжала дальше смеяться.

Но вскоре мой смех стих, поскольку выражение на лице Джимми не поменялось. Ни на йоту. Он просто сидел, приковывая меня взглядом к месту. Его губы сложились с ровную, казалось, искреннюю линию.

— Ты шутишь, — выкрикнула я, едва открыв рот.

— Нет. Не шучу. Я сказал, мы попробуем трахнуться, чтобы вышибить клин клином.

— Не шутишь?

Но лучше бы оказалось наоборот. Боже, я не могла дышать. Воздух, мне срочно нужен воздух.

Джимми оттолкнул стул, ножки которого закрипели по мраморному полу. Он обошёл стол и выдернул меня, его руки оказались под моими руками.

— Дыши, Лена. Ты побледнела.

По его команде мои лёгкие заработали в полную мощь, наполняясь кислородом. Делая

то, что должны. Сильная рука гладила меня по спине, помогая мне успокоиться. Он оттолкнул мой стул в сторону, его твёрдое тело было позади меня, согревая.

— Ты в порядке? — поинтересовался он из-за моего плеча.

Я кивнула.

Он не отодвинулся. И не перестал поглаживать мою спину. Чёрт, как же приятно.

— Ты, э... немного удивил меня, — сказала я.

— Хм-м.

— Ты, правда... хочешь... — я не могла закончить фразу. Мысли спутались, было невозможно подобрать нужные слова.

— А почему, нет? Я считаю это беспроигрышной ситуацией. Мне нужно избавиться от неудовлетворения, а тебе от тех томительных чувств, которые засоряют твою голову. Мы трахнемся, поймём, что между нами нет химии, и двинемся дальше. Или, что ещё лучше, всё полетит к чертям, как обычно это происходит, и ты будешь рада стать снова просто друзьями. Что скажешь?

Быть или нет быть, вот в чём вопрос. Заняться ли с Джимми сексом? Задача ведь простая.

— Конечно, почему бы и нет?

Джимми выпрямился и исчез из поля видимости. Хотя в его присутствии не стоило сомневаться. Он действовал на меня как магнит, жар его упругого тела так и манил меня. То, что он открылся передо мной, рассказал все свои секреты и доверился мне — всё это притягивало меня ближе. Мне безумно хотелось прислониться к нему спиной. Осторожно, он развязал мой хвостик и расправил мои тёмные волосы по плечам.

Он намотал прядь волос на указательный палец и провёл по ней большим пальцем.

— Мне нравятся твои волосы.

— Спасибо.

Медленно он размотал мои волосы со своего пальца. Его рука скользнула мне на поясницу и двинулась ниже, по попе, к низу моего красного трикотажного платья. Никогда не чувствовала ничего подобного. Мурашки побежали у меня по спине, и причиной этому был не холод.

— И нравится, когда ты в красном, — сказал он, касаясь губами мочки моего уха.

— Ох, неужели?

Я просто радовалась тому, что не вспотела. И так хватало суперсексуального бандажа ярко-голубого цвета, украшенного спереди белыми ремешками.

— О, да. — Его пальцы прошлись вверх по моей оголённой ноге, бросая меня с дрожь. — Очень.

Джимми Феррис не дурачился.

— Хочешь заняться этим п-прямо сейчас? — заикнулась я.

— Вполне возможно. — Другой рукой он начал поглаживать мою грудь. Затем прижался ко мне своим твёрдым телом. Его эрекция упиралась в мою ягодицу, заставляя томиться от боли. — Я ведь не доставлю тебе неудобств, да, Лена?

У меня перехватило дыхание, в голове спутались мысли.

— Не доставишь. Я всё равно ничего не планировала на сегодня.

— Хорошо.

Он провёл пальцем у резинки моих трусиков, после чего скользнул ниже, чтобы поласкать бедро. Было настолько приятно, что в этой эйфории мой желудок вывернулся

наизнанку.

Находиться к нему так близко, чувствовать спиной жар его тела и запах мыла с еле уловимыми нотками средства после бритья, иначе как блаженством не назовёшь. Даже в своих глубоких фантазиях я не представляла себе такого — шанс действительно быть с ним. Казалось, моя кожа горела, словно в лихорадке, а сердце начало биться где-то между ног. Боже, он должен ко мне притронуться в том самом местечке.

— Наверное, будет безопаснее, если тебя положить, — сказал он.

Я пропустила его слова мимо ушей, словно бессмысленный шум. Он потянулся к столу и сдвинул в сторону тарелку с ложкой. Затем Джимми развернул меня, поднял и посадил на край стола.

— Ляг на спину, — приказал он. Я изнывала от его взгляда, от напряжения в его глазах. Невероятно. Даже при том, что он держал себя в руках, никогда прежде я не видела столь прекрасного зрелища.

— На спину, Лена.

Рука на моём плече потянула меня вниз, пока я не растянулась на твёрдой древесине.

— Мы правда этим займёмся? — Всё, что я могла слышать, это своё тяжелое дыхание. Невероятно громкое. Я бы не удивилась, если бы соседи начали жаловаться на доносившийся шум. — Джимми?

Вместо ответа он залез мне под юбку и начал стягивать мои удобные хлопковые трусики чёрного цвета. Я надела их, потому что в голову вообще не приходила мысль о возможности, что босс уложит меня на кухонном столе. Но вот они и исчезли, когда он бросил их за плечо.

— Похоже, что да, — сказала я.

Он отодвинул стул и сел, не сводя с меня горящего взгляда. Мышца на его челюсти дернулась несколько раз. Слава богу, что не одна я была на взводе.

Я приподнялась на локтях, нервы были на взводе.

— Что ты надумал делать?

— А что люди обычно делают за столом? — Сильные руки раздвинули мои ноги. — Едят.

В груди ухнуло.

— О, боже.

Его голова скрылась под моей юбкой.

Джимми Феррис определённо не дурачился.

Тёплое дыхание коснулось моих сокровенных женских прелестей. Ладно, хватит уже этих причудливых разговоров, это была моя вагина. Затем он провёл языком по моим половым губам, посылая по всей спине электрические разряды.

— Святые угодники!

Из-под моей юбки донёлся стон. Самый прекрасный звук из всех существующих.

Я пошевелилась, стараясь быть ближе.

— Джимми.

Он посасывал сперва одну губу, затем принялся за вторую. Кровь неслась по моим венам со скоростью света, и вся она направлялась прямиком к моей киске. Давненько я подобным не занималась, тем более с кем-то в столь откровенной манере. Его губы, такие горячие и голодные, полностью поглотили меня. Его пальцы впились в мои бёдра, а язык ласкал половые губы, заставляя меня стонать. Я даже не заметила, когда моя спина снова

оказалась на столе. Полагаю, в самом начале. То же произошло, когда мои глаза устали на холодный белый потолок высоко над головой. То, что делал Джимми, поглотило моё внимание целиком и полностью, каждый умопомрачительный звук и неистовое ощущение сводило меня с ума. Мои бёдра дёрнулись, голова качнулась из стороны в сторону. Это было слишком, и в то же самое время, мало. Вот бы это никогда не закончилось.

Осознание того, что это именно он прикасается к моему клитору, выплеснуло наружу мою любовь и безумное желание. Слишком много чувств, ещё немного и я воспламенюсь. Я была готова сорваться и рассказать ему обо всём, предложить ему хоть что-нибудь. Насколько глупо это бы выглядело с моей стороны? Я прикусила язык, во рту почувствовался привкус крови.

Он поглощал меня, словно лишенный самообладания, оголодавший мужчина.

Он поглощал меня, словно я была его любимой едой.

Не уверена, но, походу, вокалисты превосходно пользуются своим языком и силой. Да посыплется на них за это благодать, очень много благодати. Признаться честно, мысли о мужчине, превосходящем в оральном сексе, были за пределами моих мечтаний. Он сосал мои половые губы, глубоко проникая языком внутрь, пробуя меня на вкус. После начал водить им по моему клитору, дразня меня, пока я не вскрикнула. Это было грандиозно. Мышцы на бёдрах окаменели. Он долго, сладко посасывал меня от начала клитора до самого его основания. Моя голова кружилась от переизбытка ощущений. Никогда ещё меня так не баловали во время секса.

И прямо в тот самый момент, когда я элегантно вертелась во все стороны, этот идиотский бандаж заехал Джимми по голове, и мы оба вскрикнули. От боли.

— Чёрт. — Он вылез из-под моей одежды, потирая голову. — Ты в порядке?

— Да. Повезло, что у тебя крепкая голова.

Он покачал той самой головой.

— Пожалуйста, не останавливайся. — Боль не имела значения, а оргазм — да. — Сможешь?

— Одну минуту. — Осторожно он закинул мою ногу на своё плечо. — Вот так лучше. Уверена, что в порядке?

— В полном, — ответила я, задыхаясь.

— Точно?

— Джимми!

Вот же ухмыляющаяся сволочь.

— Ладно, Лена. Только сильно не перенапрягайся. Так, на чём я остановился?

— Хочешь, чтобы я ещё раз заехала тебе ногой по голове? — Мой голос натянулся от отчаяния, а в голове проносились смертоносные мысли. Я пребывала в возбуждённом, потном состоянии, и ему следовало бы серьёзнее отнестись ко мне и моему оргазму. — Хочешь? Серьёзно, Джимми, ты на это напрашиваешься?

Он усмехнулся.

А затем задрал мою юбку и, к его счастью, вернулся к делу. Его весьма талантливые губы возводили меня всё выше и выше в ощущениях, до вершин, неизведанных прежде. Туда, где дует лёгкий ветерок, а до звёзд можно дотянуться рукой. Дело было не только в замечательных возможностях его головы. Мне казалось, я парю, и, должно быть, он тоже чувствовал то безумство сладких и жарких эмоций, что наполнили меня. Сила, с которой он двигался вниз, сводя меня с ума, была впечатляющей.

Он не мог этого не чувствовать.

Он провёл кончиком языка у входа, заставляя мышцы сжиматься. Я вся напряглась, мои ноги тряслись. Моя попа тёрлась о гладкую поверхность стола. Он сделал меня невероятно мокрой, моя киска набухла и изнывала от желания. Оргазм мне был нужен больше, чем воздух. Когда он передвинулся и его умный язык сконцентрировался на моём клиторе, всё почти закончилось. Его долгое, сильное посасывание было последней каплей, сбросившей меня с катушек. Чувство свободного падения было потрясающим. Мир стал белым пятном, а в ушах редела кровь. По сути, это было внеземное удовольствие. Мой рот открылся в немом крике. Какое же наслаждение.

У меня ушло некоторое время, чтобы вернуться в реальность. Опомившись, я увидела, что Джимми стоит и открывает зубами пачку от презерватива. А он подготовился.

— Ты не передумала? — спросил он.

Моё дыхание... когда же оно сбилось? Не важно. Я просто полежу здесь, сгорая от жара, мой клитор до сих пор пульсировал от оргазма. Отлично.

— Лена?

С намёком на улыбку на губах он казался таким самоуверенным. Даже ямочка промелькнула. Но, говоря начистоту, ради меня он проделал величайшую работу. Поэтому эта самоуверенность вполне заслужена.

Я кивнула, подав признак жизни. Мой разум всё ещё медленно опускался с небес. Боже. Секс никогда ещё не был столь божественным. А он всего-то орудовал своим ртом, большего я могу не выдержать.

Всё-таки, я определенно умру счастливой.

Джимми смотрел на меня, надевая презерватив на член. Но не успела я приподняться на локтях, чтобы взглянуть туда, как он уже разместился у моего входа. Лёгкое надавливание его пениса заставило заново открыть в себе понятие бабочек в животе. Крошечных фейерверков. По коже пробежали мурашки. Он прикоснулся к низу моего живота, провёл своей такой белоснежной и большой рукой по моей влажной коже, по изгибам моих бёдер, покрытыми мурашками. Вся моя неуверенность испарилась, осталась только страсть в его глазах. Он был таким большим и прекрасным, стоя возле меня.

— Ты великолепна, — прошептал он надломленным голосом.

Я не могла вымолвить и слова, горло словно окаменело. Поэтому я кивнула. Естественно у него уже было необходимое разрешение. Я лежала вся мокрая, готовая с охотой принять его.

— Давно этим не занимался. — По его лицу прошла испарина. Он резко поднял и опустил плечи. Джимми пытался совладать с собой, всё в нём говорило об этом. — Хочу, чтобы тебе было хорошо.

Клянусь, моё сердце чуть не остановилось, услышав сомнение в его голосе. Порой мы были с ним похожи больше, чем я давала себе отчёт.

— Джимми. Мне нужно, чтобы ты оказался внутри.

В его глазах отразилось некое облегчение, и он кивнул.

— Да. Ещё как.

От удивления я засмеялась.

А затем я заткнулась к чертям собачьим. Мощные руки раздвинули мои ноги, и он начал входить в меня. Всё глубже. Мои половые губы никак не могли привыкнуть к его размерам. Медленно, но уверенно, его твёрдый член начал заполнять места, о которых я раньше даже

не знала. Если честно, было не так уж приятно. В последний раз я занималась этим несколько месяцев назад, но это было нелепо.

Я качнулась и обвила его здоровой ногой, чтобы лучше пристроиться. Серьёзно, я должна быть достаточно мокрой после феноменального оргазма.

— Насколько он у тебя большой?

— В тебя поместится.

Он облизал свою соблазнительную нижнюю губу. Его взгляд остался прикован к тому месту, где соединились наши тела.

— Это не ответ на мой вопрос.

Он кратко посмотрел на меня.

— Я же не мерил его.

— Всё равно это не ответ.

— Да твою ж мать. Мы можем не спорить во время секса? Пожалуйста?

— Хорошо.

Я перестала смотреть на него сквозь всё ещё вздымающуюся грудь и уставилась в потолок. Несмотря на его чрезмерные навыки орального секса, казалось, мы были не совместимы ниже пояса. Как печально. По крайней мере, годы спустя, когда я буду вспоминать об этом, я буду знать, что мы старались.

Его большой палец поиграл с моим всё ещё крайне чувствительным клитором, отчего моя спина выгнулась дугой.

— Осторожно, — выдохнула я.

Он кивнул, но не посмотрел на меня. По всей видимости, вид наших соединённых тел был куда захватывающе. Он вышел из меня, затем снова медленно вошёл. И снова вышел, на этот раз чуть больше, после чего вошёл обратно. С каждым разом становилось лучше, он повторял снова и снова, и делал это превосходно. Он двигался как машина, без эмоций, с каменным лицом и сосредоточенным взглядом. Только руки выдавали его, поглаживая мои бёдра, сжимая их достаточно сильно, чтобы потом остались отметины. Его пальцы не могли остановиться исследовать мою кожу. Он прижал к себе мои колени, чтобы мы стали так близко, насколько это возможно. Естественно, в конце концов, в самых сокровенных местах начало покалывать, внизу живота нарастало напряжение. Сомневаюсь, что смогу кончить дважды за день. Такого попросту не происходило. Но теперь то, что он был внутри, причиняло удовольствие, а не боль.

— Джимми, — выдохнула я, когда он задел что-то очень восхитительное.

Он не поднял головы.

— Что?

— Сделай так ещё раз.

Моя грудь казалась такой тяжёлой, налитые соски требовали ласки. Ужасное бельё. Нужно спалить свой лифчик.

— Как... вот так?

Его восхитительный член сделал как велено, ударяясь в абсолютно правильном месте, воспаляя меня.

— Боже. — У меня закатились глаза. — Да, да, да.

— Я думаю, тебе нравится мой член. — Злорадно засмеялся он, увеличивая темп, ударяясь о мое счастливое место и этим сводя меня с ума.

— Думаю, я люблю твой член, — воскликнула я, моя задница тёрлась об стол.

— Чёрт, как в тебе хорошо.

Его толчки были искусством в чистом виде. Наши тела идеально понимали друг друга. Чувство наполненности им изнутри оставляло след, как в теле, так и в душе. Каждая моя мышца натянулась словно струна, пока мысли не спутались окончательно. Джимми сильно и быстро толкался в меня, в то время как я стонала в знак одобрения.

Чёрт, он умел трахаться.

Я никогда не встречала никого такого, как он. Ничто не заставит меня сомкнуть глаза, мне нужно смотреть на него. Его кожа стала скользкой от пота. Зажмурившись, он толкался в меня с абсолютной чёткостью. Он был так восхитителен и похож на божество, что это пугало. Должно быть, это сон. Когда он открыл глаза, казалось, что его зрачки проглотили всю синеву глаз. Он посмотрел на меня, обнажив своё сердце и мысли.

Он почувствовал это. Я знаю это. Это было таким большим, настолько всепоглощающим, он не мог не заметить.

Когда я кончила в этот раз, в глазах потемнело. Всё моё тело пребывало в каком-то безрассудном экстазе. Звучит безумно, зато правда. Кровь кипела, рассудок помутнел, меня всю трясло. Он превратил меня в некое сексуальное существо, подчиняющееся только ему одному. Расплата за это была величественной.

Раздался вскрик, затем теплое тело оказалось на мне.

Мы дышали с трудом. Этот шум разносился по комнате вместе с бешеным стуком моего сердца.

Медленно, я снова открыла глаза. Мир никуда не делся, несмотря на все телесные доказательства обратного. Эндорфины забавлялись во всем моем существе, насколько лёгким и замечательным был наш с Джимми секс. Дайте мне пять минут, и я определённо буду готова ко второму раунду. Хотя прямо сейчас он решил взять паузу.

— Привет. — Я провела по его прекрасным чёрным волосам.

Джимми тут же выпрямился, отошёл от меня и начал возиться с презервативом. Он завязал кончик, после чего засунул член обратно в джинсы, застегнул ширинку и пуговицу. Я сразу стала тосковать по его теплу.

— Джимми?

Он не взглянул на меня.

Между моих ног творилось прекраснейшее мокрое безобразие. В воздухе витал восхитительный мускусный запах секса. Никаких денег не хватило бы, чтобы стереть глуповатую улыбку с моего лица. Я не могла подняться, чтобы привести себя в порядок, не говоря уже о том, чтобы не поставить себя в неловкое положение. Он сделал мне чертовски приятно.

— Джимми?

— Чего?

Он выбросил использованный презерватив и, опершись руками о раковину, уставился в кухонное окно.

— С тобой всё хорошо?

— Конечно. Никаких проблем.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня из-за плеча. От беспокойства его брови сошлись вместе.

— А ты как?

— Нормально. Благодарю.

Блин, что-то это чересчур вежливо. Такими темпами дальше мы выпьем чаю с тостами и заговорим о погоде.

Он стоял с напряжёнными плечами и долгое время ничего не говорил. Джимми снова от меня замкнулся. Выросла стена. Он молча смотрел на меня, и я ощущала, как между нами снова возникает дистанция. Сперва на несколько дюймов, затем на фут, покуда нас не стал разделять целый океан.

Я больше не могла этого выносить, молчание убивало меня.

— Что случилось?

— Не смотри на меня так.

Ну вот. Приехали.

Моё тело мгновенно остыло, вся расслабленность и приятные ощущения вылетели в трубу. Я лежала на столе, испытывая крайнюю необходимость помыть волосы, которые превратились в один гигантский клубок. Сексуальное существо исчезло, ему сказали «вольно». Я опустила платье, прикрыв свои прелести, прежде чем подняться. Это точно не тот разговор, который мне бы хотелось вести, лёжа на спине, оставив их на виду. Нужно иметь гордость.

— Я хочу трахнуть тебя всеми известными мне способами, — сказал он. — Но ты не можешь так на меня смотреть.

— Ясно.

— Мне, э... мне нужно подышать воздухом.

Он вылетел из кухни без всяких колебаний, даже не оглянувшись. Он вышел напрямик в холодное ветреное портлендское утро, не надев куртку. Он отморозит себе задницу. И, знаете что, так ему и надо.

В глазах покалывало, но я не собиралась плакать. Ошеломление, вот что было тогда во главе моих чувств. Просто я... я не могла поверить, что он уйдёт от меня прямо после такого волшебного секса. Я ведь не липла к нему, требуя кольца. Не начинала разговоров о детях. И придерживалась всех правил этикета обычного секса.

Можно подумать, я виновата в том, как на него посмотрела.

Я пнула ногой воздух, громадный бандаж качнулся назад и вперёд. Во внутреннем дворе его не было. Хрен знает, куда он пошёл.

— Мог хотя бы помочь мне спуститься, козлина! — крикнула я, несмотря на то, что он меня не услышит. — Мал был прав, ты совсем не умеешь вести себя поле секса.

Самое худшее состояние после секса в моей жизни.

На следующий день ребята вернулись в студию. Это был долгий день с кучей беготни и дел, или столько, сколько я могла себе позволить с биндажом на ноге. Эв взяла на себя большую часть работы. В день нашего жаркого спаривания на кухонном столе Джимми вёл себя отстранённо. В какой бы части дома я ни оказалась, он уходил подальше от меня, спасибо ему за это, б****, большое.

Как будто секс был моей гениальной идеей.

Однако сегодня он, по всей видимости, пережил тот эпизод и был готов вернуть жизнь в прежнее русло. Ага, конечно, словно это так просто после его предательства.

Я игнорировала его утром. Игнорировала в обед.

Я игнорировала его как на верхних этажах, так и в подвале.

По-видимому, ему это не нравилось, если судить по доносившемуся ворчанию. Чёрта с два я попрошу его помочь подняться по ступенькам. С биндажом на ноге я могла вполне хорошо ковылять, пусть и медленно. Дурацкий Джимми Феррис со своим потрясающим ртом и пенисом. Да кому он сдался? Уж не мне точно, я могла сама о себе позаботиться.

Вот зачем придумали вибраторы, спасибо Господи. Мастурбировать куда безопаснее. Мои пальцы никогда не приносили мне таких проблем.

Так что да, в какой-то момент в последние двадцать четыре часа была объявлена холодная война. Женщину отвергли и все такое, или женщине запретили дальнейший доступ к его члену. Любая причина актуальна. Если бы я обращала на него внимание, то видела бы, как он странно смотрит на меня всё утро. Но так как он не был в поле моей видимости, это оставалось незамеченным. В основном. Да, мне до такой степени не хотелось больше иметь с ним дело, что даже своим боковым зрением не заметила, как он появился.

— Лена.

Я не ответила.

— Вот.

Перед моим носом появился пакет.

Мы с Эв занимались своими делами, сидя на восхитительно удобных стульях, которые я заказала для студии. Причём ярко-бирюзового цвета, чтоб ему неповадно было. Сидение на ступеньках поднадоело, да и у меня был доступ к его кредитке, так почему бы и нет? Вчера вечером я сделала ещё один заказ, о котором ему пока неизвестно.

Но давайте не будем об этом.

Интервью с его матерью навело много шума. Из-за папарацци, которые разбили лагерь перед домом, и разрывающегося телефона, этот день был далеко не лучшим из всех. Джимми имел полное право ходить напряжённым и недовольным. Я переключила телефон в беззвучный режим и сосредоточилась на сортировке последних писем. Чуть ранее я совершила ошибку и открыла дверь, после чего была атакована репортёрами. Они выкрикивали вопросы, толкая друг друга так сильно, что моё сердце бросилось вскачь, и меня начала душить клаустрофобия. Ко мне поспешила пара охранников. Они отпихнули толпу назад и помогли закрыть дверь. Больше я такой ошибки не повторяю. Не прошло и получаса как фото с моей испуганной физиономией и бардаком на голове просочилось в интернет. Через час позвонила моя мама, чтобы узнать, в порядке ли я. И со мной было всё в

порядке, просто мне бы не помешала обработка в «Фотошопе». Зато выдалась отличная возможность отвлечь её историей о моем вывихе лодыжки. Только названная причина была иной: я случайно споткнулась. Знаю, врать это плохо, очень плохо. Но, несмотря на свой возраст, я не могла признаться перед мамой, что пыталась выбить дверь в спальню парня. Но эта история хотя бы ненадолго прекратила её прессование за то, что я не собираюсь присутствовать на свадьбе сестры. Хоть какое-то спасение.

Как бы то ни было, сомневаюсь, что парням в студии удалось много сделать. Все выглядели не сосредоточенными, ведя себя чересчур живо или серьёзно подавлено. Мал просто играл на барабанах, и никто не мешал ему. Но было здорово, что все собрались здесь ради Джимми. Я же служила крепостью из силы и поддержки, делая вид, что он не оскорблял меня и не бросал на кухне днём ранее. Ради его же грёбаного блага я хотела быть самым что ни на есть приятным и светлым человеком. Но я помнила о том, что он ушёл от меня спустя две минуты после секса. И он до сих пор не извинился. Следовательно, моего прощения он ещё не получил.

Часть дня я провела в студии, щёлкая всех (за исключением Джимми) на фотоаппарат Пэм. Фотографии всем понравились, и Пэм меня очень поддерживала, давая полезные советы. Она сказала, что некоторые из фотографий можно будет разместить в следующем иллюстрированном альбоме.

То, что мы с Джимми поругались, заметили все, в первую очередь Эв. Она пыталась поговорить со мной о своём девере. На что я мрачно улыбнулась и продолжила обсуждение о снабжении предстоящего турне. То, что происходило или не происходило между мной и Джимми, касалось только нас двоих.

Я всё ещё не разговаривала с ним, действуя согласно протоколу ведения холодной войны.

— Лена, ну же, возьми пакет, — сказал он.

Мои руки не сдвинулись с iPad.

Он вздохнул.

— Эв, скажешь ей взять эту грёбаную хрень?

— Джимми, ты же не станешь втягивать меня в вашу с Леной ссору, потому что это будет неправильно. — С суровой улыбкой Эв, скрестила ноги. — Не так ли?

Послышалась приглушенная ругань.

— О-о-о, выбери меня! Можешь с радостью втянуть меня. — Словно кретин, коим он и был, через спинку серого замшевого дивана перепрыгнул Мал и сел рядом со мной. — Что ты хочешь, чтобы я передал Лене, Джим?

— Забудь, — прорычал Джимми.

Он убрал пакет. К моим ногам полетел чёрный бант и кусочки глянцевой обёрточной бумаги белого цвета. Знаю, что должна была посмотреть на него, поступив как взрослый человек. Передо мной появилась фотокамера, но не простая.

— Вот, — повторил он.

— Джимми сказал «вот», — доложил Мал возле меня.

У меня выпучились глаза.

— У Пэм такой же фотоаппарат.

— Лена сказала «у Пэм такой же», — сказал Мал.

Джимми его проигнорировал.

— Да, «Никон» D4. Она сказала, что если ты захочешь серьёзно заняться фотографиями,

то тебе такой пригодится.

Мал тихо присвистнул.

— Хитрый ход, Джимми. Я впечатлён. Хорошая работа по ухаживаниям.

Я уставилась на него с широко открытым ртом. Гугл подсказал, сколько стоит такая малышка вместе со всеми необходимыми комплектующими. Гугл чуть ли не довёл меня до слёз.

— Но он же стоит не одну тысячу долларов. Это на самом деле дорогой фотоаппарат.

Он приподнял одно плечо.

— Он для тебя.

— Я не могу принять его.

— Пэм сказала, если ты отправишься с нами в турне, то сможешь некоторое время присесть ей на хвост. В качестве ученика.

Восторг от подобной возможности поразил меня.

— Серьёзно?

— Да. — С парой страдальческих вздохов Джимми передал фотоаппарат Малу. А затем схватил меня подмышки и аккуратно поставил на ноги. — Слушай, я хочу, чтобы ты перестала на меня злиться.

— Тогда извинись. Обычно так поступают, когда задевают чьи-то чувства, Джимми. Извиняются.

— Я только что это сделал.

— Нет, ты просто попытался подкупить меня. Это не одно и то же. Извинение — это когда ты говоришь «прости» и делаешь это искренне, — сказала я. — А это взятка.

— Но с ней дело пойдёт быстрее.

Мои руки беспокойно двигались по бокам.

— Я не могу принять его. Ты меня не купишь.

— Но ты хочешь фотоаппарат?

— Конечно, хочу, — ответила я. — Но суть не в этом.

— Нет, Лена. Как раз в этом.

Вокруг нас начали шушукаться, потому что мы привлекли внимание толпы. Эти люди проявляли нездоровый интерес к тому, что творилось в жизни друг у друга. То, что на нас смотрят, я поняла ещё и по тому, как насторожился Джимми. Было видно, как под чёрной толстовкой с длинными рукавами напряглись его плечи.

— Уж поверь мне. Для меня это тоже не просто. — Он посмотрел по сторонам. От увиденного у него заходили желваки. — За нами все наблюдают, но я всё равно делаю это.

Эв поднялась на ноги.

— Ладно, народ. Давайте погуляем где-нибудь, предоставив им немного уединения.

— Я барабанщик «Стейдж Дайв». — Мал положил безумно дорогой фотоаппарат на место рядом с собой. — Ты не можешь приказывать мне, что делать, ребёнок-невеста.

— Как мило, что ты до сих пор считаешь забавным называть меня «ребёнок-невеста». — Эв достала телефон из заднего кармана джинсов. — Так мне звонить Энн, чтобы рассказать, как ты отказываешься оставить Джимми и Лену наедине, или нет?

— Ты не посмеешь.

Она провела пальцем по экрану.

— О, ещё как посмею.

Дэвид и Бен усмехнулись в свойственной мужчинам манере, но сделали, как было

сказано, и ушли в студию звукозаписи. Они определенно не хотели связываться с девушкой.

Секунду спустя за ними последовал Мал.

— Не нравится мне, что вы, женщины, в дружеских отношениях. Это не дело.

— А тебе стоит сказать об этом своей девушке, когда увидишься с ней вечером. Я бы с радостью услышала, что она ответит. — Махнув на прощание, Эв пошла за ним в звукозаписывающую комнату, или как она там называется.

Но это не важно.

Мы с Джимми стояли практически лицом к лицу, настороженно глядя друг на друга.

— Я купил его для тебя, — начал он. — Если ты его не примешь, то я его выброшу. Ты бы этого не хотела, не так ли?

— Это шантаж.

— Точно. Засуди меня.

Я скрестила руки.

— Извинись.

Он простонал.

— Лена.

— Ты занимался со мной сексом, а затем повёл себя ужасно и задел мои чувства. Это не мелочь какая-то. Вообще-то, в схеме положения вещей — это довольно весомая проблема. — Мои пальцы сжались вокруг его сильного запястья. — И те два оргазма дело не исправят. Извинись от чистого сердца.

— Просто... я такого не ожидал.

— От секса?

— Да, — ответил он.

— А чего ты ожидал?

— Не знаю. — Он нахмурился. — Чего-то менее хорошего.

— Значит, он был только хорошим? Я думала, замечательным.

Он потёр лицо.

— Чёрт. Ладно, да, он был замечательным. Твоя киска идеальна, и я не могу думать ни о чём другом, ясно?

Я не могла не улыбнуться.

— Ну, ты хотя бы без ума от одной части моего тела.

— Это значит, ты прощаешь меня?

— Даже близко нет.

— Да, чёрт возьми, Лена.

Он обвил меня руками и крепко прижал к себе. Моё лицо впечаталось в его грудь. В его крепкую, неподвижную грудь, и я почти уверена, в процессе всего этого он перестал дышать. Большие руки держали меня в стальной хватке.

— Джимми, ты что, действительно, обнимаешь меня?

Он проворчал.

— Ладно, у тебя хорошо получается. — Я упёрлась подбородком в его грудь и посмотрела на него. — Я горжусь тобой.

— Ты перестанешь игнорировать меня, и мы сможем вернуться к прежним... нам?

— Да.

Он выдохнул.

— Хорошо. Это хорошо.

Я обняла его в ответ так крепко, как могла. Он был моим Ромео в чёрных джинсах, и у этой истории такие же шансы на печальный конец, как и у самой пьесы. Но всё-таки меня переполняла любовь к нему, она наполняла каждую частичку меня знакомыми тёплыми чувствами. Конечно, я и раньше «влюблялась». Но разница заключалась в том, что я любила его целиком, и на этот раз не могла так просто это преодолеть. Всё во мне желало его, я жаждала его на клеточном уровне, будь то хорошая или плохая, темная или светлая, приятная или же скверная его сторона. Невозможно миновать эмоции подобной величины.

Я любила всё в нём и из-за этого чувствовала себя беспомощно.

А что, если он узнал об этом? Он хотя бы подозревал о моих истинных чувствах, о том, что это не просто какая-то интрижка? Хотя, если бы знал, то мне бы быстренько дали пинка под зад, и я бы пролетела не менее трёх кварталов. Поэтому я любила его молча.

Ну а он, в свою очередь, гладил меня по голове.

— Рад, что мы помирились, — сказал он, опуская руки по бокам.

Я сжала его крепче.

— Мне пора вернуться к работе. Ребята будут ждать. Но, Лена, можешь сделать мне одолжение?

— Какое?

— Прими фотоаппарат. Пожалуйста. Я хочу, чтобы он был у тебя.

— Но он такой дорогой.

— Это всего лишь деньги, Лена. Не парься. Я заработаю ещё.

— Что ж, мне становится всё сложнее и сложнее сопротивляться.

— Тогда не отказывайся.

Я глубоко вдохнула, исподтишка потершись об него грудью (не судите меня строго).

— Хорошо, но только потому, что это будет ужасно грубо с моей стороны, не принимать столь щедрый подарок.

— Для меня это мелочь, правда. По сравнению с моим состоянием это всего лишь капля в море.

Я изучала его лицо и, само собой, к нему вернулось его привычное спокойное и беззаботное выражение.

— О.

— Ладно? — Он отступил, и связь между нами внезапно оборвалась. — Мы в порядке?

— Двадцать косарей, — сказал Бен тихим низким басом где-то позади меня.

— Да не возьму я с тебя больше денег, — ответил Мал. — Лёгкие деньги.

— Ладно, как насчёт сорока штук на то, что они не продержаться до Рождества?

— Почему ты постоянно ставишь против истинной любви, Бенни? Что за собака там зарыта?

— Всё это — хрень собачья, — пробормотал Бен.

— Бен, — сказал Джимми. — Следи за своим грёбаным языком.

— Извини. — Какое-то ворчание послышалось от Бена. — Я не думал, что они могут нас услышать.

— Конечно же, мы слышим тебя, идиотина. Мы не глухие. Хватит. — Джимми отступил назад, его руки мягко, но твёрдо отделили меня от него. У моих липких ручонков не было и шанса. Он был слишком сильным, чтоб его. — Пора возвращаться к работе.

— Погоди. — Я обхватила себя руками, и это позволило мне почувствовать себя менее опустошённой. — Ты это серьёзно говорил о том, что я могу побыть ученицей Пэм во время

тура?

— Да. Она это предложила, поговори с ней. Она сказала, у тебя врожденный талант, и дополнительная пара рук ей не мешает.

— Но, я думала, что ты хочешь, чтобы я продолжала быть твоим личным помощником?

Он поджал губы, словно задумываясь над вопросом.

— Я подумал, что ты в конце концов устанешь от этой работы. Она тебе надоест. Поэтому побудь с Пэм, а потом можешь снова работать на меня и свободно заниматься другими вещами.

— Значит, это будет что-то наподобие второй работы?

— Конечно. Почему бы и нет?

— Я должна немного подумать и поговорить с Пэм.

— Так и сделай, а потом используй этот шанс. Это будет отличным опытом для тебя.

— Я подумаю об этом.

— Что насчёт секса? — спросил он.

— А что насчёт него?

— Я хочу ещё им заняться. С тобой, — его голос понизился. — Что скажешь?

— Честно, я не знаю.

Он уставился на моё лицо, довольно долго ничего не говоря. Его пальцы начали взволновано похлопывать меня между лопаток. В итоге он сказал:

— Нас всё ещё влечёт друг другу, так? А значит, первичные инстинкты сойдут в качестве причины.

Моё сердце замерло.

— Нас, хм?

— Да. — Он замолчал, вздохнув. — Это же так?

— Думаю, что да. Приятно слышать подобное.

— Тогда я думаю, мы должны это сделать: попробовать новые позы и подурочиться немного. Как знать, может, это что-то исправит.

— Ты искренне веришь, что позы ножниц, бабочки или летающего дракона смогут всё между нами наладить?

Его взгляд остекленел.

— Лена... вот блин.

— Что?

Он указал вниз, и я проследила за этим движением. Вот это да, в его штанах, определённо, что-то происходило.

— Я не виновата, что ты не можешь себя контролировать. Пусть даже это вызвано моими словами.

Он застонал.

— Но знаешь, наш секс определенно исправит одну вещь.

— Верно. — Ничего себе, у его ширинки была нехилая выпуклость. И у меня намокли трусики. Какие плохие мысли. Надоедливые мысли. — Но ты не очень хорошо отнёсся ко мне в прошлый раз.

— Этого больше не повторится. Обещаю.

— Обещаешь, ага?

— Точно. — Он подошёл ближе. — Даю клятву бойскаута и всё такое.

— Никогда бы не подумала, что ты был бойскаутом.

— Я и не был. Но я в состоянии завязать чёртовы узлы.

Я открыла рот, но... да, мне не нашлось, что ответить. Ох, какие же грязные огоньки плясали в его глазах. Мне безумно хотелось услышать про эти узлы в подробностях.

Он усмехнулся.

— Это первый раз, когда тебе нечего сказать.

— Замолкни. — Казалось, моё лицо пылает. Я прочистила горло несколько десятков раз. — В любом случае, я бы хотела воспользоваться возможностью сказать, как ужасно себя чувствую за то, что тебе понравилось заниматься со мной сексом. Серьёзно, Джимми. Я искренне приношу извинения от имени своей вагины.

— Ну, ладно. — Он отвернулся, стараясь сдержать улыбку. — Теперь ты чересчур этим наслаждаешься.

— Быть того не может.

— И я знаю о цветах, которые ты послала Лив от моего имени.

— Правда?

Чувство испытываемого экстаза упало на несколько уровней.

— Она звонила, и у неё был чертовски счастливый голос. Сколько ты на это потратила?

Я заставила себя выдавить смех.

— Ты сказал, что деньги для тебя ничего не значат, у тебя их достаточно.

Он взял меня за плечи. Кажется, в ближайшее время резкая линия его рта станет ещё суровее.

— Эй, я сделала приятное другому человеку, чтобы помочь ей почувствовать себя лучше. Просто, так вышло, что я сделала это за твои деньги. Но, Джимми, ты плохо вёл себя по отношению к ней, когда она уходила, и мне казалось... ну, знаешь, ты ведь пригласил её сюда, а потом...

Он просто смотрел на меня.

— Можем мы вернуться к той части, когда я была права, а ты нет? Честно говоря, так мне было веселее.

Позади меня послышались звуки спускающихся вниз шагов.

Народ спасёт меня, ура-а!

Но, кажется, Джимми не волновало, были ли у нас зрители, он не стал отпускать меня. Вместо этого он взялся за мой хвостик и легонько потянул вниз, пока я не откинула голову назад.

— Мне наплевать на цветы, — сказал он, наклонившись ближе и прижав щеку в моему лбу. Чёрт, это было очень приятно, я даже не думала, что кожа на лбу настолько чувствительна к ощущениям. Моё тело ослабло из-за наплыва приятных флюидов. Это всё равно, что смачный поцелуй в лоб, от которого чувствуешь себя немного неловко, но в то же время понимаешь, что он того стоил. Если бы Джимми действительно тогда поцеловал меня, то я бы, наверное, кончила на месте.

— Это была хорошая идея, — сказал он. — Ты правильно поступила. Спасибо тебе.

— Пожалуйста.

— На то, кто лидирует в отношениях, мне тоже всё равно. Это так, если тебе интересно.

Я улыбнулась и стояла неподвижно, пока он водил пальцами по моей щеке. Было так приятно, что он снова касался меня, что он был так близко.

Но вот он посмотрел поверх моей головы прямо на того, кто стоял позади.

— Привет, Дин.

— Джим, — ответил Дин грубым голосом.

Я замерла. Когда он прикоснулся ко мне, я полностью позабыла о том, что мы не одни, вот какой властью он обладал. И он использовал ее, чтобы изложить свою точку зрения, показать Дину, что он победил, или какую-то там ещё мужскую хрень.

— Лена, — сказал Дин.

Обеими руками я уперлась Джимми в живот, отодвигая его.

— Привет, Дин.

Его лицо ничего не выражало.

— Что случилось с твоей ногой?

— Она пыталась выбить мою дверь, — сказал Джимми, да благослови Господи его за столь отзывчивое сердце. Уверена, в его голосе не было ни капли самодовольства, всё это только моё воображение.

Дин побрёл в сторону студии.

— Лучше пойду работать.

Дверь тихо закрылась.

— Что это было? — спросила я, обманчиво спокойным голосом.

— Что? — спросил он, его плечи уже начали подниматься, с целью защитить свою невиновность.

— Ты сделал это, чтобы досадить Дину?

— погоди, так ты хочешь или не хочешь, чтобы я к тебе прикасался?

— Думал, я не скажу ему, что мы не сможем больше встречаться?

Он закатил глаза, одарив меня скучающим взглядом.

— Я просто дурачился.

— Нет, ты вёл себя как ревнивый придурок, — сообщила я ему, так спокойно, как могла. — Это оскорбительно по отношению ко мне и по-скотски к Дину. Парень столько лет с вами работает. Он заслуживает лучшего.

Он взял мою руку.

— Ты снова на меня злишься?

— О, ты это заметил?

— Лена, да ладно тебе.

Я выдернула свою руку.

— Исправь это.

— Что? Как?

— Я дам тебе подсказку. Ничего покупать не нужно. Пошевели мозгами.

Мой личный аккаунт завалило всякими сообщениями. Большинство из них состояли из: «О, привет, а ты знаешь кого-то из знаменитостей. Хочешь, как-нибудь позависаем вместе?». Полагаю, в возрасте двадцати с чем-то люди живут без лишних заморочек, не парясь что-либо делать. Большинство моих друзей, по всей видимости, не заметили, что я сбежала из дома после объявления о свадьбе сестры и бывшего. А этот возобновленный интерес к моей страничке связан с одним из братьев Феррис, никак иначе.

— Привет.

Я оторвалась от ноутбука и увидела Дэвида Ферриса в дверях кабинета. Не ожидала его

здесь увидеть.

— Привет, Дэвид.

— Можем мы поговорить секунду? — спросил он с серьёзным лицом.

— Конечно.

Он сделал два шага, осмотрел комнату. Здесь был всего-то стол и пара стульев, несколько полок, на которых стояли различные музыкальные награды и подобная ерунда. Наверное, это была самая простая комната из всех, самая практичная. Скорее всего, он здесь ни разу не был.

— Джим записывается в студии, но мы уже скоро закончим, — сказал он с несколько неловкой улыбкой.

— Понятно. Я могу тебе чем-то помочь?

— Хочу поговорить с тобой о нём.

Я повысила бдительность. Снова они лезут в жизни друг друга. Я держала рот на замке.

— Рад, что вы двое сошлись. Но, Лена, он будет продолжать всё портить. Он не исправится.

— Не думаю, что нам стоит...

— В старшей школе он мог заполучить любую девчонку одним лишь взглядом. Клянусь, этого было достаточно, чтобы они падали к его ногам.

Уверена, так и было.

— Так было всегда. Он никогда не возвращался к прежним девчонкам и не проявлял столько интереса ни к одной из них.

Я вцепилась в ноутбук и отвернулась. О чём бы он ни пытался сказать, мне это не нравилось. К тому же, как бы не были запутаны наши с Джимми отношения, я не собиралась обсуждать их за его спиной.

— Я слышала. Дэвид, мне некомфортно разговаривать об этом.

— Ты ему, правда, нравишься. Лена, стоит тебе войти в комнату, как он тут же весь на иголках. Поглядывает на тебя тайком, внимает каждому твоему слову. Не знаю, знаешь ли ты это...

Я моргнула:

— Э, нет. Я не знала.

— Джимми всегда был тяжёлым случаем, держал все чувства в себе.

— Ничего подобного. Просто у него сложный характер.

Я без лишних раздумий встала на его защиту. В том же самом меня обвинял мой придурочный бывший. Эти слова всё ещё задевали за живое и были словно большая красная кнопка для гнева, которую вот-вот нажмут.

— Лена, — сказал Дэвид. — Просто позволь мне объяснить. Пожалуйста.

Я кивнула.

Он пробежался глазами по сверкающим наградам. Он и впрямь был очень привлекательным мужчиной, но всё, что я видела в нём, это схожие генетические частички с Джимми. Или, быть может, всему виной любовь, из-за которой пытаешься найти следы, по которым так жаждет последовать сердце. Возможно, начиная с этого момента, мне стоит попытаться разглядеть самого Дэвида.

— Ты знала, что это была его идея создать группу? — спросил Дэвид.

— Нет, не знала.

Дэвид кивнул и улыбнулся краешком губ.

— Ну да, ему нравится говорить, что это моих рук дело, но это не так. Как-то Джим сказал, что раз мы столько времени тратим, валяя дурака с гитарами и прочим, то могли хотя бы заработать на этом денег. Но предложил он это не совсем по этой причине.

Я интуитивно придвинулась ближе, чтобы узнать причину.

— Почему же тогда?

— Из-за семьи, Лена. Он хотел свести нас вместе. Думаю... точнее, знаю, что ещё тогда он начал расклеиваться. Он уже пил и курил марихуану. Не часто, но в избытке. И чем известнее становилась группа, тем больше разрастались его проблемы. — Дэвид пошевелил челюстью. — Словно он считал, будто не заслуживает успеха, поэтому, чем быстрее он к нему приходил, тем быстрее Джим убегал.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что прямо сейчас он убегает от тебя. Он напуган, Лена.

Я моргнула.

— Он всегда присматривает за тобой, и как только ты оказываешься рядом с ним, он становится нервным и быстро заводится. Ты как его новый вид наркотика. Фактически ты действуешь на него хорошо. — Он прищурился, морщинки появились у него на лбу. — Проблема в том, что он не знает, как вести себя с тобой. Не чувствует себя достойным чего-то похожего на любовь, такую, как у меня с Эв или Мала и Энн.

— Не знаю, что с этим делать, — сказала я, поудобнее располагая свою повреждённую ногу. Голова уже устала от водоворота мыслей. Сегодня был длинный день. — К чему ты клонишь, Дэвид? Чего ты хочешь от меня?

— Ну... не знаю, — засмеялся он. — Я думаю, я прошу тебя быть терпеливой, не отказываться от него.

Я просто пялилась на него.

— Не разбей ему сердце, Лена. Чёрт, он едва ли знает, что оно у него есть, но оно существует. И действительно хорошее. Просто дай ему время понять, что с этим делать, пожалуйста.

— Дэвид...

Он поднял руку, попросив меня помолчать, как будто мне было что сказать.

— Просто подумай об этом.

— Я хочу, чтобы и ты кое о чём подумал, — сказала я. — Пожалуйста.

— О чём?

Я глубоко вздохнула, аккуратно подбирая слова.

— После Айдахо, когда объявилась ваша мама, и ты сказал те вещи, его это очень ранило. Сильно.

Его пристальный взгляд помрачнел.

— Лена.

— Он защищал тебя от неё, даже не представляешь, как сильно. Я не могу сказать... — Я пожалала плечами и впиалась руками в колени. — Будет неправильно, если я скажу больше. Ему нужно, чтобы ты был рядом, когда дело касается её. И что более важно, он этого заслуживает.

Дэвид уставился в пол, потом медленно кивнул.

— Я знаю. Так и поступлю.

— Спасибо тебе.

Он вдумчиво посмотрел на меня из-под бровей.

— Кажется, мы оба его любим, так ведь?

Мои губы раскрылись, чтобы подтвердить это, но я не смогла этого сказать. Слова исчезли.

Он улыбнулся и ушёл.

После его ухода я ещё долго просидела в раздумьях.

Около полуночи в мою комнату на цыпочках вошёл Джимми. Я почти улыбнулась, представляя, как он пробирался сюда в потёмках. Словно мы снова вернулись во времена, когда нам было по шестнадцать.

— Лена? — прошептал он, заползая на кровать. — Ты не спишь?

После того как мы поругались, помирились, снова поругались, и после разговора с Дэвидом, я была выжата как лимон. До самых косточек. В эмоциональном плане. Мне просто нужно было немного отдохнуть от этого, поэтому я притворилась спящей. А ещё мне хотелось узнать, что же он сделает, если я не отвечу.

Закончив в студии, они с Беном отправились на пробежку. Я наложила еды в тарелку и ушла в свою комнату. И знаете что, тащить задницу по ступенькам с полной тарелкой было не очень легко. Можно сказать, это была не самая лучшая идея. Но внизу всё ещё были люди, и, честно говоря, я просто хотела побыть в тишине, наедине с собой, едой и новым фотоаппаратом.

Было здорово сделать паузу. В последнее время моя жизнь была чересчур насыщена.

Джимми залез под одеяло, под его весом прогнулся матрас. Я лежала на спине с ногой, закинутой на подушку. Некоторое время он просто довольствовался тем, что лежал рядом со мной. Я наострила уши, прислушиваясь к каждому его вдоху, каждому шелесту простыни. Что он забыл здесь? Дело, скорее всего, в животном инстинкте. Я нахмурилась, и всё ждала, когда он скажет, зачем пришёл, но проблема так и не решалась. Похоже, сплошное недопонимание было главной темой этого года.

— Я извинился перед Дином, — тихо сказал он.

— Правда?

— Да.

— Хорошо. Я рада.

После чего он потянулся ко мне. Его пальцы коснулись моего бедра, замерли и дёрнули за край моей футболки, задевая одну из многих мелких дырочек.

— Это же моя старая футболка, да? — Джимми придвинулся ближе. Матрас снова прогнулся, когда он потянулся через меня, чтобы включить лампу на прикроватной тумбочке. Перед моими глазами заплясали огоньки. Когда они исчезли, я увидела, что он завис надо мной. Все было немного размыто из-за отсутствия очков. — Чёрт, так и знал, что ты её спёрла.

— Понятия не имею, как она попала в стирку моих вещей.

— Ах ты мелкая брехушка.

Я подавила улыбку. Если он надеялся, что я отдам её, то мечтать не вредно.

— Некрасиво так говорить.

— Хочешь, чтобы я хорошо вёл себя? — спросил он, сексуально понизив голос. — Я могу.

— Знаю, что можешь.

— У меня отключились мозги, когда я увидел Дина. Ты была права, я приревновал.

Он тихо выругался, продолжая играть с краем моей футболки. Затем засунул большой палец под неё и провёл по моему животу. Это было самым нежным и щекотливым

ощущением. Значит всё-таки животный инстинкт, как я и думала, и стыд на мою голову за то, что я не возражала. Моя мама должна отругать меня за такое ветренное поведение.

Я перестала дышать. Рядом с ним я всегда вела себя столь безрассудно.

— Поговори со мной, — нежно попросил он.

— О чём? — с той же нежностью ответила я.

— О чём угодно.

Что бы сказать? Я повернулась к нему лицом. Его голова лежала на другой подушке, не сильно далеко, но и не близко. На идеальном расстоянии для прикосновений и разговоров. Как было бы здорово каждую ночь видеть его перед сном. Просыпаться с ним каждое утро, лёжа рядом.

— Хочешь, чтобы я снова сделал тебе приятно? — Он провёл несколькими пальцами по моему животу, отчего внизу разгорелось адское пламя. Если так продолжится, то мои трусики окажутся в неловком положении. Он приподнялся на локте, что я скорее почувствовала, нежели увидела. — Лена? Ты всё ещё злишься на меня из-за Дина?

— Нет, не злюсь. Но было бы лучше, если бы ты этого не делал. Нам нужно завязывать с ссорами, они изнуряет меня.

Его рука сжала моё бедро.

— Ты хотела сказать, что это мне нужно прекращать лажать.

— Я имела в виду, что нам обоим стоит найти способ, как не быть занозой в заднице друг у друга.

— Хм-м. — Его ладонь соскользнула с моего бедра на кровать, чтобы схватить меня за ягодицу. Такое деликатное движение. — Я знаю кое-что, что заставит твою задницу почувствовать себя лучше.

— Глубоко сомневаюсь, что тебе это под силу.

Он фыркнул.

— Джимми, я серьёзно. Нам нужно научиться жить в мире и гармонии, пока мы случайно не поубивали друг друга.

Я потянулась к нему, чтобы прикоснуться к его волосам. Как всегда он напрягся. Но затем снова расслабился, позволяя делать это. Это всё равно, что иметь дело с диким животным: никогда не знаешь, когда оно тебя цапнет. Его пальцы поглаживали мою попу, не выпуская её из крепкой хватки.

— Мы оба с характерами, — сказал он. — Но, должен признать, у тебя на меня зуб.

— Ты оставил меня с голой задницей на кухонном столе. А спуститься вниз с этой дурацкой штукой на ноге было непросто.

— Прости. Это было по-свински с моей стороны.

Он выпалил это прямо в лоб, не колеблясь. Может, ещё не всё потеряно.

— Спасибо, ты прощён. Ну так, что? — спросила я. — Тебе стало скучно у себя в комнате?

— Типа того.

Его большая тень накрыла меня.

— Или ты пришёл сюда с конкретной целью?

Моя рука скользнула на его шею, проводя по упругим мышцам. Его кожа была такой приятной, гладкой и тёплой на ощупь. Может, если я очень вежливо попрошу его, он снимет футболку? Нет, плохие ручонки! Из-за вас я думаю о всяких нежелательных вещах.

— Я не хотел идти спать, не поговорив с тобой, — ответил он. — Сегодня был

напряжённый график. А потом ты рано ушла.

— Скучал по мне?

Он раздражённо выдохнул и коротко кивнул.

— Это хорошо. Девушки любят, когда по ним скучают.

Я провела пальцем по его колючему подбородку. Он поймал его зубами и нежно прикусил, чем удивил меня. Я не думала, что Джимми может быть настолько игривым. Он не разжимал зубов. Я дёрнула руку, чтобы освободить свой палец.

— Ты животное, — засмеялась я, наконец, освободив палец. Довольно этой бессмыслицы, я хотела секса. Несмотря на то, что мозг желал иного, в моём животе образовался тугий узел, а бёдра сжались. Я села, и Джимми отскочил назад, сохраняя между нами прежнее расстояние.

— Поцелуй меня, — сказала я.

Он сжал моё бедро.

— Расставь ноги, позволь попробовать тебя.

— Сперва я хочу поцелуй.

— Я поцелую твою сладкую киску. — Теперь он сжал бедренную кость. — Ну же, Лена, расставь ноги.

И мне нравилась эта идея, правда нравилась, бог мне свидетель, потому что, если бы это было не так, то я была бы настоящей идиоткой. Но сейчас дело обстояло иначе. Я потянулась к очкам, которые лежали на тумбочке.

— Что не так? — спросил он.

— Ты ни разу не целовал меня.

Джимми засмеялся. К концу долгого дня на его голове творился прекраснейший беспорядок.

— Да мы занимались этим всего раз.

— Большинство людей целуются, прежде чем заняться сексом. Это вроде как традиция. Знаешь, даже сегодня, когда ты помечал свою территорию перед Дином, ты не поцеловал меня, а просто прижал щеку к моему лбу.

— Футболка отпадно на тебе смотрится, — сказал он, отдавая должное моим торчащим соскам. Что было очень мило с его стороны, но к делу отношения не имело.

— Ты не целуешься, я права? — Я наблюдала за тем, как он смотрел куда угодно, лишь бы не на меня. — Ты не против прикосновений, если делать это медленно. Но вот с настоящими поцелуями у тебя проблема.

Он покачал головой, убирая руку с моей ноги.

— Лена...

— Должна сказать, ныряние под юбку девушки — это отличный метод избегания её рта. Пять баллов, Джимми, за столь гениальный план.

В этот момент он действительно выглядел застенчиво.

— Это слишком личное, да?

Он фыркнул.

— Что за хрень, какое отношение это имеет к личному? Я был рад лизать твою киску, так почему должен бояться твоего лица?

— Это ты скажи мне.

По всей видимости, он решил промолчать и закрыть рот на замок.

— Я хочу поцеловать тебя, Джимми. Всегда хотела. Поцелуешь меня?

В ответ он насупил брови и нахмурился.

— Иди сюда, всё в порядке. — Я схватила его за футболку и притянула к себе. — Это всего лишь я.

Он придвинулся всего на пару сантиметров.

— Просто, мне такое неинтересно. В этом ничего такого, ведь каждому нравится разная хрень, понимаешь?

— Понимаю. — Я притянула его немного ближе. — Просто, мне нужно узнать, каковы твои губы на вкус.

— Других девушек это не волновало. Хотя я никогда не оставлял их неудовлетворёнными, я делал всё для их оргазмов.

— Хорошо.

И ещё ближе.

— Просто... ну, знаешь, я не хочу приближаться к чужому лицу, быть настолько близко к человеку. Мне это не нравится. Я целовался раньше. Целовался, но не с особым энтузиазмом.

— Ладно. — Медленно я потянула его, пока наши носы чуть не столкнулись. И, знаете что, видок у него был далеко не счастливый. — Мы просто немного поцелуемся. Это не страшно.

— Я в курсе, — надулся он.

— И если тебе впрямь не понравится, то я остановлюсь.

Он нерешительно кивнул.

Нежно я прижала свои губы к краю его рта. Всё это время мы держали глаза открытыми. Джимми облизнул губы и выдохнул. Затем, когда он не предпринял никаких попыток сбежать с кровати, я попробовала ещё раз, один раз поцеловав его нижнюю губу. Он вздрогнул, но не отстранился.

Я наклонила голову, снова целуя его, предоставляя больше контакта под другим наклоном.

— Как тебе? — спросила я, чувствуя его тёплое дыхание на своих губах.

Он пожал плечами.

— Неплохо. Я не против.

— Хочешь ещё разок?

— Давай. Можно повторить.

— На этот раз можешь немного открыться мне?

Его губы слегка приоткрылись, но сам он замер, позволяя мне руководить процессом. Нерешительное выражение его лица сменилось на любопытство. Его глаза медленно закрылись.

— Пасибки. — Я неспешно прикоснулась губами к его губам. — У тебя прекрасные губы, Джимми, они такие тёплые и мягкие.

Он издал угрожающий звук. Кажется, это было хорошим знаком.

— Мне до безумия хотелось поцеловать тебя.

Наши носы столкнулись, и я улыбнулась, наклонила голову, и мы продолжили начатое. Я немного приоткрыла губы, снова и снова целуя его в верхнюю губу. Я ощущала его дыхания на моём лице, его щетину на коже. Мне хотелось раствориться в нём, узнать его изнутри и снаружи. Хотелось защитить его и заботиться о нём, поддерживать и любить его. Очень медленно Джимми наклонился ближе, встретив меня на полпути. Когда я провела

языком по его нижней губе, он вздрогнул, а его глаза резко распахнулись.

— Ты предпочитаешь без языка? — спросила я.

— Можно и с языком.

Его взгляд был затуманен, а зрачки расширены.

— Приоткроешь губы ещё немного для меня?

Он кивнул, делая, как сказано. Его рука легла на мою ногу, сильные пальцы поглаживали моё бедро. На этот раз, когда я подалась к нему, он двинулся навстречу. Чёрт, да, успех! По моим венам потекла сладкая эйфория. Он хотел этого. Склонив голову, я накрыла его рот своим, провела кончиком языка по его зубам, исследуя. Он сделал выдох, а я втянула воздух.

Неуверенно его язык двинулся навстречу. Но после быстрого прикосновения он тут же исчез. Я же не остановилась. Провела языком по его зубам, играла с его губами, соблазняя его на большее. Слов не хватит, чтобы описать, насколько он был восхитителен на вкус. Вскоре его язык снова прикоснулся к моему, заставляя меня стонать. Чем больше Джимми входил во вкус, тем глубже и сильнее становился поцелуй, наши языки сплетались вновь и вновь. Когда мы, в конце концов, прервали поцелуй, то со сбившимся дыханием уставились друг на друга.

— Как впечатление? — спросила я.

Его взгляд остался приклеенным к моим влажным от поцелуев губам. Он осторожно прикоснулся к своему рту.

— С тобой было не так плохо.

— Да?

— Ещё раз.

На мой затылок легла рука, притягивая меня ближе, чтобы соединиться в поцелуе. Наши губы, зубы и языки сражались за право лидировать, но эта была самая приятная битва из всех. В конце мы оба оказались в выигрыше.

Не мешкая, он потянулся к краю моей футболки, снял её через голову и бросил в сторону. А затем накрыл мои груди своими руками.

— Мне нужно было это сделать.

— Неужели? — выдохнула я.

— О, да. У тебя офигенные титки. Просто необходимо подержаться за них немного.

Его пальцы поглаживали мои соски, играясь с ними, отчего те наливались. Моя грудь казалась набухшей и тяжёлой, внизу всё полыхало. Даже немного смущало то, как из-за него я становилась такой мокрой. До чего же заводила то, с какой уверенностью он смотрел на моё тело. Его пальцы поглаживали изгибы бёдер и животик (увы, я слишком любила поесть, чтобы оставаться худышкой). В его глазах не было сомнений, только одобрение. Все мысли улетучивались лишь от одного его близкого присутствия, от его прикосновений. Имело значение только то, что происходило сейчас.

Он ущипнул меня за соски, и я ахнула.

— Чувствительные? — спросил он.

— Да.

— Хочешь, чтобы я остановился?

— Боже, нет.

— Ты охрененно горяча, — промурлыкал он. — Даже не представляешь, насколько.

— Не знала, что ты воспринимал меня в этом ключе.

— Я не мог этого не заметить. И, поверь мне, я пытался. Но тогда, в офисе у Адриана на тебе была та белая обтягивающая юбка, и ты смотрела на меня так, словно готова растерзать на кусочки. Я чуть не умер от желания задать тебе жару.

— Ты помнишь, что на мне было в нашу первую встречу?

— Ну, да. В этом нет ничего особенного.

Но я так не считала. А может, всё дело в моей самонадеянности.

Джимми засмеялся низким, похотливым смехом.

— И когда мы отправлялись на пробежку... блин. Ради всего святого, никогда не покупай спортивный лиф. Мне кажется, я расплачусь, если не смогу каждое утро смотреть, как подпрыгивает твоя грудь.

— Моя грудь не настолько плоха.

— Нет, — ответил он. — Она настолько хороша.

— Что же ещё вы заметили, мистер Феррис?

Его улыбка была такой порочной. Мне это нравилось. Всё это время он продолжал играть с моими малышками, разминая их руками, сводя меня с ума. Я изо всех сил пыталась совладать с дыханием из-за перевозбуждённого состояния. Кажется, нервные окончания, находящиеся между сосками и моей киской, взбунтовались от количества экстаза. Если он продолжит в том же духе, то вскоре я смогу кончить.

— Что? — спросила я, едва дыша. — О чём ты думаешь с таким выражением лица?

— О твоей заднице, когда ты поднималась вверх по лестнице. Я умирал от желания потянуть и схватить тебя.

Я открыла рот.

— Так вот почему ты всегда пропускал меня вперёд. Ну ты и сволочь, я-то думала, что ты просто проявлял вежливость.

— Знаю, — ответил он. — Ложись на спину.

Я откинулась назад, и вся трепетала от восторга. Его руки вцепились в меня крепкой хваткой; пальцы игрались с тугими сосками. Чёрт, как же приятно это было. Я изнывала от самой сладкой, растекшейся по всему телу, боли. Находиться с ним в такой близости, чувствовать его прикосновения само по себе было вознаграждением. Почти уверена, что каждый раз, стоило ему появиться подле меня, я начинала светиться. Просто такой эффект он на меня оказывал.

Его руки опустились к моим бёдрам и залезли под эластичную ткань трусиков. От жара в его глазах моя киска сжалась.

— Нужно тебя раздеть, — промурлыкал он, уже стягивая с меня трусики.

И да, находиться абсолютно обнажённой перед мужчиной своей мечты было немного пугающе. На кухонном столе большая часть меня была скрыта под платьем. А в этот раз на мне ничего не было, даже трусиков. Всё было выставлено напоказ. Джимми Феррис, всемирно известное произведение искусства с виртуозным вокалом, смотрел на меня. Бабочки у меня в животе съехали с катушек. Но из-за его взгляда у меня не возникло желания остановиться. Его лицо выражало чистейшую страсть. От этого внутри меня распространилось тепло. Нам нужно срочно кое-чем заняться. Прямо сейчас.

— Джимми?

— Хм-м?

С осторожностью он поднял мою раненую ногу, переместил её в сторону и убрал подушку. Затем раздвинул мои ноги, чтобы устроиться между ними.

— Ты тоже сними одежду, — сказала я. — Хочу увидеть тебя полностью.

Джимми слез с кровати, по пути стянув с себя футболку и расстёгивая пуговицы на джинсах. И всё же он остановился, чтобы достать из кармана презерватив и бросить его возле меня.

На нём не было нижнего белья.

Никаких боксёров, шорт или их сочетания. Ё-моё. Как же развратно. У меня остановилось дыхание, а сердце помчалось вскачь. Как, чёрт возьми, я смогу снова работать возле него, зная, что всего под одним слоем одежды он совершенно голый? Мне прекрасно известны свои мысли на сей счёт: сплошные непристойности. Мне не удастся не смотреть на его член.

Я обречена.

— Что-то не так? — спросил он, возвращаясь на кровать и становясь на колени между моими ногами.

Я отрыла рот, но не вымолвила и слова. Его налитый член указывал прямо на меня, и, боже милостивый, как же я этого хотела. Я растаяла на месте. Моё сердце изнывало от желания, чтобы он вошёл в меня. Должно быть, на небесах кто-то был под сильнейшим вдохновением, когда создавал Джимми. До этого ещё ни один пенис не удивлял меня своей грациозностью. Кажется, Джимми был идеально пропорционален, и его член немного покачивался влево. Его хозяйство было на один или два размера больше, чем положено, он как всегда был впереди всех. На его тёмно-красной головке была капелька смазки, и у меня потекли слюнки. Я увлечённо наблюдала за тем, как он надевает презерватив.

— Лена, сосредоточься. Почему ты хмуришься?

Я уставилась на его член как зачарованная. Даже заключённый в резинку он оставался произведением искусства. Если бы у меня был талант к поэзии, то я бы написала ему оду. Быть может, хокку.

— Лена?

Я была загипнотизирована, беспомощна. Поражена от его хозяйства.

Джимми ругнулся, приподнялся на руках и коленях.

— Эй, мои глаза вообще-то здесь.

— Ч-что?

По всей видимости, моё самообладание и созерцание возбуждённого Джимми не могли сосуществовать одновременно.

— Ты отключилась при виде меня, — осуждающе сказал он. Его волосы упали на лицо, пока он смотрел на меня сверху.

— Это не моя вина. Ты разделся.

— Тебе это понравилось, да?

— Да.

Он улыбнулся краешком рта и поднялся на колени.

— Не уходи. — Мои липкие руки потянулись к нему и схватили его за запястье. — Пожалуйста? Иди сюда, я хочу, чтобы ты был сверху.

— Хочешь миссионерскую позу? — Он положил свои руки на бёдра. Его пальцы лежали на тех прекрасных линиях, ведущих вниз к паху, которые бывали у накачанных парней. — Серьёзно, такая у тебя сексуальная фантазия?

— Да. И в следующий раз давай используем эти простыни с прорезами для наших частей тела, потому что как по мне, такое очень заводит. — Я даже устроила ему

демонстрацию, просунув палец в дырку, образовав ее другой рукой. — Понимаешь, о чём я?

Взгляд в его глазах был не совсем весёлым.

— Нам нужно установить правило: никаких шуточек или ругани во время секса.

— Ладно. Извини. Накосячила.

Он снова покачал головой.

— Мы можем вернуться к перепиху?

— Да, я просто... иди сюда. Пожалуйста.

Я распахнула руки в приглашающем жесте.

— Но только в этот раз, — сказал он. — Кто вообще сейчас использует миссионерскую позу. Это же скучно.

— Ты прав, я знаю. Я немного не в теме сексуального репертуара из-за долгого отсутствия партнёра и с твоей стороны было бы очень здорово побаловать меня.

Жар его тела накрыл меня. Я быстро закинула здоровую ногу на его бедро и обхватила его за шею на случай, если он вдруг попытается сбежать. Его большое, горячее тело прижало меня к матрасу, и я оказалась на небесах.

— Скажи, если тебе станет подо мной тяжело, — сказал Джимми.

— Мне не тяжело.

Он перенёс вес на руки, как только я прижалась к его груди. Даже лёгкое касание его волос, ведущих вниз от пупка, приносило наслаждение, дразня кожу и будоража меня. Его готовый член упирался в мою киску в ожидании. Было практически невозможно устоять от желания потереться об него. Я выгнулась для большего соприкосновения, не беспокоя при этом свою больную лодыжку. Джимми смотрел на меня, нахмутив лоб. Выражение в его глазах походило на любопытство. Словно он не совсем помнил, как получилось так, что я оказалась под ним.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Да.

Он замер, как будто хотел добавить ещё что-то, но не стал. Вместо этого наклонил голову и нерешительно прижался ко мне губами. Один, два, три раза. Как мило. Его язык прошёлся по моей нижней губе, и у меня перевело дыхание.

— Порядок? — спросил он.

— А то.

Я открыла рот, и он принял приглашение, страстно целуя меня, превращая мои внутренности в желе. В плане поцелуев он был новичком. Об этом много чего говорило, но он быстро навёрстывал упущенное. Он вёл себя естественно. Мы чуть ли не пытались съесть друг друга. Не скажу, что это выглядело приятно, но было чертовски горячо. Наши языки спутались, зубы то и дело сталкивались, но мы даже не думали отрываться от поцелуя, чтобы втянуть воздух. Воздух для слабаков. На ощупь я сняла с себя очки и убрала в сторону, пока они не сломались.

Его член потёрся о мои половые губы, заводя меня ещё больше и заставляя нервные окончания изнывать от предвкушения. Моя мокрая киска пульсировала и была готова к тому, чтобы её взяли. Ощущение его близости, его запах — всё в Джимми заводило меня. У меня и раньше был страстный секс. Но заниматься жарким сексом с тем, кто заставляет твою голову кружиться, было совершенно другим делом. Всё кажется совершенно другим, если в этом замешана любовь.

В какой-то момент он перенёс вес на одну руку, а второй потянулся вниз. Головка его

члена потёрлась о мой вход, прежде чем медленно проскользнуть внутрь.

— О, боже, — выдохнула я прямо ему в рот.

Он начал двигать бёдрами, глубоко проникая внутрь. Совершенство. Долбаное абсолютное совершенство, вот каким был секс с Джимми. Одним плавным движением он полностью вошёл в меня, заполнив и воспламенив каждую мою частичку. Мне нравилось то, что его размеры были выше нормы, так я чувствовала его присутствие. Когда он был во мне и надо мной, я получала всё, что требовалось от секса, всё, ради чего стоило заниматься любовью. Потому что всё во мне пылало от его присутствия и превращало нас в единое целое. Может, Дэвид и был прав насчёт того, что для Джимми я была новым видом наркотика. То же самое я могла сказать и о себе.

Мы были одним горячим, возбуждённым существом, парящим так высоко. Звучит безумно, но так и было.

Джимми входил в меня снова и снова. Чем глубже я впивалась пальцами в его мокрые от пота плечи, тем быстрее уходила в забвение. Он запустил руку в мои волосы, легонько потянул их и впился в мои губы. Это была бесконечная битва за доминирование, но проигравших не оказалось. Его твёрдый член проникал в меня всё чаще и сильнее. С моего языка сорвался поистине жалобный хнык.

Но мне было всё равно. Я думала только о том, как бы кончить...

Его губы прошлись по моей челюсти, царапая щетиной кожу на шее. Он укусил меня, отчего киска крепко сжалась. Джимми застонал и начал двигаться быстрее. Существовала большая вероятность того, что я с ног до головы буду покрыта синяками, но, боже милостивый, оно того стоило.

Прошло много времени, даже не знаю сколько. По всей видимости, то, что творилось на кухонном столе, было кратким описанием. А теперь, лёжа на моей кровати, он предоставил мне историю в полном объёме.

Мы с головой ушли в безумный секс.

Его рука крепко вцепилась в моё бедро, удерживая здоровую ногу вокруг своей талии. Его напряжённый взгляд не отпускал меня, придавая смелости, чтобы показать ему всё, показать, как сильно он влияет на меня. В тот момент он контролировал моё тело, не меня. Казалось, черты его лица окаменели, став сосредоточенной маской. Всё, что мне оставалось — крепко держаться за него, держать его так близко, насколько возможно. Он резко вошёл внутрь, отправляя меня выше в ощущениях.

— Джимми, — простонала я.

Внутри всё напряглось, каждую мышцу трясло, и это происходило до моего оргазма. Его член погрузился глубже, основание задело клитор и бум! Фейерверки. Целое небо фейерверков. Моё тело было одним большим взрывающимся существом. Зарождение суперновой звезды и рядом не стояло. Мои внутренние мышцы сдавили его член, пальцы впивались в его кожу. Если бы у меня не был закрыт рот, то вполне уверена, мой крик был бы слышен во всем доме.

Когда я пришла в себя, Джимми уже осторожно слезал с меня.

— Эй, — прошептала я.

Его большое тело рухнуло на матрас, заставляя меня подпрыгнуть. Всё моё тело было покрыто потом, а по венам разлилось лёгкое чувство вялости. На то, чтобы совладать с дыханием, кажется, ушла целая вечность.

— Джимми?

Он лежал на животе, часто дыша, стараясь восстановить дыхание. И это всё из-за меня, меня и моей вагины. Так держать. Тогда и сейчас мышцы на моих бёдрах и внизу живота сотрясали спазмы — последние отзвуки оргазма. Мои ноги были словно желе, слабыми и вялыми.

— С тобой всё хорошо? — спросила я, отважившись прикоснуться к нему. Я провела пальцами вниз по его накачанной руке.

— Ага, — ответил он, переплетая пальцы с моими.

Джимми перевернулся на спину и стал разбираться с презервативом. Он положил его на салфетку, чтобы выкинуть позже.

— Почему бы нам не заниматься этим вместо пробежек? — предложила я.

Он улыбнулся.

— Как по мне, такой способ сжигания калорий лучше.

— Будем делать и то, и другое, — сказал он, сжимая мои пальцы.

— Ладно.

Глубоко дыша, я придвинулась немного ближе к его жаркому телу. Ничто не сравнится с витающим в комнате запахом после секса. Будь наш мир немного развитие, я бы собрала этот запах в бутылку и постоянно носила с собой.

— Не против, если я останусь с тобой?

— Нет. Я только «за».

Я натянула одеяло и выключила свет. Это казалось таким нормальным и приятным. Таким правильным. Мы так и не разъединили наши руки.

— Устал, — пробормотал он.

— Спи, — сказала я.

Он кивнул.

И мы заснули. Мне снились самые замечательные сны.

— Лена, сделай что-нибудь со своей жизнью, — дразнил меня Джимми.

— Уже, — ответила я, дурачась со своим фотоаппаратом, сидя на скамейке для пресса.

Его кулаки били по груше. Бам, бам, бам. Не удивительно, что этим утром моя промежность была такой чувствительной, учитывая, сколько силы он вкладывал в удары. Это смутно связано между собой, но, боже мой, какое зрелище. На нём были только чёрные шорты и тенниски. Под ярким светом его кожа блестела как у божества, а все мышцы были выставлены напоказ. Линии его лица были такими резко очерченными, и на нем читалась решительность, на что я могла бы смотреть вечно, мне бы такое никогда не надоело.

— Пялиться, как я упражняюсь с грушей, не совсем то, о чем я говорю. —

Тяжело дыша, он опустил руки.

— Я делаю твои фотографии. — Я подняла сияющий новый фотоаппарат и сделала парочку снимков в качестве демонстрации. — Ты же не против нескольких фото, не так ли?

— Не против.

— Замечательно. А ты бы не мог, пожалуйста, снять с себя одежду? Я бы не прочь сделать снимки, на которых ты обнаженный.

Он посмотрел на меня.

— Это ради искусства, честное слово.

— Не думаю.

Он расстегнул ремешки на своих перчатках. Это были не совсем боксёрские традиционные перчатки, а менее громоздкие.

— Я в долгу не останусь.

Жестом, выставляющим меня не совсем с достойной стороны, я играла с V-образным вырезом моего свитера.

— Как? — Его глаза потемнели от вспыхнувшего в них интереса.

О, этот трепет от осознания своей небольшой сексуальной власти над этим мужчиной. У меня голова шла кругом только от мысли об этом, мои гормоны метались как сумасшедшие.

— По-разному. Вот увидишь, я могу быть очень изобретательной при наличии стимула. Ты должен мне поверить.

Он двинулся ко мне навстречу, медленно и спокойно. Но его глаза говорили о другом.

— Надумала поиграть со мной, Лена?

— Нет. — Я опустила камеру. — Прошлой ночью ты позволил мне руководить процессом. Вышло неплохо, согласен?

— Когда ты меня поцеловала?

— Да.

Он приблизил своё лицо к моему.

— Когда ты заставила меня быть сверху?

— И это тоже.

— А я думал, тебе не нравится мой пот, — сказал он, дразня меня. — Вообще-то, помнится, ты это чётко сказала и отправила меня в душ.

— Вот не надо использовать тот случай против меня. Тогда я пыталась сопротивляться тебе, это касалось выживания, — простонала я в отчаянии; от воспоминаний о вкусе его губ рот наполнился слюнками.

А затем на другой стороне комнаты зазвонил мой телефон. Джимми подбежал туда и поднял его, проверяя, чье имя высветилось на экране.

— Кто такая Элис?

— Моя сестра. — Я небрежно махнула рукой. Мы едва обмолвились парой слов за последний год или около того, поэтому, что бы она там ни хотела сказать, это может подождать. А вот наш с Джимми поцелуй, не мог. — Забей. Я перезвоню ей позже.

С хитрой улыбкой он клацнул по экрану и поднёс телефон к уху.

— Алло?

Быть того, мать твою, не может. У меня отвисла челюсть.

— Да, это Джимми Феррис, её босс. — Он замолчал, слушая ответ. — Всё верно, я и: «Стейдж Дайв». — Ещё одно молчание с самодовольной ухмылкой в мою сторону. — Спасибо, не знал, что ты фанатка. — И снова он слушал. — Да, Лена упоминала о тебе. На самом деле она даже рассказывала мне немного о том, как ты трахалась с её парнем, и что теперь вы собираетесь пожениться. Как тебе с этим живётся?

— Джимми. Нет. — Чёрт, чёрт, чёрт. Я отложила фотоаппарат в сторону и, хромая, приняла участие в деликатном процессе по доставке своей задницы к Джимми. — Тебя это не касается.

Засранец сделал шаг назад, потом ещё один, увеличивая расстояние между нами. Его лицо сейчас было серьёзным, а рот сжат в суровую линию. Очевидно, что бы там он сейчас ни слышал, это ему не нравилось.

Он фыркнул.

— А я так не думаю. Видишь ли, Элис, как это не называй, но ты увела у своей сестры парня. Если ты звонишь не для того, чтобы попросить у неё прощения, то я вообще не понимаю, о чём тут разговаривать. И мне абсолютно насрать на то, настоящая это любовь или нет. Ты поступила неправильно. Знаешь, откуда мне это известно? Я поступил точно так же со своим братом. Было хреново делать так из-за собственной неуверенности, но, знаешь что, Элис? У меня хотя бы есть хрен. А у тебя какое оправдание?

Я изобразила рукой, будто провожу ножом по горлу, все еще надеясь дотянуться до него, насколько быстро паника и бандаж позволят. Когда мне почти удалось схватить телефон, Джимми обернул руку вокруг моей талии, не давая мне этого сделать. Я вытянулась ещё сильнее, но мой посредственный рост был против меня.

— Ты не помогаешь, — прошипела я. — Прекрати.

— Да, похоже, я защитник Лены. Или, быть может, я единственный, кто готов всю эту ситуацию назвать дерьмом собачьим.

— Отдай телефон.

Я попыталась опереться на него, чтобы подобраться ближе, но мои пальцы соскользнули с его мокрых от пота плеч. Чёрт бы побрал его горячее тело.

Голос моей сестры звучал тихо и отдалённо. Я даже не могла толком разобрать слова. Впрочем, говорила она спокойным тоном, хотя была на взводе и невероятно зла. Стопудово идеальная принцесса не получала ни грамма удовольствия от разговора. Часть меня радовалась этому, но большая часть хотела разорвать Джимми на кусочки за то, что он совал свой нос, куда не следует. Как бы то ни было, мне не нужна война с сестрой. А она начнется,

если он не прекратит это дерьмо.

— Давай сюда.

Он меня проигнорировал.

— Джимми! — кипя от недовольства, я вlepила ему пощёчину (знаю, что не должна была, но вlepила). Реакция не заставила себя ждать. Он уставился на меня, а затем смачно шлёпнул меня по заднице. Я завизжала, моя ягодица горела.

— Чтобы больше такого не было, Лена, — сказал он.

— Дай мне телефон.

Я вцепилась в его чертовски сильную руку, пытаюсь заставить её опуститься.

— Да ты, б****, шутишь, — сказал он в трубку скептически голосом. — С фи́га ли ты вообще представила, что твоя сестра изъявит желание прийти на свадьбу и быть одной из твоих подружек, когда ты выходишь за её бывшего? Почему она должна спасти твою задницу, а? Эта твоя подружка кинула тебя, потому что ты и её парня поимела?

Из телефона послышались безумные крики.

— Чего-чего она от меня хочет? — спросила я озадаченно. Наверное, я неправильно расслышала. Элис просто не могла попросить меня о чем-то столь ужасном и жалком. Чтобы я стояла возле алтаря, в то время как она выходит за моего бывшего, которого у меня же и увела, как и сказал Джимми. — Ни за что.

Из-за ярости у меня начала вскипать кровь. Было ощущение, будто из ушей валит пар.

— Ах ты безмозгая, чёрствая, избалованная, грёбаная корова! — довольно громко крикнула я, чтобы это могла услышать моя любимая сестрица.

Джимми выгнул бровь.

— Я не верю тебе, Элис.

Он передал мне трубку.

Я поднесла телефон к уху.

— Ты серьёзно думаешь, что я приду в качестве грёбаной подружки? Я уехала. Я сделала всё возможное, чтобы не раздувать скандал, потому что все были взволнованы по поводу твоей помолвки. Но как ты смеешь считать, что для меня это сущий пустяк? Ты должна вести себя как моя сестра! Или для тебя это ничего не значит?

— Лена, — сказала моя сестра. По голосу слышно, что она была явно удивлена. — Эм...

— Ты даже не извинилась. Боже, Элис, если бы ты хоть раз признала, что поступила неправильно, то я бы это пережила, понимаешь? Я бы простила тебя. — Я прислонилась к Джимми, чтобы одолжить у него немного сил. — Но ты вела себя так, словно он был послан тебе свыше, и срать ты хотела на всех, кто встанет на вашем пути.

— Я... я люблю его.

— Неужели? Знаешь, я тоже его любила. И мне было больно. Очень больно из-за того что ты сделала. Что вы оба сделали.

Джимми водил верх-вниз по моей спине, а второй рукой крепко держал меня. Я прижалась щекой к его груди, чувствуя, как он дышит, как бьётся его сердце.

— Прости меня, — наконец, сказала она, нарушив тишину. — Я... ты права. То, как мы поступили с тобой, было неправильным, и мне жаль. Нужно было сказать тебе об этом раньше.

Наконец-то. Я в спешке глубоко выдохнула. Мои плечи поникли. У меня было плохое предчувствие, что с глаз вот-вот упадёт несколько слезинок.

— Спасибо.

— Ты приедешь на свадьбу? Пожалуйста. Я бы хотела, чтобы ты заняла место подружки, от которого отказалась Тиффани. Но я пойму, если ты отвергнешь предложение. Просто, это кажется неправильным, что тебя не будет. Ведь ты моя сестра.

Ох, блин. Не думаю, что смогу это сделать. А это дурацкое радостное событие будет всего через три дня. Джимми сжал меня, просто давая знать, что он рядом. Это помогло.

— Не знаю, Элис. Мне нужно подумать.

— Хорошо, я понимаю. Спасибо, Лена.

Она повесила трубку.

Я стояла на месте, обернув руку вокруг талии Джимми и прижав лицо к его груди, пытаюсь прийти в себя.

— Это было неожиданно.

— Хм-м.

— Больше не отвечай на мой телефон.

— А ты больше не бей меня.

— Извини.

Я упёрлась подбородком в его грудь, чтобы взглянуть на его безупречное лицо. Руки Джимми лежали на моих плечах, но сам он хмурился. Возможно, сейчас он оттолкнёт меня, указывая на необходимость соблюдения личного пространства, и покончит с этой утешительной бессмыслицей. Но он не стал этого делать.

— У меня попа болит, — сказала я, просто чтобы начать разговор.

— Хорошо. Так ты собираешься на свадьбу сестры или как?

— Честно, не знаю. Вроде она говорила искренне, но...

Он скрестил руки, выглядя типа таким большим, сильным и восхитительно убийственным парнем. То, как он защищал меня перед Элис, согревало моё сердце.

— Если я соглашусь, то ты пойдёшь со мной? — осмелилась спросить я.

Джимми состроил гримасу.

— Не знаю. Я не хорош по части семейных дел.

— Ну да, может, это и к лучшему.

— Если ты приведёшь меня в качестве своего парня, мне придётся встретиться с твоими родственниками, что будет неловко, учитывая природу наших отношений.

Я прищурилась и взглянула на него.

— И какова же природа наших отношений, Джимми?

— Я твой босс и время от времени партнёр по перепиху, — ответил он, беспечно подмигивая мне.

— Вот как? — сказала я голосом, лишённым эмоций.

— Ну, да. Кстати, о сексе, слышал, на свадьбах он бывает чертовски горячим, поэтому, может...

— Не стоит продолжать Джимми, не усложняй наши обычные отношения. А теперь, извини, но я пойду.

— Господи, Лена, что теперь я сказал?

— Мне нужно кое-чем заняться!

Я махнула ему, уходя из спортзала. Хотя на самом деле он не заслуживал даже этого.

Джимми наблюдал за мной. Я чувствовала его взгляд на себе через всю комнату. Хоть

это и было приятно, но для этого подошло бы другое время. Например, когда мы не окружены членами его большого семейства и ещё парочкой знакомых.

Девчачий вечер, который он предложил Эв организовать для меня в ночь того ужасного свидания с Рисом, наконец-то воплотился в жизнь. За исключение того, что из-за давления СМИ после дебюта его матери на ТВ, мы не могли потусоваться в ночных клубах и потрясти попками. Казалось, что каждая видеокамера в стране была направлена на братьев Феррис, особенно Джимми. В результате чего, мы все тусовались у Дэвида и Эв. Играла музыка, люди пили достаточно много напитков, за исключением Джимми и меня. Я не могла не гадать, чувствовал ли он себя за бортом из-за этого. Он отдыхал на белом диване, так как это умел делать только он, Мал болтал о чём-то возле него. Энн сидела у барабанщика на коленях, попивая «Корону» и играя с его волосами. Я смотрела в их направлении, просто расслабляясь. Дэвид и Бен были где-то поблизости, без сомнения возясь с гитарами.

Я же была просто счастлива оттого, что освободилась от бандажа. Моя лодыжка до сих пор немного болела. Тем не менее, я выживу.

— Пс-с.

Какого...?

— Пс-с, Лена. — Лучшая подруга Эв, Лорен, бросила орешек в ложбинку между моими грудями. Она довольно хорошая девчонка, вот только бросаться орешками в то место было вовсе не обязательно.

Я достала его и положила в рот.

— Чем могу быть полезна, Лорен?

Эв и сестра Энн, Лиззи, сидевшие возле окон, которые вели на балкон, придвинулись ближе. С окон кондо открывался замечательный вид на Перл Дистрикт. Ну и на отражение Джимми.

— Мы пытаемся разнюхать информацию о вас с Джимми, — сказала Эв.

— Фигня это всё, — засмеялась Лорен. — И ежу понятно, что она его уже завалила.

Я убрала волосы с плеч, внимательно рассматривая своих так называемых следователей.

— Не понимаю, о чём вы.

— Ты действительно повредила лодыжку, пытаюсь выбить его дверь? — спросила Лиззи, смерив меня взглядом.

— Ну, да. Было такое.

Она о чём-то замечталась:

— Как по мне, это очень романтично.

— А я думаю, это забавно, — сказала Эв. — Кроме той части, когда ты повредила ногу, конечно.

— Конечно, — улыбнулась я.

— Лена, что происходит? — Эв прислонилась к стеклянной двери. Её глаза светились любопытством.

— Я не понимаю, о чём ты.

Она сощурила глаза.

— Я тебя умоляю, глянь, как он на тебя смотрит.

— И как же он смотрит на меня?

— Как будто ты изобрела... как это называется, народ, помогите... — обратилась она к своим подругам.

— Минет, — подсказала Лорен.

— Точно. — Эв скрестила руки. — Джимми смотрит на тебя так, словно ты изобрела минет, и ты до сих пор строишь передо мной из себя недотрогу? Не прокатит. У вас двоих всё очень-очень запутано.

Я ничего не ответила.

— Энн мне тоже ничего не рассказывала. Из вас, девчонки, никакие сплетницы. — Вздохнула Эв. — Ты же от меня ничего не станешь таить, да, Лиззи?

— Что ты, Эв. Чтобы я — да никогда.

Она посмотрела на меня боковым зрением.

— Почему я тебе не верю?

Лиззи засмеялась.

— Ладно, пойду отберу свою сестру у её парня на пару минут. До скорого, дамы.

— Увидимся, — сказала я, незаметно смотря через плечо, проверяя обстановку. Джимми смотрел прямо на меня обеспокоенным взглядом. Поскольку Мал разговаривал с Лиззи и Энн, ничто его не отвлекало. С другой стороны, Эв и Лорен следили за каждым моим движением.

— Она пропащая душа, — сказала Лорен.

— Ага, — согласилась Эв. — Но, подозреваю, и он не далеко ушёл.

Я проигнорирована их. Вроде того.

— Как насчёт того, чтобы вместо переживаний о том, через какие драмы мне приходится или не приходится проходить, нам побеспокоиться о том, как продвигаются дела с их стержневой матерью? Есть новости?

Эв поморщилась.

— Последнее, что слышал Дэвид, она взяла деньги и сбежала.

— Джимми ведёт себя так, будто его это не волнует, но все не так, — сказала я, отходя назад, чтобы посмотреть на объект моего желания в отражении окна.

Его тёмные волосы были гладко зачёсаны назад, и он был одет в чёрную футболку, синие джинсы и блестящие черные ботинки. Рукава футболки были закатаны, открывая его тату. Я всё ещё не знала их историю и что они для него значат. Было грустно оттого, что, возможно, между нами всегда будет недосказанность, потому что он видел во мне лишь временную пассию.

— Лена? — Эв придвинулась ближе. — Ты в порядке?

— Да. Конечно.

Я выдавила свою лучшую улыбку.

Она не улыбнулась в ответ.

Раз моя улыбка была неубедительной, то я перестала улыбаться.

— Просто сейчас много чего навалилось.

— Ты не подумываешь об уходе, так ведь?

Лорен ушла к своему парню, брату Эв, Нейту. Мы остались одни. Я и Эв вместе с моими переживаниями и сомнениями, загнанными в угол вечеринки, наблюдающими за тем, как проходит жизнь.

— Это касается одной хрени, связанной с моей сестрой и бывшим. Они начали встречаться за моей спиной и теперь женятся, — сказала я, выложив карты на стол. Что-то подсказывало мне, что она не только сможет понять, но и захочет. Как бы я ни любила Джимми, но иногда девушка нуждалась в подруге, с которой можно было бы дружески поболтать.

Губы Эв округлились в идеальную «О».

— Вот чёрт.

— Ага, это довольно паршиво. Кажется, моя уверенность упала ниже плинтуса, понимаешь?

— Ещё бы. — Она потянула свою элегантно сплетённую белую косу; её глаза полны беспокойства. — И как вы сейчас ладите с сестрой?

— Она извинилась и хочет, чтобы я вернулась домой и заняла место подружки, у которой не получится прийти на свадьбу.

— Вот как. — Эв шумно выдохнула. — Это довольно серьёзная просьба.

— Так и есть.

Я засмеялась, хотя ситуация была совсем невесёлой.

— Ты пойдёшь?

— Пока не решила. Я не хочу бросать Джимми или принуждать себя, но свадьба — это серьёзное дело. Если я пойду, то мне придется вести себя достойно. И там будет вся семья. Я год не была дома, и они уж точно ждут не дождутся моего появления. Но ради этого придётся побывать в роли подружки невесты, а это чертовски сложный вопрос.

Поначалу она ничего не отвечала, лишь смотрела на меня.

— Лена, эта свадьба сломит тебя? Или же это будет фиговое событие, которое можно высидеть, выпить несколько бокалов, улыбнуться нужным людям и потом к чертям свалить оттуда, как только сможешь?

— Скорее второй вариант. — Я вздохнула. — Думаю, в конце концов, я почувствую себя лучше, если пойду. Это поможет мне проситься с прошлым.

— Тогда иди. За пару дней с Джимми ничего не случится.

Верно, но шансы на то, что я не стану подавленной и угнетённой, пока его не будет рядом, невелики. Хотя это здесь ни при чём.

Целоваться со мной под деревом это не то, чего он хотел. Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах.

Я не нужна ему в этом плане. Он столько раз говорил мне об этом, столькими способами. Кажется, только сейчас моё сердце всерьёз восприняло это, отпуская его. Наше время закончится. Я не перестану любить его, а он будет отказываться начинать отношения. Вот такая жестокая правда.

Мне нужно наслаждаться моментом. Получать, что могу, пока это возможно.

В конце концов, всё усложнится, и я уйду, как изначально и планировала.

— Спасибо, Эв.

Она улыбнулась.

— Ты одна из нас, Лена. Обращайся в любое время.

— Эй, — сзади донёсся знакомый глубокий голос, заставляя меня подпрыгнуть.

Я даже не заметила, как он поднялся.

— Джимми, привет.

— Лена, можно тебя на минутку?

— Конечно.

Взгляд Эв наполнился задумчивостью.

— Мне тут нужно кое-что сделать на кухне. Прямо сейчас.

— Ладно, — покачала я головой. Тактичности у неё хоть отбавляй.

— О чём ты хочешь поговорить?

— Не здесь. Пошли.

Джимми положил руку на мою поясницу, ведя меня в сторону ванной.

Я послушно шла. Но если он надеялся на секс после своего ранее отпущенного дерьмового комментария, то глубоко ошибался.

Джимми закрыл дверь. Раз на то пошло, то ванная комната была красивой. Повсюду были сияющие серые поверхности, огромное, во весь рост, зеркало и хромированная отделка.

— Что такое? — спросила я, отойдя от него на шаг и скрестив руки на груди.

— Я думал о свадьбе твоей сестры и тому подобном.

Я нахмурилась.

— И?

— И кое-что выяснил. — Он убрал назад волосы, пригладив их сзади. Если бы я его не знала, то подумала бы, что он нервничал. Вот только Джимми не нервничал, уж точно не из-за меня. — В твоём городе не очень много приличных мест, где можно остановиться, поэтому всё, что я мог сделать, так это забронировать тебе комнату в мотеле. Но я заказал билеты первого класса и арендовал машину, типа моего «Мерседеса», чтобы тебе было удобно водить. Всё это будет ожидать тебя в аэропорту. Ещё я запросто могу организовать шофёра, если хочешь. Я не был уверен, захочешь ли ты нечто подобное.

Я поправила очки, у меня взорвался мозг.

— Ты всё это организовал?

— Да. И девушка из гостиницы сказала, что у них есть небольшой ресторан, но, после прочтения о нём в инете, он показался мне отстоем. Не хочу, чтобы ты отравилась едой или что-то в этом роде, так что я поищу ресторан, который занимается доставкой еды на дом. И отправлю приличный комплект постельного. Она сказала, что у них есть только постельное с синтетическими добавками.

Он скривил губы, чётко давая понять о своём отношении к подобным вещам. Можно подумать, сон на простынях не из египетского хлопка убьёт меня. Блин, каким же милым он был.

— И я велел Сэму позаботиться о безопасности, поскольку вокруг до сих пор шныряют папарацци. Просто на всякий случай. Обещаю, охранники будут вести себя осторожно.

— Джимми, я не могу прийти на свадьбы сестры с охраной.

— Уверена?

— Да, — улыбнулась я.

— Тогда ладно. Ещё я подумал, что тебе понадобится платье и прочее, сейчас мой стилист занимается этим, — заявил он. — Я описал тебя и отправил ей твои параметры. Не переживай, она пришлёт пару вещей на примерку.

— Пришлёт?

— Кучу всего, чтобы ты смогла сама выбрать. Я сказал ей не забыть про туфли и прочую фигню.

— Ты обо всём позаботился. — Я подняла подбородок. — Но откуда ты знаешь мои параметры?

Он замер.

— Лена, мои руки побывали на тебе уже как парочку раз. Я знаю твоё тело. И в ближайшее время забывать не собираюсь.

— О.

— Я не давлю на тебя, честное слово, — сказала он; его глаза были полны искренности. — Если ты решишь не идти, то ладно. Ничего страшного. Но я просто хотел, чтобы всё было наготове, если ты всё же захочешь поехать.

— Ты всё это сделал ради меня?

Одно его плечо приподнялось.

— За такой короткий промежуток времени?

— Эв помогла, — признался он. — Знаю, ты, наверное, давно не виделась с семьёй. А один мудрый человек как-то сказал мне, что семья важна.

Он прислонился к столешнице и смотрел на меня.

— Я не хотел делать тебе больно. Знаю, ты думаешь, что таким образом я пытаюсь откупиться, но это не так. Я бы всё равно это сделал. Я просто желаю тебе лучшего, потому что ты этого заслуживаешь.

От волнения к глазам подкатили слёзы. Я несколько раз моргнула, легонько шмыгнув носом.

Он застонал:

— Лена, не плачь. Так дело не пойдёт.

— Я не плачу. Не посмею.

— Ты думаешь, что совсем не заботишь меня. Но ты ошибаешься. Если ты всё ещё хочешь, чтобы я пошёл с тобой, то ладно. — Он вздрогнул. — То есть, я буду не против. Всё, что захочешь, договорились?

— Хорошо. — Я удивлённо смотрела на него, во мне боролось сомнение, сердце и мысли пытались совладать с услышанным. — Спасибо, Джимми.

Он лишь смотрел на меня, не двигаясь. Поэтому двинулась я, напрямиком в его объятия. Без колебаний он прижал меня к своей груди.

— Не испытывай ко мне ненависти, Лена, — прошептал он. — Если хочешь позлиться, когда я делаю что-то глупое, то вперёд. Только без крайностей. Если ты начнёшь ненавидеть меня, я этого не вынесу.

Я прижала руку к его щеке, задетая той печалью и уязвимостью, с которой он говорил.

— Эй, я не смогу ненавидеть тебя.

— Пообещай.

— Обещаю. — И это была правда. Он практически постоянно выводил меня из себя. Но я ни за что не стала бы его ненавидеть. Я заключила его лицо в свои ладони. Он был так дорог мне, но в то же время казался таким одиноким, потерянным и испуганным как ребёнок. — Этого никогда не произойдёт.

Джимми закрыл глаза и тяжело выдохнул. Он потёрся своей щетинистой щекой о мою голову, нежно поглаживая, посылая дрожь по моему телу. Я поднялась на носочки, и он крепко поцеловал меня. Его язык проскользнул в мой рот, в поисках моего. Боже, а он хорош. Его вкус, знакомое чувство его тела напротив моего — всё это было таким идеальным.

Рядом с ним я чувствовала себя как дома.

Он целовал меня медленно и влажно, что можно описать только как мощное сексуальное нападение. Его рот завоевывал меня всеми возможными способами. Всё его беспокойство только усиливало жажду, я думаю, он казался ненасытным. Его руки скользили по мне, поглаживая моё лицо и шею, трогая каждую часть моего тела. Моя кожа ожила под его пальцами. Никакой мужчина никогда не заставлял меня чувствовать такую

жажду, такое обожание. Уверена на все сто, что никто и никогда не вызывал столько чувств в моём теле и моей душе.

— Прощаешь меня? — спросил он, оставляя на шее дорожку из горячих поцелуев.

— Да. Но больше так не делай. И не переставай целовать меня.

— Понял. Давай я как следует извинюсь перед тобой, поцеловав между ног. — Сильные руки схватили меня за попу и прижали к эрекции. — Я хочу вылизать тебя, Лена.

— Тебе нравится это делать, не так ли? — спросила я немного изумлённо. Прошлые парни не особо это любили.

— Ещё, б****, как. Мне нравится, когда ты извиваешься перед моим лицом, трешься об меня своей киской.

— Боже.

Его твёрдая выпуклость прижалась к низу моего живота, заводя меня. Но именно из-за его слов меня бросило в жар.

— Твой запах, твой вкус — обожаю пробовать тебя, — выдохнул он.

— Хватит. — Я прикрыла его рот рукой, крепко сжав свои ноги. Мои трусики находились в безобразном состоянии. Он сделал меня мокрой и жаждущей, даже не прикоснувшись ниже талии. Этот парень находился под влиянием сексуального возбуждения, не подвластного контролю. А может, и я, сложно сказать. Как бы то ни было, ему пора завязывать. — Кто-нибудь может услышать.

Он освободил рот от моей руки. На его лице появились ямочки.

— Никто не услышит. Здесь прекрасная звукоизоляция. Как ты думаешь, Дэйв и Эв умудряются трахаться во время вечеринок? Всё из-за толстых стен. Не волнуйся.

— Мало ли.

Он прищурил глаза.

— Ты уже намочила, Лена? Твоя хорошая киска готова к моему рту? Я чертовски голоден. Этим вечером ты кончишь не один раз.

Моё лицо пылало ярче, чем дрова на гриле, а между ног пульсировало.

— Так и знал. Тебе нравятся мои грязные разговоры, — сказал он, покусывая мою ключицу, а затем лизнув её. Взрослое животное.

— Ничего подобного. Не выдумывай.

— Тебя чуть ли не трясёт от возбуждения. Ты это обожаешь. — Его смех был зловещим, а дыхание отдавалось жаром на коей коже. — Эх, Лена. Есть у меня парочка непристойностей, в которые нужно тебя посвятить.

Я уткнулась в его шею и несколько раз хорошенько укусила его. Чёрт, какой же приятной была его кожа на вкус, такой солёной и теплой, в этом был весь Джимми. А пах он ещё лучше. Его пальцы вцепились в мою попу, крепко удерживая на месте. Его налитый член заявлял о своей готовности, упираясь в мой живот. Если он нальётся ещё больше, то ему может быть больно.

— Скажи-ка мне, Лена, насколько мокрые твои трусики?

Я бы призналась в этом только через мой труп. Ну, или после лёгкой эротической борьбы. Пожалуй, второй вариант мне ближе. Но стоит отметить, в эту игру могли играть двое, а дурачиться с ним было ещё как весело. Может, сейчас он проявлял инициативу, но и я не отставала.

— Твой дружок кажется таким твёрдым, Джимми.

— Неужели? — спросил он, слегка потянув меня за волосы. Чего хватило, чтобы кожа

на голове покрылась мурашками.

Я вздохнула.

— Обожаю звуки, которые ты издаёшь, — сказал он. — Интересно, какой будет звук, когда я укушу твою сладкую попку. Она так и манит меня, Лена. И, разумеется, когда я доберусь до неё, то не забуду войти в твою киску пальцем. Не хочу, чтобы она чувствовала себя брошенной.

— Как мило с твоей стороны. — Я просунула между нами руку, чтобы взяться за его огромный член. — Хочешь, чтобы я лизнула его, Джимми? Естественно я с удовольствием могу заняться и минетом.

— Это предложение?

— Мы этим ещё не занимались.

Он прижался лбом к моему.

— Нет, не занимались. И у тебя прекрасный рот.

Я прижала руку к животу и оттолкнула его. Он выпустил меня из объятий.

— Прямо сейчас? — спросил он.

— Что может быть романтичнее? — улыбнулась я.

Его улыбка стала шире.

— Я ни хрена не смыслю в романтике. Но буду тем ещё идиотом, если откажусь от твоего предложения. Но ты уверена?

— Да.

На поручне висели плотные, пушистые полотенца белого цвета. Я взяла одно из них и бросила ему под ноги.

Его взгляд метался с меня на полотенце, и обратно.

— Точно-точно уверена?

— А то.

Я взяла ещё одно полотенце и положила его поверх первого.

Затем опустилась на колени.

Казалось, его зрачки увечились вдвое.

— Лена.

— Да?

Я провела руками вверх, к его упругим бёдрам. Затем расстегнула его ремень, пуговицу на джинсах и потянула за молнию.

— Забыл, что хотел сказать...

— Ничего страшного. Я рада, что на тебе нет нижнего белья.

Я взяла его член в руку. Боже, он был таким горячим, невероятно тёплым. Кожа была столь же мягкой как бархат, а головка стала красной. Он здорово ощущался в моей руке.

Он сжал кулаки.

— И мне на самом деле нравится твой член, Джимми.

— Боже.

— Правда, серьёзно нравится. — Я провела пальцем по головке его члена, немного поддразнивая. От этого у него дёрнулись мышцы на бёдрах. — Но весь ты мне нравишься даже больше.

Он напрягся.

— Спасибо.

— В любое время, — улыбнулась я. — Ты хочешь, чтобы я сделала это в очках или без?

— В очках, — мгновенно ответил он.

— Хорошо, но не кончай на очки, это не прикольно. Понял?

Мышца не его челюсти дернулась.

— Тогда хорошо.

Я провела языком по головке его члена, собирая капельку его солёной смазки. Вкуснятина. Мне нужно больше. Обычно из-за спермы мой мир не начинал пылать в огне, но я смаковала каждую частичку Джимми, что бы это ни было.

Настолько безумной была к нему моя любовь.

Я хотела заставить его почувствовать такое же обожание и желание, как чувствовала я. Прогнать сомнение из его глаз и дать ему только наслаждение.

Я взяла его в рот, посасывая, перед тем как облизать языком. Всё моё внимание было уделено этому сладкому местечку. Я водила по нему кончиком языка до тех пор, пока он не начал ругаться весьма много, а его бёдра выгибались вперёд. Свободной рукой я обхватила его яйца, нежно покручивая; их кожа такая мягкая и нежная. Его твёрдая плоть растянула мою челюсть, наполнила мой рот, а его мускусный запах был всем, что я чувствовала. Я взяла его так глубоко, как могла, работая языком, зубами и губами. Рукой я гладила его везде. Так чтобы не зацепить его зубами я отпрянула, потом снова подалась вперёд.

— Чёрт, Лена. — Его тяжёлые яйца натянулись. — Так чертовски мило.

И он сказал мне то слово, в котором я сомневалась. Его член выскользнул из моего рта с легким хлопком.

— Мило? — спросила я, улыбаясь опухшими губами.

Он посмотрел на меня сквозь закрытые веки.

— Очень мило.

Я ещё раз обхватила его головку, посасывая жёстче. Его бёдра в ответ дёрнулись.

Пришло время его добить. Мышцы его живота напряглись, ноги выпрямились. Я сосала изо всех сил, втягивая щеки и заглатывая глубже.

— Чёрт побери, Лена.

Различные звуки, такие как рычание и урчание, доносились до меня. Он был таким животным.

Горячая горько-солёная сперма наполнила мой рот и горло. Я быстро глотала её. Мне даже никогда в голову не приходило сплюнуть... это же был Джимми. Он кончил в то время, как я нежно поглаживала его член и потирала яйца, заботясь о нём. Всё его тело расслабилось, и он хватал ртом воздух. Я закончила с ним. Мужчина был уничтожен.

— Помоги встать, — сказала я, дёргая его за джинсы. Он моргнул, медленно открыв глаза, и протянул мне руку. Я ухватилась за неё, позволяю ему поднять меня на ноги. — Спасибо.

Он выбросил руку, обнимая меня за шею и притягивая к себе. Он весь дрожал.

— Ты в порядке? — спросила я.

Кивок.

— Чувствуешь себя немного на взводе, да? — Я погладила его по голове. — Всё хорошо. Это всё чувственный минет.

Он фыркнул.

Я прижалась к нему.

— Рада, что тебе понравилось.

— Лена, я чист, — сказал он, уткнувшись в мою шею. — Я проходил обследование, оно

показало отрицательные результаты, так что всё в порядке.

— А, правда? — Я сглотнула, даже не задумываясь об этом.

Его руки, державшие меня в стальной хватке, не дрогнули.

— Мне понравилось, что ты так сделала.

Тёплые, влажные губы прикоснулись к моей шее. Какой нежный жест с его стороны, даже не думала, что ему такое по душе. Моя голова кружилась от радости, и самые тревожные слова поднимались из сердца, пока не застряли в горле. Но всё-таки они проталкивались наружу с идиотским намерением. Я пыталась остановить их, потому знала, что лучше для меня, а что нет. Но они выплеснулись из моей измученной влюблённой души, в то время как рассудок наблюдал за всем этим в полнейшем ужасе.

— Я люблю тебя, Джимми.

И тишина.

Абсолютная, мёртвая тишина.

Парень в моих руках замер на месте, у него даже перехватило дыхание.

— Знаешь, это вовсе не так уж и важно. — Мой поганый рот, я хотела придушить себя всевозможными долгими, мучительными способам. Мы были в хорошем месте, в хорошее время, и вот нужно было мне всё испортить, надавив на него. — Тебе не нужно ничего отвечать. Вообще-то, ты и не обязан, будет лучше, если ты промолчишь, и мы продолжим то, на чём остановились, делая вид, что ничего не было, ладно? У нас ведь всё было отлично, просто замечательно, и я действительно не хочу ничего менять.

Он взялся за мои руки и с силой отцепил меня от себя. Инстинкты подсказывали увернуться и сбежать от него, скрыться. Что бы ни случилось, лучше мне не смотреть ему в лицо. Потому что оно было бледным и напряжённым, а в его глазах читался испуг.

— Ты меня любишь?

— Джимми...

Он смотрел на меня как на чужую, как на девушку, которую не знал, и с которой не хотел иметь ничего общего.

— Лена, я не могу... я не...

— Нет, я знаю.

В этот момент, я умерла всеми возможными способами. Лишь мои лёгкие этого ещё не поняли.

Снизу донёсся визг и лай. Маленькие коготки царапали мои икры. Теперь с чулками можно было попрощаться. Должно быть, щенок вздремнул за шкафом и проснулся от криков Джимми.

— Привет, Киллер. — Я подняла маленький чёрно-белый клубочек. Он был идеальным отвлечением от боли в моём сердце. — Я тебя не заметила. Где ты прятался?

— Нам пора возвращаться.

Джимми с великим энтузиазмом уставился на дальнюю стену. Полагаю, всё лучше, чем смотреть на меня и те эмоции, что творились на моём лице. Как же стыдно.

— Да. Пожалуй.

Я повела его обратно, так же как привела в свою эмоциональную минет-ловушку. Женщины самые ужасные создания. Киллер потёрся мокрым носом о мой подбородок.

— Сынок, — позвал Мал щенка в качестве приветствия. Он до сих пор болтал с Энн и Лиззи на диване. — А я думал, куда ты пропал.

— Он спал в ванной. — Я протянула шерстяного малыша его папочке.

Мал сощурил свои зелёные глаза.

— У тебя неестественно опухли губы и стёрлась помада. Чем, черт возьми, вы вдвоём занимались в ванной на глазах у моего первенца?

— Ничем, — ответила я, отступая назад. Этого разговора мне ещё не хватало.

Он поднёс щенка к своему лицу.

— Киллер, скажи папочке, где эти плохие люди прикасались к тебе.

— Да не было ничего.

Я повернулась к Джимми, но он всё ещё находился в состоянии шока. Беспольный придурок.

— Он травмирован! Только посмотрите на него.

Мал поднял щенка вверх на всеобщее обозрение. Счастливый от внимания Киллер завилял хвостом и дважды громко гавкнул.

— Дай его сюда. — Энн осторожно забрала у Мала щенка. — Не травмирован он. Может, стал немного осведомлённее, чем необходимо. Хотя у нас в спальне он тоже далеко не всегда спал, пока мы кое-чем занимались.

— Разве ему недостаточно расти с позором из-за того, что его родители не расписаны? — Мал печально покачал головой. — Мой бедный мальчик, у него так и не выпало шанса на нормальную жизнь.

— Хм-м, — сказала Энн, протягивая собачку сестре. Кажется, в ближайшие годы лапы Киллера ещё не скоро коснутся земли. Среди всех собак, живущих с богатыми и известными хозяевами, его, скорее всего, баловали больше всех. И да, переживать за тисканье собачки куда безопаснее, чем обернуться и посмотреть, вышел ли Джимми из своей эмоциональной комы.

Энн встала на ноги, а затем опустилась перед барабанщиком на одно колено.

— Ты женишься на мне?

Вокруг смолкли все разговоры.

— Обычно я отмачиваю шутейки, — сказал Мал, нахмутив брови. — А не ты.

— Я не шучу. — Она потянулась к его рукам и крепко сжала. — Я люблю тебя и хочу выйти за тебя замуж, Малкольм Эриксон. Что скажешь?

У Мала открылся рот, и мы все затаили дыхание. Но он ничего не ответил.

В итоге, снова заговорила Энн:

— Я больше не боюсь. Я знаю, что это правильно, и, если ты всё ещё хочешь сделать это, то и я хочу, всем своим сердцем.

— А мы можем полететь в Вегас и пожениться с Санта Элвисом на Рождество? — спросил Мал. Его глаза были подозрительно яркими.

По щеке Энн скатилась слеза.

— Было бы здорово.

Воцарилась суматоха, когда Мал прыгнул на Энн, и счастливая пара начала кататься по полу. Все разразились аплодисментами, возгласами, и ещё бог знает чем. Киллер всюду лаял во время этой суматохи. Только мы с Джимми стояли отдельно, до сих пор ошеломлённые моим признанием. Я хотела порадоваться за их пару. Правда хотела, но стояла на месте, пытаясь сохранить вкус Джимми на своих губах, с потерянным сердцем и острыми шипами, терзающими меня на части.

К моей руке мимолетно прикоснулся Джимми.

— Пойдём.

Посмотрела на его красивое любимое лицо и мрачно ему улыбнулась.

— Ага.

Посреди всего празднования и суматохи, мы двинулись к лифту. Поездка на первый этаж выдалась безумно тяжёлой. Никто из нас не проронил ни слова. Снаружи моросил горький, холодный дождь. Я потуже закуталась в пальто, а Джимми открыл для меня пассажирскую дверь. Через дорогу, держась за руки, перебежала счастливая парочка людей. Из-за дождя и моих очков городские огни размывались в пятна.

Вам знакомо чувство, которое появляется в преддверие зимы, когда тебя до самых костей пробирает дрожь и кажется, что никогда больше не сможешь согреться? Вот его я сейчас и испытывала.

— Лена, — сказал он, до сих пор держа дверь открытой.

— Извини.

Я залезла в роскошный, оббитый кожей, Мерс, и Джимми осторожно закрыл за мной дверь.

Через несколько секунд он занял место водителя, стирая дождь с лица. Мы не разговаривали. Да и говорить было не о чем. Дорога домой прошла без происшествий, огни и здания сменялись одни на другие. Вскоре перед нами появились мрачные серые стены его особняка. Несмотря на плохую погоду, возле входа было несколько смелых фотографов. Их не пускали двое охранников.

Мы сделали круг и направились в подземный гараж. За нами закрылись большие двери, запирая нас внутри. Я долго сидела, пялясь в никуда. Джимми открыл мою дверь, предлагая свою руку.

— Спасибо. — Я поднялась без его помощи. — Я в порядке.

Я даже близко не была в порядке. Любовь без взаимности та ещё сука.

Мы поднялись по лестнице наверх, миновали первый этаж и оказались на втором. Вторая дверь слева вела в мою комнату. Он остановился возле входа, и я включила свет, понизив его до полумрака. Это было освещение для особого настроения.

— Лена. — Он сглотнул, его глаза помрачнели. — Позволь мне войти.

— Я не могу.

— Но...

— Я не могу, — повторила я. — Нам нужно остановиться.

— Нет, не нужно.

— Нужно, — ответила я. — Я не могу так. Не могу от этого отгородиться. Не могу сделать вид, что ничего к тебе не чувствую. Просто я не такой человек.

— Нет, между нами всё нормально. Поверь, нормально. — Он провёл по моим рукам и прижал к себе. Я хотела его, всего его, так отчаянно хотела. Его прикосновениям невозможно противостоять. — Всё хорошо.

— Джимми...

— Ш-ш-ш, все хорошо. Это просто я.

Он прижался ко мне губами, и я ощутила их вкус. Боже. Нет ничего вкуснее этого. Я не смогла бы отступить, если бы попыталась. Я повернула лицо, открыла рот и нашла его губы своим языком. Звук чистого голода раздался из его горла, и его руки обхватили мои бёдра, яростно сжимая их пальцами.

Наутро останутся следы.

Мои руки обвили вокруг его шеи, прижимая его сильнее. Вплотную, до тех пор, пока

он не начал стягивать с меня пальто, и мне пришлось его отпустить. Раз он был самой большой любовью моей жизни, то нам стоит достойно закончить наши отношения. После сказанного уже ничего не исправишь. Я знала это. Чувствовала это всеми фибрами души. Это было прощание.

Мы избавились от одежды, и, спотыкаясь, двинулись к кровати. Но не успели проделать и половину пути, как руки Джимми заскользили по моим бёдрам, задирая юбку до талии. Слава Господу за чулки. Наши рты не отрывались друг от друга, языки тёрлись и дразнили. Он сорвал мои трусики, прижал меня к ближайшей стене, и опустился на колени.

Первое прикосновение его языка было сравни экстазу, затем нарастало давление с посасыванием его губ. Вся кровь в моем теле двигалась по его приказу. Я прижалась своей киской к его лицу, и он застонал в знак одобрения. Он изголодался по мне. Если бы можно было обойтись только этим.

— О, боже, Джимми.

Мои руки запутались в его волосах, его язык нашёл мой клитор и чёрт... как же хорошо. Я закатила глаза. Осторожно он положил мою ногу к себе на плечо, раскрывая меня ещё больше. Он быстро и сильно довёл меня до оргазма, всё моё тело дрожало. Я была наполовину возбуждена предыдущими ласками, несмотря на эмоциональное смятение. И, слава богам, вагине было наплевать на разбитое сердце и боль. Мне не хотелось упустить этот момент: наши последние минуты вместе.

Два толстых пальца скользнули в меня и надавили на сладкое местечко внутри. Он сказал, что знает моё тело, и он не лгал. Я закричала и кончила, ошарашенная потрясающим финишем. Мои пальцы крепко вцепились в его волосы, потянув сильнее. Но он не жаловался. Мои кости дрожали, разум был пуст, и это было прекрасно. На один яркий прекрасный момент всё в мире приобрело смысл. Я была там, где должна была. Потом реальность и грусть вновь вернулись. Глаза закрылись, его губы прижались к моему лобку в мягком благоговейном поцелуе. Это казалось актом восхищения. Он упёрся своим лбом мне в живот всего на мгновение, как будто это его только недавно вывернуло наизнанку.

Я перебирала пальцами шёлковые пряди его волос.

— Эй, ты в порядке?

— Да.

Джимми Феррис не шутил.

Он поднялся на ноги, расстегнул штаны и подошел ко мне. Мне всё ещё нужно было время, чтобы отойти от оргазма, но он не ждал. Он поднял меня на руки, оборачивая мои ноги вокруг своей талии. Хотела бы я быть достаточно сильной, чтобы удержать его вот так навсегда. Толстая головка его члена надавила на мой вход, и он медленно погрузился в меня. Он заполнял меня так, как мог только он, и дело было не в его размере.

— Ты охренеть как прекрасна, Лена.

— Боже. Джимми.

— Ты нужна мне.

Его зубы захватили моё ухо, сладкая боль пронзила меня, заставляя задыхаться. Он покрыл моё лицо поцелуями, жаркие губы были повсюду, помечая меня как его собственность. Казалось, что он тоже не мог насытиться мною. Моё глупое сердце тяжело и быстро билось, и было готово вырваться из груди, но я ничего не могла с этим поделать. Я обхватила его, позволяя ему врываться в меня, оставляя отпечаток на каждой моей поре. Все во мне принадлежало ему, хотела я того или нет.

Несмотря на доводы рассудка, моё сердце вновь и вновь отдавало ему свою любовь, пока внутри не осталось ничего, кроме ноющей пустоты.

Но разве не в этом суть любви? Джимми кончил сильно, его член дергался внутри меня, зубы вцепились в мою шею. Его голова лежала на моём плече, пока он пытался отдышаться, и мы привалились к стене.

Джимми отнёс меня в кровать и уложил нас на мою половину кровати. Я перевернулась, чтобы посмотреть на него. Он выглядел выжатым, смертельно уставшим. Что ж, мне тоже хотелось заснуть на тысячу лет. Тёмные волосы упали ему на лицо, пряча от меня его глаза. Свет от лампы ослеплял. Нужно было сделать освещение ещё темнее. Чёрт, нужно было вообще его выключить.

— Я больше так не могу, — сказала я.

Он не ответил.

— Нам нужно вернуться к чисто деловым отношениям. Так будет лучше. — У меня не нашлось слов лучше.

По нему пробежала дрожь, и он лёг на свою сторону, повернувшись ко мне спиной.

Едва пробил полночь, как самый красивый мужчина из всех, кого мне довелось повстречать, вылез из моей постели, и я отпустила его.

Я проспала. Когда я проснулась, по всему дому уже разносился стук и смех.

Ещё один трудоёмкий день в мире «Стейдж Дайв».

Если честно, я не знала, чего ожидать. Поскольку Джимми спугнул Тома, мне придётся подыскать ему новую замену на своё место. А вот моё ученичество у Пэм было вопросом времени. Быть может, мне стоит поступить в колледж искусствования или типа того, изучать технику фотографирования другим путём. Я наконец-то поняла, чем бы хотела заниматься всю оставшуюся жизнь. К чему лежала моя душа. Хотя бы один плюс во всей этой хреновой ситуации.

— Привет, — сказала я по пути на кухню. Мои волосы были всё ещё мокрые после душа.

Парни собрались за столом, попивая кофе и разные энергетика. Мал, по всей видимости, готовил клятву на свадьбу для Вегаса. Он стоял на стуле, в то время как остальные потешались над ним и бросали вверх скомканные листы. Дин стоял в углу. Он кратко мне улыбнулся. Здесь были даже Тэйлор и Пэм, которые не выпускали друг друга из объятий. Ещё одно доказательство вечной любви и совместного счастья.

В следующий раз я поступлю разумно и влюблюсь в кого-то, кто захочет меня так же сильно, как и я его. В следующий раз.

— Лена со мной согласна. Так ведь, Лена? — крикнул Мал через всю комнату.

— Конечно, Мал.

— Даже не представляешь, с чем ты сейчас согласилась, — сказал Бен, улыбаясь мне поверх чашки с кофе.

— Захлопнись, Бен, — сказал безумный барабанщик. — На каждой свадьбе в Вегасе должна быть пара танцовщиц бурлеска для эффекта, Лена это понимает. Она более продвинутая, чем вы, глупцы.

— Энн сотрёт тебя в порошок, — сказал Бен.

Я покачала головой и двинулась дальше. Продолжать участвовать в этом разговоре я не собиралась.

Я заметила Джимми краем глаза, полностью одетого в традиционный чёрный цвет, который прислонился к барной стойке. Если бы я не посмотрела на него, то, возможно, смогла бы выйти из этой ситуации с маленьким, целым и не поврежденным кусочком себя. Но сперва стоит подумать о главном, о кофе. Я потянулась за чайником и до краёв залила чашку. Какой там сахар или молоко, мне нужно было закачать кофеин прямо в кровеносную систему, прежде чем кто-нибудь пострадает.

— Дэйв, убери грёбаные сапоги со стола, — заворчал Джимми.

— А ты сегодня само очарование, Джим, — ответил Дэвид. — Что же послужило такому хорошему настроению?

Его брат не ответил.

Я отхлебнула кофе и обожгла язык. Неважно, это боль была едва ощутима, сущий пустяк.

— Мне нужна та готовая хрень по интервью и планы на первый этап турне, Лена. Сейчас же. — Джимми резко бросил свою пустую кружку в раковину. Удивительно, что она не разбилась. — И, на будущее, попытайся вставать пораньше и вовремя приходите на

работу, идёт?

Медленно я повернулась к нему, держа в руке кофе.

Он смотрел прямо на меня.

— Хватит маяться дурью. Правильно, Лена?

Моя чашка начала трястись. Его посыл нашёл отклик на всех уровнях. Значит, нашим отношениям конец, не могу сказать, что это было неожиданно. Это почти принесло облегчение: демонстрация наших обид, выбрасывание их в этот мир. Хотя из вежливости он мог подождать, пока во мне уже не будет его семени.

— Верно, — согласилась я, мой голос звучал ровно, странно. Я не была похожа на саму себя.

Тени пролегли под его холодными бледными глазами, а разрез его губ и скулы казались грубее, суровее, чем обычно. Я спала не очень много, но Джимми, казалось, не спал вообще. Всё его тело будто застыло, находясь на пределе.

Всё разговоры за столом смолкли. Даже Мал вскочил со стула.

— На свадьбу твоей сестры найди себе кого-нибудь другого. Я улетаю в ЛА, чтобы повидаться с Лив. — Его руки вцепились в столешницу, мышцы на руках напряглись. — Я буду занят.

Я кивнула. Мои слёзные протоки готовились к чему-то масштабному, я это чувствовала.

— И как только вернёшься, начинай искать собственное жильё.

Я начала задыхаться, живот сжался. Казалось, будто меня ударили и задели ребро или два. Так больно, внутри и снаружи. Глупая я, этот бардак предполагался с самого начала. Не стоило вообще влюбляться в такого мужчину как Джимми Феррис.

— Нефиг постоянно маячить передо мной, — сказал он. — Будешь работать с девяти до пяти, пока мы не отправимся в турне, как положено. Понятно?

Дэвид медленно встал.

— Джим...

— Не вмешивайся. Это строго между нами. — Он повернулся ко мне, враждебно сжав губы. — Тебе ясно, Лена?

Бен тихо выругался.

— Ясно. Ещё что-нибудь, мистер Феррис? — спросила я, поставив кружку с кофе, пока не уронила.

Его голос резал остро, словно нож.

— Больше никаких милых вещей. У нас чисто деловые отношения. Мне не нужно твоё мнение и, уж тем более, твои советы.

В горле пересохло, словно в пустыне.

— С этих пор делай свою работу и только.

— Джимми. — Дэвид стукнул руками по столу, на котором мы с Джимми занимались любовью. Трахались. Всё равно.

— Прекрати, — сказал Дэвид, его лицо наполнилось яростью. — Не говори с ней в таком тоне.

— Не твоего ума дело, Дэйв. И никогда не было.

Я оцепенела на месте, но зная, как стоит поступить.

— Уволь меня.

— Что?

Все взгляды в комнате были направлены на меня, но я смотрела только на него. Он

хотел зрителей, и он их получил. Чёрта с два продолжу играть в эту игру. Люди могли думать, всё что хотели, я ничего не могла с этим поделать, относительно этого он был прав. Наши отношения оказались в подвешенном состоянии с тех самых пор, как я призналась ему в любви. Пришло время с этим покончить.

— Уволь меня, — повторила я. — Вот, как это должно закончиться.

У Джимми раздулись ноздри.

— Вот, как это всегда должно было закончиться.

В его глазах промелькнула ярость.

— Ну же.

— Ты ведь этого не хочешь, — сказал он, впервые по его лицу пробежало сомнение.

— Я не могу получить желаемое, Джимми. Никогда не могла. Всё, что от тебя требуется

— уволить меня, и я уйду. Тебе даже не придётся вспоминать об этом. Будет так, словно ничего не было. Ты же этого хочешь, верно?

Тот, кто сказал, что любовь и ненависть — это одно и то же, понимал, о чём говорил. Потому что, тот взгляд, с которым Джимми смотрел на меня, мог бы спалить менее стойкую женщину дотла. Прошлой ночью он хотя бы любил меня или моё тело. А сейчас на месте, где я стояла, должен был остаться пепел.

— Я уйду и всё снова станет проще, без заморочек, — сказала я. — Ты сможешь вновь прятаться от мира. Меня здесь не будет, чтобы остановить тебя.

— Замолчи.

— Уволь меня, Джимми. — Моя улыбка, должно быть, выглядела горькой, под стать моим чувствам. — Отошли меня.

Кто-то что-то сказал, но слова прошли мимо меня, я их не слышала. Здесь были только я и он.

— Ты знаешь, что делать, — сказал я. — Всё было бы намного проще, не будь здесь меня.

— Закрой свой грёбаный рот, Лена.

— Давай, — настаивала я, наклоняясь вперёд. — Нужно ловить момент, да? Сделай это.

На его челюсти дёрнулась мышца.

— СДЕЛАЙ ЭТО.

Он кивнул подбородком.

Сделано.

Воздух покинул меня, и я крепко закрыла глаза. Но слезам всё-таки удалось просочиться, вот же коварные сволочи. Грёбаная истерика. С меня хватит.

— Ты обещал, что рецидива не будет, если я уйду. Надеюсь, ты сдержишь обещание, — сказала я, мой голос дрожал. Сейчас слова давались труднее.

Ещё один кивок.

— погоди, — сказал Мал, спеша к нам. — Джим, чувак. Да ладно тебе, это же Лена. Ты не можешь её уволить!

— Лена, подожди, — Дэвид вытянул руку.

— Всё в порядке, — сказала я, вытирая лицо и проходя мимо группы.

Я не хотела ни на кого смотреть, но естественно посмотрела, попадая в некрасивую жалкую ситуацию. На меня были направлены потрясенные лица и один непонятный смущенный взгляд со стороны Дина. Не то чтобы это было важно, ведь я никого из них больше никогда не увижу. Эта часть моей жизни окончена.

Позади меня разразился спор. Кухня наполнилась громкими голосами, в которых преобладали злость и тревога. Я не остановилась, не повернулась.

Думаю, есть много чего, что я могла сказать о природе любви. Но что именно, я значила или не значила для Джимми, всегда останется тайной, возможно, даже для него самого. Любовь — по-настоящему одна из загадок жизни. Она может поймать тебя всеми возможными способами и при этом остаться ошеломляющей и неизвестной, что это в какой-то степени впечатляет. Думаю, всё зависит от того, как на это посмотреть. Тогда я смотрела на длинную одинокую дорогу домой. В дом моего детства. Дом, в котором я жила с ним, остался позади.

Слёзы полились быстрее, и я позволила им беспрепятственно катиться.

Некоторые вещи стоит прочувствовать на полную катушку.

Мне хотелось думать, что ему будет не хватать меня, но правда в том, что он будет в порядке, как только я исчезну.

Конец.

На входной двери красовался массивный белый атласный бант. Господи, ох уж эта Элис со своей долбаной тягой к показухе. За время моего отсутствия эта свадьба достигла гигантских масштабов. Может, мне стоило отсидеться в гостиничном номере до тех пор, пока всё не утрясётся.

Нет. Это было бессмысленно.

Я сильная.

Как-никак я уже ушла на этой неделе от одной жизненно важной, разрушительной для сердца ситуации. И пережить свадьбу сестры и своего бывшего — это ерунда. Крик, от которого лопались барабанные перепонки и визг ликования, который издавали девчонки, доносился изнутри. Это была ночь накануне её свадьбы и, думаю, она и все три подружки невесты были там. Внезапно заиграла песня Бритни Спирс, довольно громко и надменно.

А знаете, что, нет, я не могла этого сделать.

Ни за какие коврижки.

Моё уставшее тело и душа уже преодолели половину чёртовой страны. Я оставила много вещей в ящиках с посланием для Эв с просьбой переслать. Всё, что имело значение, это убраться к черту из его дома в здравом уме.

Пэм подкинула меня в аэропорт, несмотря на мои протесты и желание вызвать такси. Такая милая женщина, жаль, что мне так и не стать её ученицей. Остальная часть группы и компании к счастью осталась внизу. Хватило и того, что они были свидетелями нашего с Джимми расставания, большего я бы не вынесла. «Никон» стоимостью 10 000\$ остался лежать в моей комнате на прикроватной тумбочке.

Джимми мог делать с ним всё, что захочет. Ни за что его не возьму.

Моя нынешняя жизнь сводилась к тому, чтобы вычеркнуть следы его существования из памяти. Я хотела забыть звук его голоса и запах его потного тела. Я больше никогда не вспомню о наших глупых разговорах, обо всех тех вещах, из-за которых мы ругались. Моё разбитое сердце было обмотано скотчем и склеено до совершенства. И всё это осталось в прошлом.

Всего этого не должно быть, чтобы я могла смотреть в будущее и оставить прошлое

позади.

Но вынести хрень, которая происходила сейчас дома, было выше моих сил. Бритни Спирс. Да пребудет со мной сила. Моё такси уже уехало, и я была близка к тому, чтобы самой потащить свой забитый до отвала чемодан пару кварталов по направлению города. Насколько мне известно, Тони всё ещё работала в «Бёрнс Бэд энд Брэкфаст». Если я подсуну ей двадцатку, она сохранит в тайне моё местонахождение на пару дней.

Но нет, прямо посреди моего пути к отступлению стоял мой папа. Время его не изменило, он был всё таким же крепким и надежным, как и всегда. Может, более поседевшим. В каждой руке было по пакету, полностью забитых контейнерами с едой из японского ресторана «Квонг». Самая лучшая еда в нашем городе, по моему экспертному мнению.

— Лена?

Он заприметил меня в фиолетовом и сером свете вечера. Тиски вокруг моего сердца немного разжались.

— Привет, пап.

Он осмотрел меня, лицо замерло в шоке.

— Моя девочка приехала домой!

— Ага. Я вернулась.

Блин. Я тут же разрыдалась, а лицо превратилось в мокрое месиво. Моим эмоциям нужно бы остепениться, чёрт бы их побрал.

Папа сделал два больших шага в моём направлении и подарил мне самые лучшие из всех возможных объятий, после того как опустил вниз еду на вынос. Восхитительный запах курицы в медовом соусе заставил мой рот наполниться слюной, а живот заурчать. Для меня это слишком, быть одной из этих девчонок, которые худеют, когда очевидно, что их любовная жизнь катится к чертям.

Я прижалась к нему, в поисках утешения.

— Хорошо, что ты дома, дорогая, — сказал он.

— Хорошо быть дома.

И это было правдой.

Мгновение мы просто смотрели друг на друга, улыбаясь удивленно. Приятно осознавать, что некоторые вещи не меняются. Наша связь с отцом была одной из таких вещей.

— То, что сделала твоя сестра, было плохо, — сказал он. — Твоя мама и я жестко высказали ей своё мнение.

— Правда?

Ну, я всегда думала, что Элис считали чудо-ребёнком, и она не могла быть не права. А тут такое.

— Конечно, мы её отругали. Впрочем, ты всегда была слишком хороша для этого идиота Брэндона. Он бы никогда не сделал тебя счастливой. — Папа посмотрел на меня поверх оправ своих очков. — И ты до сих пор несчастна. Что случилось, милая?

— Моё сердце опять разбито, — я усмехнулась и пожала плечами. — Дурында, да?

— Дурак тот, кто разбил его. Моя девочка — королева. Любой парень, который этого не видит, не достоин находиться рядом с тобой.

Этот мужчина должен стать президентом. Он говорил милейшие сердцу слова.

— Спасибо, пап.

Он просто смотрел на меня, ожидая больше информации.

— Это очень длинная история, — сказала я.

Чрезвычайно пронзительный, закладывающий уши крик, как я предполагаю выражающий чрезвычайный восторг, донёлся из дома. Я поморщилась.

— Это будет очень длинная ночь, — вздохнул отец. — Как тебе идея войти внутрь, по пути поздороваться со всеми, а потом скрыться в подвале с моим холодильником с пивом?

— Отличная идея.

— Мама скучала по тебе, Лена.

Он покопался в кармане пальто в поисках ключей. Судя по его утомлённому виду, процесс не из лёгких.

— Давай я помогу. — Я забрала у него один из пакетов. — Я тоже по ней скучала. Мне просто нужно было на время уехать, понять себя и прочее.

— И что ты поняла?

— Поняла, что я всё еще не разбираюсь в выборе мужчин. Но знаешь что, пап?

— Что, Лена? — спросил он с улыбкой.

— Мне хорошо и самой.

Его ключи звякали, пока он копался, разыскивая нужный.

— Конечно, хорошо, ты всегда была самой сильной из моих девочек. Твоя сестра всегда тебе завидовала, знаешь?

— Да ладно тебе, — засмеялась я. Что за глупости. — Яркая, идеальная Элис завидовала?

— Сказала яркая, дерзкая Лена, со всегда готовым возражением и способностью найти общий язык с каждым человеком.

Папа улыбнулся и открыл дверь.

Свет и шум окружили нас в дополнение к девочкам, которые с удивлением выкрикивали мое имя.

— Привет.

Я пригладила свои волосы.

Элис одарила меня робкой улыбкой. Пять футов и восемь дюймов, утонченная фигура с блестящими ниспадающими волосами цвета красного дерева.

— Лена. Привет.

— Привет, — повторила я, подтверждая, как хороша я была в беседе.

Папа прошёл мимо меня, заноса еду на кухню. Подружки невесты смотрели на меня большими любопытными глазами. Долбаные сплетницы. Без сомнения, новости о моём возвращении разлетятся по всему городу в течение нескольких минут.

— Спасибо, что вернулась, — сказала моя сестра, выглядя робко и неуверенно. Её взгляд метался по всей комнате, не в состоянии задержаться на мне надолго.

— Не проблема.

Потом моя миниатюрная мама как ураган вылетела из кухни и заключила меня в объятия. Наши пышные груди впечатались друг в друга со звуком «уумф». Рок-н-рольные рестлеры⁵ уже были бы на своих задницах.

Мои очки, скорее всего, съехали на бок.

— Наконец-то, — прошептала она. — С возвращением, дорогая.

— Спасибо, мам.

Я обнимала её в ответ до тех пор, пока не заболели руки. Это было самое правильное в

приезде домой. Я уже чувствовала себя лучше, легче. Здесь я могла собрать себя по кусочкам. Забыть о рок-звездах и шелковых костюмах, и обо всем остальном.

Мама, папа и я наложили себе полные тарелки свинины в кисло-сладком соусе и отправились вниз. Дикие подружки невесты могли резвиться на первом этаже. Кажется, даже мама была готова устроить себе отдых от эстрогена.

Мы быстро оставили папу в меньшинстве и вместо игры отдали предпочтение старому чёрно-белому фильму по ТВ. Было здорово оказаться дома, быть с родителями — всё это. Очень хорошо.

— Ещё пива, Лена? — спросил папа со своего места в углу.

— Буду считать это тонким намёком принести тебе ещё пива?

— Я пожилой человек. Ты должна ухаживать за своим папой.

— Ла-а-адно.

Мама только хихикнула. Одному только Богу известно, как много белого вина она высосала, до того как мы пришли домой. Я не могла её упрекнуть за это, свадебные планы Элис обошлись слишком дорого.

Подвал был мужской берлогой отца. Огромный телевизор с плоским экраном, удобные диваны и, конечно же, вышеупомянутый холодильник для пива в углу. Фотографии футбольных маек в рамках разместились вдоль стен. Иногда я задавалась вопросом, жалеет ли папа, что у него не было сыновей, но он никогда не говорил и не выражал ничего подобного. Мои родители были хорошими людьми. Всё, что мне приходило в голову, было только моими мыслями. И хотя вернуться домой было отлично, надолго я здесь не останусь.

Я собиралась позабыть прошлое, заняться своими делами (не важно, чем) и быть счастливой. Я приняла решение.

Я взяла бутылку пива для папы, вторую для себя, но насторожилась. У меня не было проблем со спиртным. Я отказывалась от употребления алкоголя в знак поддержки Джимми.

— К чёрту все, — пробормотала я, хватая ещё одну бутылку из холодильника. Я могла расслабиться с близкими и выпить без проблем. Джимми Феррис не руководил мною, ни в какой форме или виде. Никогда не руководил и никогда не будет. Хотя он и не запрещал мне пить, таким способом я выражала свою солидарность. Вот только к чему это привело?

Неважно. Сейчас пора расслабиться и отдохнуть. Я пила пиво.

— А это не тот мужчина, на которого ты работала? — спросила мама.

Я повернулась и вот их во всей красе показывали в прямом эфире из Голливуда. Джимми и Лив на красной дорожке на каком-то мероприятии. Он выглядел чертовски хорошо с уложенными назад чёрными волосами и в чёрном костюме. Ощущение такое, словно мне повернули нож в груди. Всё моё тело застыло в шоке. Бутылка пива выскользнула из моих рук, разбиваясь о плитку на полу. Стекло заблестело, и повсюду разлилась пенная жидкость. Я подняла голову, но его уже не было, на этом всё, новости закончились. Наш милый, старый чёрно-белый фильм вернулся на экран.

Мама и папа уже вскочили со своих мест и поспешили ко мне.

— Мне жаль, — сказала я, тупо пялясь на созданный мною беспорядок. Мой мозг был в ступоре. Чувства Джимми, конечно же, не были задеты. Он разбил моё сердце, выкинул меня из жизни и двинулся дальше, продолжая быть плохим рок-н-рольщиком.

— Да пошёл он, — прошептала я.

Моя сестра бросилась вниз по лестнице.

— Что случилось?

— С твоей сестрой произошёл несчастный случай, — сказала мама, хватая полотенце из кучи постиранного белья возле сушилки.

— Я совершила ошибку, — согласилась я. — Большую ошибку.

Папа моргнул, как филин из-за своих очков.

— Ох, солнышко.

С глаз потекли слёзы и они ещё очень долго не останавливать. Кажется, я наконец-то выплакалась. Слёз больше не осталось.

Я чертовски уверена, что Данте собирался сделать свадьбу одним из кругов ада и просто забыл.

Я сидела одна в углу большого бального зала отеля «Лонг Оак Лодже», в то время как родственники смешались и танцевали вокруг меня. Комната была украшена в серебряных и белых тонах. Шарик, ленты, цветы и так далее. Ошеломляющее количество цветов напомнило мне о похоронах Лори, о шелковых галстуках Джимми. Он говорил, весь мир был для него словно спусковой крючок, когда речь заходила о зависимости. Сейчас я понимала, что именно он имел в виду. Моим наркотиком был греховно красивый парень, ростом метр восемьдесят. Он возводил меня на неведомые ранее высоты: от него во мне вскипала кровь. А затем, что не так уж и удивительно, это и послужило причиной отправки меня на помойку.

Так что, можно сказать, в этом уголке у меня была собственная жалкая вечеринка.

Я сделала ещё один глоток лимонада через яркую свадебную соломку.

Как забавно. Оказывается, людям с разбитым сердцем действительно стоит побыть в одиночестве. Мы не очень-то подходили для шумной компании.

Праздничные огни и свечи создавали мягкое свечение на сцене, группа всюду шаркала классические любовные рок и поп песни. Я позаимствовала платье у старой подруги (длиной до колен, серебристо-серый атлас с милым кружевом, несмотря на то, что оно немного узкое в районе груди). Брэндон один раз прошёл мимо меня, и я оскалилась на него. Нет, серьёзно оскалилась. На самом деле было чертовски смешно наблюдать, как быстро он мог бегать. Больше он не пытался со мной заговорить. По всей видимости, у меня проблемы с прощением людей, которые дерьмово со мной поступили.

Сейчас уже было около полуночи, и наконец-то появились признаки сворачивания вечеринки. Элис и Брэндон танцевали медленный танец в центре танцпола, смотря друг на друга влюбленным взглядом. Несмотря на сомнительное начало их отношений, думаю, у них на самом деле был шанс, так что всего им наилучшего. Мама и папа танцевали рядом с ними, время от времени целуясь. Кажется, все отлично проводили время.

Пританцовывая ламбаду, мимо прошёл дядюшка Боб, и я показала ему «класс».

— Здорово. Вперёд, дядюшка Боб, — сказала я без доли сарказма, потому что вот такая я классная.

Я приспустила очки, потирая переносицу. Головная боль назревала часами и всё благодаря выбранной чрезмерно мудрёной причёске. Она смотрелась великолепно, но чертовски тянула скальп на голове. Даже думать не хотелось о том, как долго мне придётся вынимать все шпильки.

В начале, я не заметила парня в чёрном костюме. Я была чертовски занята тем, что испытывала жалость к собственной персоне. Он был просто тенью, которая двигалась среди покачивающихся на танцполе пар. Он завладел моим полным вниманием, лишь когда возле микрофона разразился спор.

— Свали-ка нахер, — донесся хриловатый голос из колонок. Он казался странно знакомым.

Послышались вздохи. А затем начали спорить тихие голоса, но их было едва ли слышно.

— Да, я вдупляю, что это свадьба, — сказал он четко и понятно. — У меня есть идеальная песня для счастливой пары.

— Нет. Быть того не может. — Я развернулась на стуле, рыская глазами по сторонам, пытаюсь рассмотреть сцену за всеми свечами и ленточками с шарами, прикрепленными к потолку. — Это невозможно.

На заднем плане кто-то мягко возмутился. На танцполе было много людей, среди них начало нарастать беспокойство. Не думаю, что этот свадебный теракт был хорошо спланирован.

— Ладно, что вы сможете сыграть? — спросил странный мужчина в черном костюме. Еще один разговор. — Да, ладно, давайте ее.

Послышались первые ноты песни, зазвучали первые аккорды гитары. Я узнала мелодию. Это была песня группы Maroon 5 — She Will Be Loved. Для попсовой песни она была хороша, и даже одной из моих любимых.

А затем незванный певец открыл рот:

— Beauty queen of only eighteen...

Мои колени задрожали и все сомнения исчезли.

Что, ради всего святого, он тут делал?

Благодаря восхитительному беспроводному микрофону Джимми спрыгнул со сцены и начал изучать толпу. Возможно, это была причудливая случайность, и он решил начать выступать на маленьких мероприятиях. Он пробился через море шариков с гелием, вертя головой по сторонам. И продолжал петь.

Я не знала, что делать.

В груди разлилось странное тёплое покалывание. Наверное, у меня было что-то вроде сердечного приступа. Текст песни был неуместен. Нисколько. К вашему сведению, моя улыбка не была безнадежной, просто немного дрожала от переживаемых эмоций. К тому же, мы с ним чем-то занимались всего три раза, что не так уж и много, а, когда я пыталась выбить его дверь и приземлилась на пол своей задницей, он даже не словил меня [отсыл к тексту песни — прим. ред.]. Исходя из чего в моих глазах этот парень выглядел, как чёртов попсовый обманщик.

Джимми Феррис слился с толпой, не оставляя свои поиски. Его голос был соблазнительным и плавным, самым милым, что мне доводилось когда-либо слышать. Многие женщины краснели и обмахивали свои лица, когда он проходил мимо; возраст значения не имел. Моя собственная мать выглядела готовой упасть в обморок из-за его дьявольски красивой внешности.

На краю танцпола он остановился и вытянул шею. Потом он все-таки нашёл свою цель. Он смотрел прямо на меня, не беспокоясь о песни. По толпе прокатилось разочарование.

— Лена? — благодаря стереосистеме его голос разлетелся по всем уголкам помещения. — Какого фига ты сидишь в углу?

Моё сердце гулко билось в груди. Я просто сидела на месте, ошеломлённая происходящим. Если честно, я не знала, что ответить.

Джимми отдал микрофон проходящему мимо официанту, в то время как группа несмотря ни на что продолжала играть. Его шаги к моему столу были размеренными, неторопливыми. Мне вроде как хотелось застрелить его за это. Ещё бы он не понимал, что я была на грани настоящего срыва, в то время как он медленно и вальяжно шёл. По случаю свадьбы он надел один из сшитых на заказ костюмов. Видимо, я должна быть признательна

ему за такое усилие. Печально, но из-за того что сейчас я немного сходила с ума, я была слишком занята.

— Привет, — сказала он, когда наконец-то добрался до меня.

Я подняла руку в знак приветствия.

— Прекрасно выглядишь.

— Спасибо.

Ух ты, я могла говорить. Я провела рукой по юбке, поправляя подол платья. Почему, чёрт возьми, я нервничала? Это ему стоило нервничать. Чёрт, да этот ублюдок должен был опасаться за свою жизнь.

— Полагаю, тебе интересно, почему я здесь.

Я сделала глубокий вдох.

— Совсем немного, да.

— Я, эм...

Его взгляд беспокойно прошёлся по моему лицу.

— Что? Ты что? — в конце концов выплюнула я, потеряв терпение. А затем села на руки, потому что ситуация была чертовски неловкая. Мои пальцы покалывало от желания прикоснуться к нему, а может, сделать ему больно или же повиснуть на нём — я ещё не определилась. Но если я придушу его на глазах у общественности, то мне не светит ничего хорошего. Слишком много свидетелей.

Он схватил ближайший стул, поставил его рядом и присел. Я отодвинула задницу назад на пару сантиметров, нуждаясь хоть в небольшом расстоянии между нами. Это действительно он. Мне было больно от одного вида столь знакомых черт его лица и осторожного взгляда его глаз. Я не могла перестать пялиться и всё упивалась его видом, словно блуждала где-то на протяжении многих лет.

— После твоего ухода я стал размышлять, — сказал он, наклоняясь ближе и оперившись локтями в колени. — О многом.

В моей голове громко и гордо завизжал детектор лжи.

— Ничего подобного. Ты пошёл на вечеринку с Лив Андерсон, поэтому не ври мне.

— Но...

— Нет.

— Ничего не было, Лена. Клянусь. Пожалуйста, дай мне объясниться. — Он потёр рукой своё расстроенное лицо. — Я не знал, как мне быть после твоего признания. Просто... если ты в самом деле это чувствовала, то вероятность того, что я всё испорчу и ты уйдёшь, была слишком высока.

— Ты действительно налажал, и я ушла.

— Да, ушла.

Я чуть не до боли широко открыла глаза.

— Ну и что?

— А то, что я хочу, чтобы ты вернулась. Я поступил неправильно. Вернись, и мы что-нибудь придумаем.

— Что конкретно ты подразумеваешь под «что-нибудь придумаем», Джимми?

Он нахмурил лоб. Выражение его идеального лица было таким искренним, и в то же время таким душераздирающе бестолковым.

— Ладно, я не против твоих чувств. Всё в порядке. Ты вернешься и будешь снова работать на меня, и мы сможем продолжать трахаться. Можем даже иметь особенные

отношения, если хочешь, ладно?

— Ничего не ладно. — Я попыталась улыбнуться, чтобы хоть немного разрядить обстановку. Я потирала свои руки, лежащие на коленях. — Тебе стоит уйти, Джимми.

— Что?

Было больно смотреть на него. А любить — ещё больнее.

— Тебе нужно уйти. Я не вернусь. Этого не произойдёт.

— Лена. — Он схватил моё запястье и крепко сжал его. — Ты же не серьёзно, ты ведь любишь меня.

— Да, мне это, как бы, известно.

В моём горле першило, а глаза покалывало.

— Тогда, почему ты не вернёшься? — потребовал он ответа, не выпуская меня из хватки.

— Из-за самоуважения и самосохранения. И того, что ты готов примириться с моей любовью, недостаточно. Даже близко. Я не собираюсь быть твоей постоянной подружкой для перепиха, Джимми, с особым отношением к своей персоне или нет. Всё твоё предложение приведёт к растерзанию моей души.

Его глаза помрачнели.

— Я думал, это сделает тебя счастливой.

— Что ж, ты ошибался.

— Лена, я пытаюсь дать тебе то, чего ты хочешь.

— Нет, ты пытаешься всунуть мне то, чего хочешь сам. Так отношения не работают. Ты ничего так и не усвоил, — сказала я, стиснув челюсти от эмоций. Дурацкое раздражение. — Тебе даже в голову не приходило, чего бы хотела я.

— Твою мать, чего же ты тогда хочешь, а? — выплюнул он.

— Я хочу, чтобы ты любил меня. — Я убрала его пальцы с запястья. На этот раз он отпустил меня.

Его лицо наполнилось разочарованием.

— Попроси о чём-нибудь другом... о чем угодно.

Всё, разговор окончен. Медленно, я встала со стула.

Джимми со сжатой челюстью поднял голову вверх, чтобы посмотреть на меня.

— Я не могу.

— Значит, тебе не стоило сюда приходить. Отпусти меня.

Он резко вскочил на ноги и яростно отодвинул свой стул назад.

— Подожди.

— Что?

— Она сказала, что никто никогда не полюбит меня.

Этой «ею» была, конечно же, его стервозная мать. Я печально покачала головой.

— Она ошибалась.

В глазах, наполненных слезами, всё кружилось. Грёбаная любовь. Боже, как же достала эта хрень. Не знаю, сколько раз девушка могла бы выдержать боль от разбитого сердца, вызванную одним и тем же парнем, но серьёзно, с меня хватит. Нужно будет посмотреть, есть ли у мамы салфетки «Клинекс».

Интересно, почему группа до сих пор играла ту дурацкую песню? С этого момента я официально терпеть её не могла. Я решительно двинулась к пункту своего назначения, не обронив и слова на прощание. Папа подбросит меня до дома. Единственный мужчина, на

которого могла полагаться девушка, это её отец.

— Лена.

Я остановилась. На нас смотрели, но это было не важно.

— Мне жаль, — сказал он совсем близко.

— Джимми...

— Просто послушай. Пожалуйста. Позволь мне открыться.

Я кивнула подбородком.

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной, пожалуйста. — Его дыхание согревало моё ухо, а жар его тела, который я чувствовала спиной, так и манил к себе. — Я не могу вынести, когда тебя нет рядом, когда не знаю, о чём ты думаешь, чем занимаешься, когда не имею возможности поделиться с тобой своими мыслями. Просто... всё кажется другим. Мне не нравится просыпаться без тебя, и я постоянно за тебя переживаю: в порядке ли ты, есть ли у тебя всё необходимое. Видишь ли, дело в том, что все мои мысли касаются тебя, Лена. Ты мой лучший друг. Ты моя девочка.

Я закрыла глаза и просто слушала его слова.

— Никто раньше не значил для меня столько, сколько значишь ты. Пожалуйста, просто... просто вернись и останься со мной. Навсегда.

На этот раз мои плечи начали дрожать, а колени стали ватными. Ох уж эти долбаные рок-звёзды. Серьёзно. Сильные руки легли на мои плечи, поворачивая меня.

— Извини за то, что всё испоганил. Я думал, если мы оставим всё, как есть, то ничего не изменится, и ты никогда не захочешь уйти. Но я не дал того, чего хотела ты, и всё покатило к чертям. — Его прекрасные глаза стали невероятно яркими. — Прости меня. Мне не нужен никто другой. Ты моё всё, Лена. Я ещё ни разу не испытывал такого. Хочу, чтобы ты знала об этом. Ты должна это понимать, хорошо?

Я просто уставилась на него, словно парализованная.

— Скажи что-нибудь, — попросил он.

— Джимми, это любовь.

Он открыл рот, затем закрыл его. Удивление на его лице выглядело бы забавным, если бы на кону не стояло моё сердце, душа и будущее счастье. Мне не послышалось, он действительно сказал все те слова. У нас была возможность на счастливый конец, должна была быть. Потому что, испытывая такие чувства к человеку, нельзя просто взять и отпустить его. Только не так.

— Любовь, — сказал он, будто пробуя слово на вкус, или пытаюсь понять его вес. Всё ещё держа руки на моих плечах, он водил большими пальцами по моей шее. — Чёрт. Ладно. Согласен.

Я ждала.

Его глаза выглядели невероятно большими.

— Да, ты права. Я люблю тебя.

— Уверен? — я должна была спросить об этом.

Медленно, он кивнул.

— Да, уверен. Я не знал, что способен на это, но...

Я сжала в кулаки ткань его безумно дорогушей белой рубашки и прижала лицо к его груди. Это было слишком. Он заключил меня в свои объятия и крепко сжал. По правде говоря, я боролась с искушением заехать ему по челюсти за то, что он заставил меня пройти через это.

— Мне жаль, — сказал он, зарывшись лицом в мои волосы. — Мне охренеть как жаль за то, что причинил тебе боль. Я люблю тебя, Лена. Чертовски сильно.

— Я тоже тебя люблю, — я шмыгнула носом, позабыв о приличиях.

Нас обоих трясло, даже не знаю, как нам удавалось оставаться на ногах. Мы держались друг за друга, покачиваясь на танцполе, пока приглашённая на свадьбу группа вовсю играла классическую песню о любви, угадайте, какой известной группы?

— Боже, — пробормотал он. — Нам нужно отсюда сваливать. Этот вокалюга и в подмётки мне не годится.

На что я, позабыв о том, где находилась, рассмеялась во весь голос.

Жизнь. Что тут поделаешь?

Джимми прижался ко мне губами, и весь юмор сменился на голод. Боже, как же я по нему соскучилась. Может, и прошло всего пару дней, но они казались вечностью. Я соскучилась по его вкусу и запаху, ощущению его кожи, по всему, что касалось его, будь то хорошее или плохое. Его язык проскользнул в мой рот, и я закатила глаза. Райское наслаждение. Мы целовались, словно были совершенно одни, а не окружённые сотней или около того гостей на свадьбе. Я крепко целовала его, пока не перестала чувствовать губы, мысли не затуманились, и голове не потребовался кислород.

— Ты правда любишь меня? — спросила я снова, когда он прислонился своим лбом к моему.

Он хмыкнул.

— Скажи это.

Мелькнула редкая улыбка.

— Я люблю тебя, Лена.

— Как, черт подери, вовремя, Джимми, — ухмыльнулась я.

Он засмеялся, а затем снова поцеловал меня.

Вот такая вот история о том, как моя сестра выходила замуж за моего придурочного бывшего, в то время как я отправилась домой с самым прекрасным мужчиной на Земле, Джимми Феррисом, вокалистом «Стейдж Дайв».

Эпилог

То, что подразумевалось как вечеринка в честь помолвки Мала и Энн, деградировало в некую странную форму гедонистической музыкальной вакханалии. По всей комнате тот тут, то там лежали инструменты, подарки, вегетарианские пиццы и напитки. Счастливая пара давненько скрылась в одной из свободных спален Дэвида и Эв. Киллер, щенок, преследовал Бена, бас-гитариста, по всему кондо, а Лиззи, смеясь, лежала на диване.

Что было забавно, учитывая разницу в размерах.

Джимми и Дэвид играли на гитаре, и Джимми пел одну из печальных песен Билли Винтерса — Ain't No Sunshine. Я сидела на полу напротив них, щёлкая его на «Никон». Мой парень был самым очаровательным из всех. И да поможет бог моим трусикам, когда он начинал напевать вполголоса, ибо им ни за что не устоять.

Джимми наконец-то смог признаться брату в том, что учился играть на гитаре. Дэвид оказывал всяческую поддержку, помогая ему упражняться в игре. Они говорили о возможности Джимми играть на ритм-гитаре, вместе с гитарным соло Дэвида в

предстоящем турне. В этой роли он выглядел увереннее и счастливее оттого, что мог предложить группе не только пение.

— Всё хорошо? — спросила Эв, присаживаясь рядом на пол.

— Очень хорошо. А у тебя?

Она улыбнулась.

— Просто замечательно, спасибо, что спросила.

За балконными дверями, потерявшись друг в друге, медленно танцевали Нейт и Лорен. Ах, любовь. Прекрасное чувство. Благодаря ей мир казался прекрасным.

— Дальше на очереди ваша с Джимми свадьба? — Эв отпила немного пива.

— Не-е, не думаю. Нам и так неплохо.

— Ты о чём? — спросил Джимми, закончив песню. Он протянул мне руку, и я поднялась на колени. Какая грациозность.

— Эв интересовалась, будем ли мы с тобой следующими, кто свяжет себя узами брака.

Я осторожно положила фотоаппарат на кофейный столик, прежде чем устроиться у Джимми на коленках. То, что он хотел моего присутствия, чтобы я всегда была рядом, было одновременно обязанностью и привилегией. Ну, по большей части привилегией.

— Ты хочешь? — спросил он, наклонив голову.

— Однажды.

— Звучит хорошо.

— Джимми. — Я наклонилась ближе, чтобы прошептать ему на ухо: — Кажется, я только что кончила.

Он погрузил руку в мои волосы, а второй сжал моё бедро.

— Да ты что?

— Я упомянула, что однажды свяжу тебя обязательствами, а ты оказался совсем не против. Мне кажется, что сейчас я смогу получить всё, о чём бы ни попросила. Из-за этого я становлюсь немного возбуждённой.

Он повернул голову и нежно поцеловал меня в губы.

— Мне нравится, когда ты возбуждена. Тогда дела принимают иной оборот.

— Буду иметь в виду.

Он прикусил мою нижнюю губу.

Я ухмыльнулась и откинулась назад, увильнув от его зубов.

— Животное, — засмеялась я.

— Да, так и есть. Какие-то проблемы?

Я зарылась рукой в его волосы.

— Не-а. Ты нравишься мне таким, какой есть.

— Люблю тебя, Лена, — ответил он. В последнее время он постоянно говорил мне об этом. И сомнений у меня не возникало. По нашему возвращению все мои вещи находились в спальне Джимми, и он позаботился о том, чтобы новости о том, что мы вместе, разлетелись везде и всюду. Я не подслушивала его разговор с Лив Андерсон, когда он сообщал ей об этом. Я ему доверяла. После того, как он бросил её в ЛА, чтобы попасть на свадьбу моей сестры, она, по всей видимости, была не удивлена таким новостям.

Она заслужила мое сочувствие. Мне-то известно, каково это любить и потерять его.

Но я его не отдам.

Среди громкого смеха и тьяканья щенка из комнаты наконец-то вышли Мал и Энн. Лицо Энн горело, а Мал всё ещё надевал атласный, покрытый стразами, белый пиджак в

стиле Элвиса. Я до сих пор не могла понять, зачем он решил надеть его. Ведь очевидно, что идея со свадьбой в Вегасе была принята с распростёртыми объятиями и ещё кое-чем.

— Да здравствует король! — выкрикнул Мал, вытянув руки над головой. — Эй, Бенни-бой.

Бас-гитарист развалился на кресле в углу комнаты, а Киллер продолжал тявкать у его ног.

— Йоу.

— Поскольку Лена приручила могучего Джима, ты у нас остался единственным без парочки.

Бен засмеялся.

— И будь уверен, я таким и останусь.

— Ой, да ладно тебе. — Эв села рядом с Дэвидом на диван и приобняла его рукой. — Посмотри на безумно счастливые парочки в этой комнате. Неужели у тебя даже не возникает желания остепениться?

— Нет, — просто ответил он.

— Бенни, у тебя нет никого особенного, о ком ты бы хотел нам рассказать? — поинтересовался Мал, бросая на него любопытный взгляд.

— Нет. — Бен скрестил руки на своей большой, словно бочонок, груди. — Я счастлив заниматься своим делом и получать удовольствие. Зачем себя ограничивать?

На его тираду девушки в комнате провопили «бу-у-у». Все, кроме Лиззи, которая неожиданно вскочила с дивана.

— Мне пора. Завтра важный день. — Девушка обернула руку вокруг Энн и обняла её. — Снова прими мои поздравления.

— Спасибо тебе. Снова, — засмеялась Энн. — Увидимся завтра за завтраком?

— Ясен пень. — Она помахала рукой. — Всем спокойной ночи!

— погоди, давай вместе поймем такси, — сказала Лорен, выпутываясь из объятий по уши влюбленного Нейта. Они выпила пару бокалов, поэтому не могли вести машину. Когда Энн и Мал переехали в кондо, её сестра стала жить в прежней квартире Энн. Учитывая то, что Мал заплатил за аренду на год вперёд, было расточительно не воспользоваться таким шансом. Лиззи же была счастлива променять маленькую комнату в общежитии на чуть большую квартиру, за которую не нужно платить.

— Спокойной ночи, — сказала я, помахав рукой выходящей делегации из троих человек.

Бен наблюдал за тем, как они уходит с хмурым выражением лица. Интересненько.

Но Джимми быстро отвлек меня, проведя своим носом по моей щеке.

— Ты не сказала, что любишь меня, Лена.

— Я люблю тебя, Джимми, — улыбнулась и поцеловала его в губы.

С тех пор как Джимми узнал, что такое любовь, он поставил себе задачу стать эдаким знатоком чувств. Должна признаться, я, определенно, получала от этого выгоду: сексуально и эмоционально. Вред, который нанесла его мать, потихоньку исцелялся. Его отношения с братом стали лучше, чем когда-либо. Он позволил мне найти ему нового психотерапевта и учился доверять и быть открытым во всех смыслах. Честно говоря, думаю, мы оба учились, и это было хорошо. Пусть и было не всегда легко, но мы оба выстояли, потому что это было важно для нас. Сейчас мы были преданы друг другу как никогда прежде.

— Отвезешь меня домой? — спросила я.

Джимми улыбнулся, сверкая ямочками на щеках. От их вида я всегда таяла, и бабочки начинали порхать в моем животе. А то, что происходило с моим сердцем, было невозможно описать словами.

— Всё, что пожелаешь, Лена.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Особые благодарности Джоанн Уайлд, Сали Поу и Наташе Томик.

Посвящается Австралийской Ассоциации Читателей Романтической Литературы.

Спасибо моему мужу и семье за то, что вынесли сумасшествие, связанное с ещё одним дэдлайном. Их любовь и благосклонность, проявленная, в то время как на меня давили сроки, просто невероятна. Я бы не смогла написать книгу без их сердечной поддержки и возможности есть еду, приготовленную в микроволновке.

Огромное спасибо всем из «Издательства Св. Мартина» и «Пэм Макмилан в Австралии и Великобритании». Особая благодарность моему замечательному редактору за оказанную поддержку, Роуз Хиллиард, Хэйли и Кэтрин.

Спасибо моему прекрасному агенту Эми Танненбаум из «Агентства Джейн Ротросен» за её непоколебимую веру и замечательные советы. Спасибо и Чейсити Дженкинс из «Рокстар Пиар И Литературные Услуги» за её дружбу и помощь, а также Бай Нанг Ли за обалденные рисунки и любовь.

Большущее спасибо всем фанаткам рок групп. Дамочки, вы рулите.

Вести блог о книгах сравни акту занятия любовью. Мне кажется, никаких денег не хватит, чтобы оплатить желание человека читать, писать рецензии, держать в курсе последних книжных новостей и сообщать о новых релизах сообщество читателей. (Как всегда, я знаю, что забуду упомянуть важных людей, так что заранее прошу прощения...) Вот их ники: Наташа Книжный Наркоман, Рок Звезды Романтики, Майрис, Клуб Книжных Непристойностей, С Головой В Книгах, Аэстас, Дайте Мне Книги, Любовь и Книги Сказочные Чтения Энджи, Глобаг и Хути, Об Этой Истории, Осенний Обозреватель Безнадёжный Романтик, Продвигатели Книг, Опасная Лил Пикси, Герои и Сердцеразбиватели, Кекси Книги, Под Обложкой, Книжная Замануха, Цы-ц Мамочка Читает, Подцепи Меня, Чердак Анны, Кэтрин, Неиль, Джуди и Джесс из Инди Подвальные Авторы, Саснаямамочка, дамы из Твоего Выдуманного Мельбурна, Энжи, Книжный клуб М Мэл и Трипл, Книжные Бэллы, Случайный Горячий Парень Дня, Верна Обожает Книги Любви, Аллея Книжных Кукол, Ночь Напролёт, Лит Слэйв, Три Цыпочки, Любовь Меж Страницами, Грубая Девчонка, Забавный Отзыв, Ночная Сова, Кристал, Кэт, Дорогой Автор Твинси Говорит, Интрижка с Книжками, Наркоманша Харликвин, Сахара, Кэти, Время Романтики Мартини, Книжнаяутопия, Романы Розмари и много-много других людей. Если вы выделили время, чтобы прочитать и написать отзыв на мою книгу, то спасибо вам.

Заметки

[

←1

]

«Кул-Эйд» — безалкогольный растворимый напиток, популярный в США, продается в

виде порошка, который нужно растворить в воде и добавить по вкусу сахара.

[

←2

]

«Савиль Роу» — британский магазин одежды, известен на территории Англии с середины прошлого века и является законодателем деловой моды

[

←3

]

Фил Спектор — один из самых влиятельных продюсеров в истории популярной музыки. Разработчик концепции «стена звука», первооткрыватель таких звуковых эффектов, как фланжер. В 2009 году он был приговорён к 19-летнему сроку заключения за убийство актрисы Ланы Кларксон

[

←4

]

Фут фетиш — сексуальное влечение к ступням. Является одним из распространённых направлений сексуального фетишизма среди мужчин и женщин.

[

←5

]

Рок-н-ролл рестлинг — входит в акробатический рестлинг. Определенный вид шоу.